

ISSN 2313-061X

Научно-методический журнал

ВЕСТНИК

Издается с 2014 года

**2 (30)
2021**

ВЛАДИМИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ГРИГОРЬЕВИЧА
И НИКОЛАЯ ГРИГОРЬЕВИЧА СТОЛЕТОВЫХ

Социальные и гуманитарные науки

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

Издатель

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

*Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)*

ПИ № ФС77-56199 от 28 ноября 2013

Журнал входит в систему РИНЦ
(Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru

Вестник ВлГУ является рецензируемым и подписным изданием

Подписной индекс: 93515 в Объединенном каталоге «Пресса России»

ISSN 2313-061X

© ВлГУ, 2021

Редактор

Е. А. Лебедева

Корректор

Н. В. Пустовойтова

Технический редактор

Ш. В. Абдуллаев

Верстка оригинал-макета

Е. А. Кузьминой

Выпускающий редактор

А. А. Амирсейидова

Автор перевода

А. А. Ищенко

кандидат ист. наук, доцент

*За точность и добросовестность
сведений, изложенных
в статьях, ответственность
несут авторы*

Адрес учредителя:

600000, Владимир,

ул. Горького, 87.

*Владимирский государственный
университет имени
Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича
Столетовых*

Адрес редакции: 600000,

Владимир, ул. Горького, 87,

ВлГУ, каб. 08-1

Подписано в печать 01.09.21

Заказ №

Выход в свет

Бесплатно

Формат 60×84/8

Усл. печ. л. 13,02

Тираж 500 экз.

*Издательство Владимирского
государственного университета
имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича
Столетовых.
600000, Владимир,
ул. Горького, 87*

Редакционная коллегия серии

«Социальные и гуманитарные науки»

- Е. М. Петровичева* доктор ист. наук, профессор
директор Гуманитарного института
(главный редактор серии)
- Е. И. Аринин* доктор филос. наук, профессор
зав. кафедрой философии и религиоведения (зам. главного редактора серии)
- А. В. Лубков* доктор ист. наук, профессор
ректор Московского педагогического
государственного университета
- М. В. Артамонова* кандидат филол. наук, доцент
директор Педагогического института
- И. Й. Деретич* доктор филос. наук, профессор
руководитель проекта «История
сербской философии», Философский
факультет, Белградский университет
- В. В. Жданов* доктор филос. наук университета
Фридрих-Александра, Эрланген –
Нюрнберг (Германия)
- С. И. Реснянский* доктор ист. наук, профессор
академик РАЕН
- К. А. Аверьянов* доктор ист. наук, профессор
ведущий научный сотрудник ИРИ РАН
- Ю. В. Кривошеев* доктор ист. наук, профессор
зав. кафедрой исторического регионоведения
Исторического факультета СПбГУ
- Т. Л. Лабутина* доктор ист. наук, профессор
ведущий научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН
- И. К. Лапина* доктор ист. наук, профессор
зав. кафедрой всеобщей истории
- С. А. Мартынова* кандидат филол. наук, доцент
зав. кафедрой русской и зарубежной
филологии
- М. В. Пименова* доктор филол. наук, профессор
зав. кафедрой русского языка
- А. В. Ляпанов* кандидат ист. наук
доцент кафедры истории России
(отв. секретарь редакционной
коллегии)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

А. В. Ляпанов

Демографические процессы в государственной деревне Владимирской и других губерний Центрального промышленного района (1826 – 1866 гг.)..... 7

В. В. Митрофанов

«...Я не хотел бы причинять Вам ни малейшего неудовольствия...»:
письма А. А. Спицына С. Ф. Платонову (1900 – 1903 гг.) 18

И. С. Тряхов

Жилищный вопрос в годы Великой Отечественной войны
(на материалах Владимирского региона) 42

ФИЛОЛОГИЯ

М. А. Жиркова

Художественное время и пространство в романе А. И. Куприна «Жанета»..... 55

Н. Н. Левина

Мотивно-образный диапазон русскоязычного сборника стихов Раи Орловой
«Письма странницы» 65

А. В. Марков

Переводоведение Александра Гингера: эстетическое вместо экстатического 71

Е. В. Суровцева

Люди и их имена: к вопросу об изучении личных имён в корпусной лингвистике (на материале житий новомучеников и исповедников Московской епархии) 79

ФИЛОСОФИЯ

Л. Е. Жукова

Понятие «гуру» в учении Б. К. С. Айенгара 84

А. С. Тимошук

Международное общество сознания Кришны в постхаризматической
фазе развития: гибридизация вестернизации и индуизации 97

М. Л. Хижий

Декларация 1927 года и движение «непоминающих»
в Православной церкви 103

Сведения об авторах..... 110

CONTENTS

HISTORY

A. V. Lyapanov

Demographic Processes in the State Village of Vladimir and Other Provinces
of the Central Industrial Region (1826 – 1866)..... 7

V. V. Mitrofanov

«...I Wouldn't Want to Cause You the Slightest Displeasure...»:
Letters of A. A. Spitsyna to S. F. Platonov (1900 – 1903)..... 18

I. S. Tryakhov

The Housing Issue During the Great Patriotic War
(Based on Materials of the Vladimir Region) 42

PHILOLOGY

M. A. Zhirkova

Art Time and Space in A. I. Kuprin's Novel «Janet»..... 55

N. N. Levina

Motif-Figurative Range of the Russian-Language Collection of Poems by Raya
Orlova «Letters of the Wanderer» 65

A. V. Markov

Translation Studies by Alexander Ginger: Aesthetic Instead of Ecstatic..... 71

E. V. Surovtseva

People and Their Names: on the Study of Personal Names in Corpus Linguistics
(Based on the Holy Lives of the New Martyrs and Confessors of the Moscow
Diocese) 79

PHILOSOPHY

L. E. Zhukova

The Concept of «Guru» in the Teachings of B. K. S. Iyengar 84

A. S. Timoshchuk

International Society for Krishna Consciousness in the Post-Charismatic
Development Phase: Hybridity of Westernization and Hinduization..... 97

M. L. Khizhiy

The Declaration of 1927 and the Movement «Not Mentioning in Prayers»
in the Orthodox Church 103

Contributors 110

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДЕРЕВНЕ ВЛАДИМИРСКОЙ И ДРУГИХ ГУБЕРНИЙ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРОМЫШЛЕННОГО РАЙОНА (1826 – 1866 гг.)

В статье анализируются демографические процессы, протекавшие в государственной деревне губерний Центрального промышленного района. Исследованию подвергаются динамические показатели естественной и механической убыли/прибыли государственных крестьян, констатируется рост их численности.

Ключевые слова: государственные крестьяне, демография, статистика, смертность, рождаемость, естественная убыль населения.

Государственные крестьяне в первой половине XIX в. составляли значительный пласт населения Российской империи. Изучение демографических процессов, протекавших в государственной деревне, очень важно для понимания изменений, происходящих в жизни крестьян, их социально-экономического положения, необходимости реформирования и пр.

Изучение указанной проблемы начинается уже в XIX столетии. Обстоятельный анализ населения России делает в своем двухтомном труде В. Э. Ден [11]. Автор приводит и статистические данные по государственным крестьянам.

В 1921 г. была образована Ученая комиссия по исследованию истории труда в России. Среди прочего ее членами были опубликованы документы, статьи по вопросу переселения

государственных крестьян [20; 24]. В отечественной историографии одним из самых известных исследователей государственной деревни является Н. М. Дружинин. В своем двухтомном труде он подробнейшим образом описал различные сферы жизнедеятельности данной категории сельского населения периода реформы П. Д. Киселева [12; 13]. В. М. Кабузан в ряде монографий и статей проследил динамику размещения, численного и этнического состава государственного крестьянства, затронув при этом вопрос об источниках пополнения данной категории населения, а также процесс перехода государственных крестьян в другие социальные группы [15 – 17].

Не ослабевает интерес к крестьянскому вопросу и в XXI в. Основанные на современных подходах работы приносят много нового [23]; продол-

жают выходить исследования, посвященные в том числе и истории государственного крестьянства [8].

При этом несмотря на определенный прогресс, достигнутый в изучении демографических процессов в государственной деревне, губернии Центрального промышленного района остаются пока малоизученными. Таким образом, цель статьи – анализ динамики численности государственных крестьян Владимирской губернии и других губерний Центрального промышленного района.

Наиболее важное место среди используемых источников заняли ежегодные отчеты Палаты государственных имуществ. Они содержат данные о числе ревизских и наличных душ, родившихся и умерших, причисленных к государственным крестьянам и исключенных в другие звания, бежавших и вернувшихся из бегов, сосланных на поселение в Сибирь и отданных в рекруты за дурное поведение, а также информацию о переселениях из одной губернии в другие и т. д. Данные отчеты составлялись на основе сведений, подаваемых с мест. Учет движения государственных крестьян был поставлен очень хорошо, вследствие чего отчеты заключают в себе достаточно полные и точные данные по рассматриваемому вопросу.

Вторую большую группу источников составили окладные книги по всему государству о числе душ. Они составлялись на базе ревизских сказок и охватывали все мужское население империи. Окладные книги легко под-

даются статистической обработке и дают богатый материал.

Методика обработки названных источников была следующей: погодно извлечены сведения о численности наличного и ревизского населения государственных селений Владимирской губернии; проанализированы данные о переходах государственных крестьян в другие сословия, покупках и отсуждениях в казну помещичьих крестьян, а также численности отходников. Наконец, там, где предоставлялась возможность, отдельные динамические показатели о народонаселении Владимирской губернии были сопоставлены с показателями по Центральному промышленному району и стране в целом.

Данные, приведенные на рис. 1, свидетельствуют о росте численности во Владимирской губернии государственных крестьян мужского пола с 1826 по 1839 г. на 12,8 %. Для сравнения: в Московской губернии этот показатель равен 22 %, Калужской – 42,4 %, Костромской – 16,6 %, Нижегородской – 17,3 %, Тверской – 21,6 %, Ярославской – 13,4 %. Столь большой прирост обусловлен тем, что в 1835 г. был произведен так называемый «симбирский» обмен, в ходе которого удельные селения в 16 губерниях, в том числе Калужской и Ярославской, были сданы в казну, а взамен получены селения государственных крестьян в Симбирской губернии, в результате чего численность государственных крестьян мужского пола Центрального промышленного района

ИСТОРИЯ

увеличилась сразу на 17 %. До и после этого прирост в среднем не превышал 2 %, а в некоторых губерниях (во Владимирской, Костромской, Нижегородской) даже наблюдалась небольшая убыль (Нижегородской).

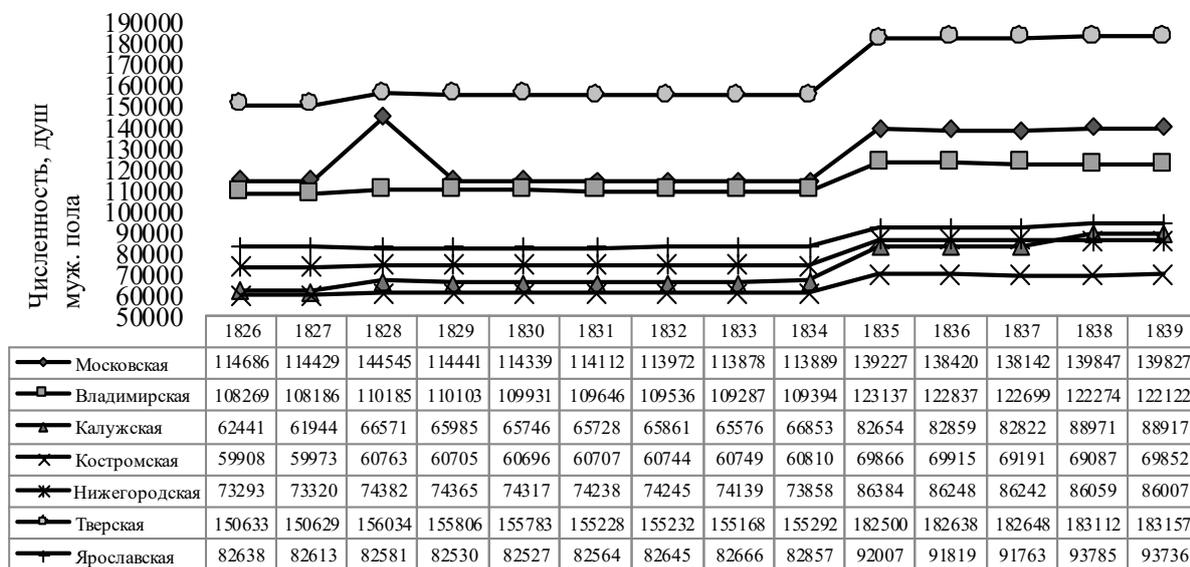

Рис. 1. Динамика численности государственных крестьян Центрального промышленного района в 1826 – 1839 гг., душ муж. пола [1]

Государственные окладные книги также позволяют определить степень механической прибыли и убыли государственных крестьян по губерниям Центрального промышленного района. В табл. 1 наглядно продемонстри-

ровано, что за некоторым исключением (в 1828, 1835 и в некоторых губерниях – в 1839 годах) наблюдается стабильная механическая убыль мужского населения государственной деревни Центрального промышленного района.

Таблица 1

Величина механической прибыли и убыли государственных крестьян Центрального промышленного района в 1826 – 1839 гг., душ муж. пола [2]

Губерния	Год													
	1826	1827	1828	1829	1830	1831	1832	1833	1834	1835	1836	1837	1838	1839
Московская	-85	-266	133	-105	-104	-230	-151	-100	0	25117	-903	-291	1616	-20
Владимирская	-102	-77	1994	-97	-197	-289	-119	-251	-51	13713	-310	-148	-455	-152
Калужская	-294	-529	4496	-591	-255	-14	125	-290	-318	15747	94	-48	-145	6231
Костромская	-8	59	765	-60	-9	10	30	-16	13	8993	3	-724	-121	766
Нижегородская	-30	-16	1049	-22	-61	-92	-15	-114	-336	12497	-155	-18	-189	-67
Тверская	-93	-13	5397	-239	-47	-9	-19	-103	-58	26929	119	-2	456	36
Ярославская	-79	-36	-36	-61	-17	-10	69	7	18	9074	-215	-68	-78	2040

Сравнивая данные, приведенные в табл. 1 за 1835 г., о прибыли государственных крестьян в результате «симбирского» обмена с данными таблицы на рис. 1, мы можем объяснить разницу в приросте мужского населения различных губерний Центрального промышленного района. Дело в том, что губернии с наибольшим ростом либо получили большее пополнение (Московская, Тверская губернии), либо там до этого было сравнительно небольшое количество государственных крестьян (Калужская губерния).

Охарактеризуем в численном выражении основные источники и направления механической прибыли и убыли государственных крестьян мужского пола Владимирской губернии. Как мы видим из табл. 2, преобладающее значение имел переход государственных крестьян в другие сословные группы той же губернии и переезд в другие многоземельные губернии. Так как Владимирская губерния была малоземельной, пополнение государственных крестьян за счет выходцев из других мест было минимальным.

Таблица 2

Механическое изменение численности государственных крестьян Владимирской губернии в 1826 – 1839 гг., душ муж. пола [3]

Год	Причислено			Всего	Исключено			Всего
	из неокладных званий и со льготами	из других гильдий и званий той же губернии	из других губерний		в неокладные звания и на льготу	в другие гильдии и звания той же губернии	в другие губернии	
1826	1	–	3	4	5	101	–	106
1827	7	–	–	7	–	9	75	84
1828	2048	2	9	2059	–	23	42	65
1829	4	1	37	42	1	77	61	139
1830	5	–	–	5	6	68	128	202
1831	6	–	1	7	2	126	168	296
1832	8	10	–	18	–	36	101	137
1833	7	6	–	13	–	23	241	264
1834	16	–	–	16	1	18	33	52
1835	13965	11	–	13976	2	170	91	263
1836	17	32	4	53	1	82	280	363
1837	36	70	2	108	7	48	201	256
1838	12	–	–	12	1	252	203	456
1839	27	29	4	60	5	59	148	212

Анализируя демографические процессы после реформы П. Д. Киселева и до реформы государственной

деревни 1866 г., следует констатировать тот факт, что, как мы видим из рис. 2, численность государственных

крестьян Владимирской губернии возросла существеннее, чем в предыдущий период. В точности определить размеры этого роста невозможно, так как различные источники дают разные данные. Н. М. Дружинин предпочитает анализировать и сравнивать результаты ревизий, считая, что они дают

наиболее гарантированное единство данных. Мы в нашем исследовании сделали упор на ежегодные отчеты Палаты государственных имуществ. Сопоставляя данные этих отчетов, мы получили следующую картину устойчивого роста численности государственных крестьян.

Рис. 2. Численность государственных крестьян Владимирской губернии в 1840 – 1865 гг. (на конец текущего года, душ обоого пола) [5]

Рост численности составил около 23 %. Эти показатели вполне сопоставимы с ростом числа государственных крестьян по европейским губерниям России, приведенным Н. М. Дружининым [12, с. 294]. Таким образом, можно утверждать, что Владимирская губерния из общей массы не выделялась.

На изменение численности государственных крестьян не только во Владимирской губернии, но и в России в целом оказывали влияние естествен-

ные (рождаемость, смертность) и искусственные процессы, так называемые механическая прибыль и убыль населения. Рассмотрим более подробно каждый из них.

Как показывают статистические данные (рис. 3), численность государственных крестьян в значительной степени увеличилась за счет естественного прироста, который составил в рассматриваемый период 19 796 душ обоого пола.

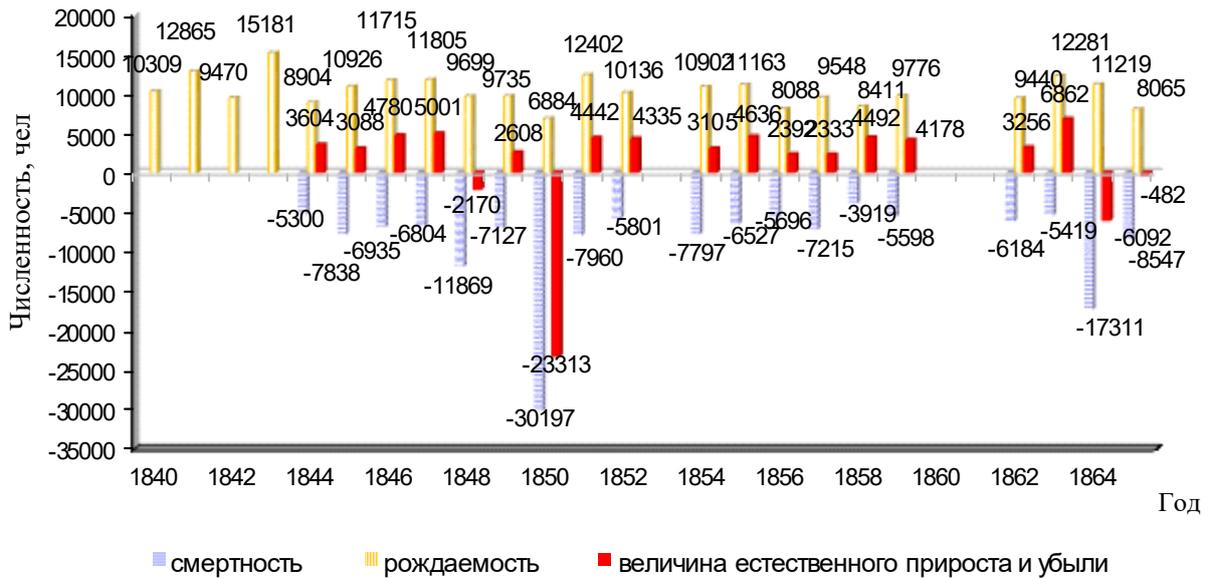

Рис. 3. Рождаемость и смертность в государственной деревне Владимирской губернии в 1840 – 1865 гг. [5]

Только четыре раза смертность превысила рождаемость – в 1848, 1850, 1864 и 1865 гг. Виной тому стали повальные болезни, бушевавшие в губернии в эти годы, и невысокий уровень медицины. Правда, надо отдать должное Министерству государственных имуществ, которое проявляло заботу о здоровье государственных крестьян, регулярно проводя вакцинацию от различных болезней. В злосчастном 1850 г. насчитывалось всего 109 оспопрививателей. Больниц было мало, да и не жаловал их народ. В единственной лечебнице по ведомству Палаты лечилось тогда 64 человека [7].

Рождаемость и смертность (за уже оговоренными исключениями) оставались на протяжении всего рассматриваемого периода примерно на одном уровне.

Механические процессы, влияющие на прибыль и убыль государ-

ственных крестьян, более разнообразны по своей природе и труднее поддаются анализу. Число государственных поселенцев росло в приоритетном порядке за счет перечислений крестьян из помещичьего ведомства путем покупки в казну помещичьих крестьян и отсуживания их от помещиков; много было причислений вольноотпущенных, отсуженных из военного ведомства и отставных воинских чинов. Также сословие государственных крестьян пополнялось за счет перехода лиц из штатных монастырских служителей, из мещан и духовного ведомства. Совсем незначительное воздействие оказали перевод крестьян из удельного ведомства и возвращение крестьян из бегов. Небольшое расхождение в данных существует по поводу переселений крестьян из других губерний. По одним источникам подобное переселение в силу малоземелья Владимирской

губернии не производилось, по другим – производилось в 1846, 1854, 1855, 1856, 1863 и 1865 гг. (общее число составило 45 человек обоего пола).

Механическая убыль государственных крестьян происходила в основном за счет перехода в другие сословия: мещанство, купечество, штатные монастырские служители и др. Относительно большое число крестьян переселилось в другие многоземельные губернии. Также некоторое влияние на уменьшение численности государственных крестьян оказывали

ссылки в Сибирь и отдача в рекруты за дурное поведение.

Соотношение величин механической прибыли и убыли численности государственных поселян Владимирской губернии рисует следующую картину (рис. 4). Несмотря на то, что периодически механическая прибыль сменялась убылью населения, прибыль в рассматриваемый период количественно преобладает. Наибольшую роль в этом сыграли перечисления крестьян из помещичьих имений.

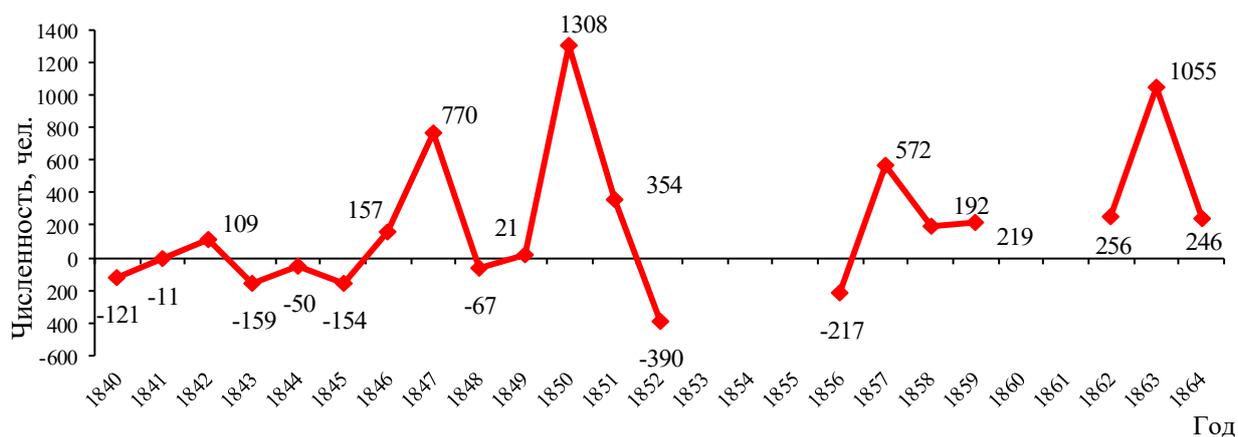

Рис. 4. Механические прибыль и убыль государственных крестьян Владимирской губернии (1840 – 1864 гг.) [6]

Одним из основных видов механической убыли населения государственной деревни Владимирской губернии в рассматриваемый период наряду с вышеперечисленными являлась рекрутская повинность.

Заканчивая рассмотрение видов и величин прибыли и убыли государственных крестьян Владимирской губернии, необходимо отметить влияние на них и такого фактора, как отходни-

чество. Движение на отхожие промыслы как одна из форм внутреннего переселения влияло на движение населения, его рождаемость, брачность, смертность, окончательную эмиграцию. Прежде всего, дальний отход на промыслы снижал уровень рождаемости в местностях с наибольшим процентом уходящих на промыслы. Женщины, мужья которых постоянно жили дома, рожали в среднем по 10 детей

каждая, а жены, чьи мужья отправлялись в отход на промыслы – по 5 [9, с. 272]. Таким образом, можно предположить, что действительный прирост населения во Владимирской губернии и других промысловых губерниях Центрального промышленного района был ниже возможного. Причина – переход ушедших крестьян в другие условия, их переезд на постоянное место жительства в города и главным образом большая смертность отхожих промышленников на стороне. К подобным же выводам пришел и исследователь удельной деревни Л. Р. Горланов [10]. Отход государственных крестьян Центрального промышленного района рассматривает и Н. М. Дружинин [13, с. 331 – 342].

Таким образом, анализ величин прибыли и убыли показывает, что рост численности государственных крестьян зависел в основном от степени естественного и механического прироста. На протяжении рассматриваемого периода, если не принимать во внимание незначительные колебания, данные величины оставались стабильными, что и определило больший общий рост численности государственных крестьян Владимирской губернии по сравнению с предыдущими периодами.

В заключение проанализируем динамику численности различных категорий крестьянства Владимирской губернии и сравним с положением дел в других губерниях Центрального промышленного района.

Как свидетельствуют данные, приведенные в табл. 3, государствен-

ные крестьяне имели наибольший процент прироста (5,6 %) среди других категорий крестьянства Владимирской губернии (удельные – 1,3 %, помещичьи – 0,15 %). Правда, эти данные несколько разнятся с данными других исследователей. Например, Л. Р. Горланов, исследуя удельных крестьян России, приводит следующую информацию о динамике численности населения удельной деревни. В период с 1834 по 1862 г. во Владимирской губернии данная категория крестьян увеличилась на 16 % [10, с. 7]. Подобная разница объясняется тем, что в табл. 3 приведены данные о количестве лиц мужского пола, положенных в оклад податей, в то время как у Л. Р. Горланова – данные о наличных крестьянах обоего пола. Указанный рост удельных крестьян зависел в основном от степени естественного прироста и величины механической убыли населения. В рассматриваемый период естественный прирост в удельной деревне замедлялся. Это было вызвано, прежде всего, понижением рождаемости в удельных селениях. Механическая убыль в это время постепенно возрастала, поглощая не только всю величину естественного прироста, но и все больше захватывая величину естественного прироста. В этом и заключается главное отличие динамики численности удельных и государственных крестьян Владимирской губернии. В Нижегородской и Калужской губерниях вообще наблюдалась убыль удельных крестьян. Во всех губерниях Центрального промышленного района

прирост государственных крестьян во Владимирской губернии этот прирост больше, чем удельных, при этом рост наименьший.

Таблица 3

Численность сельского населения мужского пола в губерниях
Центрального промышленного района в 1845 г., 1854 г. [4]

Губерния	Категория крестьян	1845 г.	1854 г.	Прирост населения, %
Владимирская	Государственные крестьяне	125 926	133 003	+ 5,6
	Удельные крестьяне	38 861	39 400	+ 1,3
	Помещичьи крестьяне	319 092	319 581	+ 0,15
	Дворовые крестьяне	15 046	13 039	-13,3
Московская	Государственные крестьяне	142 192	161 135	+ 13,3
	Удельные крестьяне	34 065	38 193	+ 12,1
	Помещичьи крестьяне	300 071	293 514	-2,2
	Дворовые крестьяне	21 500	15 430	-28,2
Тверская	Государственные крестьяне	184 742	210 216	+ 13,8
	Удельные крестьяне	23 473	26 441	+ 12,6
	Помещичьи крестьяне	336 042	339 191	+ 0,9
	Дворовые крестьяне	21 905	21 992	+ 0,4
Ярославская	Государственные крестьяне	94 432	112 161	+ 18,8
	Удельные крестьяне	3715	4146	+ 11,6
	Помещичьи крестьяне	270 388	257 926	-4,6
	Дворовые крестьяне	17 756	15 199	-14,4
Нижегородская	Государственные крестьяне	86 453	127 519	+ 47,5
	Удельные крестьяне	56 910	41 971	-26,3
	Помещичьи крестьяне	328 930	331 701	+ 0,8
	Дворовые крестьяне	11 018	8995	-18,4
Костромская	Государственные крестьяне	62 580	86 698	+ 38,5
	Удельные крестьяне	60 287	61 328	+ 1,7
	Помещичьи крестьяне	283 482	279 006	-1,6
	Дворовые крестьяне	16 201	13 728	-15,3
Калужская	Государственные крестьяне	86 409	92 634	+ 7,2
	Удельные крестьяне	73	60	-17,8
	Помещичьи крестьяне	304 949	301 533	-1,1
	Дворовые крестьяне	18 475	16 306	-11,7

Население помещичьих имений в рассматриваемое десятилетие (1845 – 1854 гг.) практически не претерпело изменений. Колебания очень незначительны. Выделяются только Ярославская губерния, где убыль помещичьих крестьян составляла 4,6 %, и Московская губерния – 2,2 %. А вот численность дворовых крестьян действительно серьезно

сокращалась в среднем по Центральному промышленному району на 14,1 % (исключение – крестьяне Тверской губернии). Ученые до сих пор не могут прийти к единой точке зрения относительно причин замедления темпов прироста и сокращения удельного веса крепостного населения России. Ряд исследователей считают, что сокращение

прироста крепостного населения страны на протяжении первой половины XIX века было вызвано, прежде всего, усиливающимся разорением помещичьей деревни, вследствие чего крестьянство стало вымирать [13, с. 294 – 300; 21; 25; 26].

По мнению других ученых, относительное уменьшение численности частновладельческого населения России вызывалось не столько усилением его эксплуатации, сколько возрастанием переходов крепостных людей в другие условия [14; 18; 19; 22].

Как нам представляется, суть заключается в соединении обоих подходов. Ведь увеличение численности государственных крестьян происходило в том числе и за счет перевода в казну крестьян разорившихся помещиков. Следовательно, рост населения государственной деревни и снижение численности частновладельческих крестьян напрямую взаимосвязаны, это две грани одного и того же процесса.

Библиографические ссылки

1. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 571 (Департамент разных податей и сборов министерства финансов). Оп. 9. Д. 24. Л. 3 – 4, 13 – 14, 33 – 34, 37 – 38, 49 – 50, 81 – 82, 97 – 98.
2. Там же. Л. 113, 118, 128, 130, 136, 152, 160.
3. Там же. Л. 118.
4. Там же. Д. 43. Л. 336 – 338; Д. 53. Л. 339 – 341.
5. Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 364 (Владимирская палата государственных имуществ). Оп. 2. Д. 11, 29 а, 48 г, 67, 87, 110, 130, 150, 186, 212; Оп. 3. Д. 82, 90, 100, 107, 112, 116, 126, 130, 136, 181, 202, 229, 242.
6. Там же. Оп. 2. Д. 11, 29 а, 48 г, 67, 87, 110, 130, 150, 186, 212; Оп. 3. Д. 82, 90, 100, 116, 126, 130, 136, 181, 202, 229.
7. Там же. Оп. 3. Д. 82. Л. 94.
8. Архипов С. В., Шкабин Г. С. Административно-правовое регулирование миграционных процессов государственных крестьян в XIX веке // Евразийский юридический журнал. 2020. № 12. С. 99 – 100.
9. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. Россия. СПб. : Семеновская Типолитография, 1898. С. 272.
10. Горланов Л. Р. Население удельных имений Центрально-промышленного района в 1797 – 1863 гг. // Крестьянство Центрального промышленного района (XVIII – XIX вв.). Калинин : БГПУ, 1983. С. 3 – 17.
11. Ден В. Э. Население России по пятой ревизии. М.: Унив. тип., 1902. Т. 1 – 2.
12. Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева : в 2 т. М. : АН СССР, 1946. Т. 1. 631 с.
13. Там же. Т. 2. 614 с.

14. Игнатович И. И. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. М. : Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1925.
15. Кабузан В. М. Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в. М. : Наука, 1971. 190 с.
16. Кабузан В. М. Государственные крестьяне России в XVIII – 50-х годах XIX в. Численность, состав и размещение // История СССР. 1988. № 1. С. 68 – 83.
17. Кабузан В. М. Народы России в XVIII в. Численность и этнический состав. М. : Наука, 1990. 256 с.
18. Литвак Б. Г. Об изменении земельного надела помещичьих крестьян в первой половине XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Вильнюс, 1964.
19. Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. М. : Госполитиздат, 1947. Т. 1.
20. Петрович Н. Переселение государственных крестьян в Сибирь в начале XIX в. // Труд в России. Петроград, 1924. Кн. 2. С. 110 – 116.
21. Рашин А. Г. Население России за 100 лет. М. : Госстатиздат, 1956.
22. Рындзюнский П. Г. Вымирало ли крепостное крестьянство перед реформой 1861 г.? // Вопросы истории. 1967. № 7.
23. Христофоров И. А. Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830 – 1890-е гг.). М. : Собрание, 2011. 368 с.
24. Шатилова Г. Уничтожение половничества в XIX столетии // Архив истории труда в России. Петроград, 1922. Кн. 5. С. 79 – 88.
25. Шепукова Н. М. Изменение удельного веса частновладельческого крестьянства в составе населения Европейской России (XVIII – первая половина XIX века) // Вопросы истории. 1959. № 12.
26. Яцунский В. К. Изменение в размещении населения Европейской России в 1724 – 1911 гг. // История СССР. 1957. № 1.

A. V. Lyapanov

**DEMOGRAPHIC PROCESSES IN THE STATE VILLAGE
OF VLADIMIR AND OTHER PROVINCES OF THE CENTRAL
INDUSTRIAL REGION (1826 – 1866)**

The article analyzes the demographic processes in the state village of the provinces of the Central Industrial Region. The study examines the dynamic indicators of the natural and mechanical loss/profit of state peasants, ascertaining the increase in the number of state peasants.

Keywords: state peasants, demography, statistics, mortality, fertility, natural population decline.

В. В. Митрофанов

*90-летию со дня смерти
А. А. Спицына посвящается*

**«...Я НЕ ХОТЕЛ БЫ ПРИЧИНЯТЬ ВАМ НИ МАЛЕЙШЕГО
НЕУДОВОЛЬСТВИЯ...»: ПИСЬМА А. А. СПИЦЫНА
С. Ф. ПЛАТОНОВУ (1900 – 1903 гг.)**

Публикуются письма А. А. Спицына С. Ф. Платонову за 1900 – 1903 гг., раскрывающие коммуникативные связи двух выдающихся представителей российской академической науки, близких друзей по жизни. Они позволяют определить важные сферы взаимодействия, а также формы и методы профессиональной деятельности. Основное внимание уделено работе Отделения русской и славянской археологии, управляющим которого более 23 лет был С. Ф. Платонов. Конкретизируется роль А. А. Спицына в подготовке изданий сборников Отделения и спецвыпуска к Тверскому областному археологическому съезду. Подробно описаны летние археологические раскопки и их результаты. Перечислены фамилии археологов, в том числе провинциальных, с которыми активно сотрудничали петербургские ученые.

Ключевые слова: А. А. Спицын, С. Ф. Платонов, Отделение русской и славянской археологии, археологические раскопки, переписка.

В текущем году исполняется 90 лет со дня смерти А. А. Спицына – по мнению А. Е. Преснякова, «одного из лучших наших археологов» [1, с. 104].

У исследователей особый интерес вызывает плодотворное сотрудничество С. Ф. Платонова и А. А. Спицына, продолжавшееся почти четыре десятка лет. Свое знакомство с А. А. Спицыным С. Ф. Платонов в своих автобиографических произведениях зафиксировал не совсем определенно. Он писал, что был знаком со многими однокурсниками, «но ни с кем не сблизился до интимных товарищеских отношений. Сближение с

А. А. Спицыным произошло позднее» [17, с. 243]. При этом известно, что с И. А. Шляпкиным будущий академик сблизился на 2-м курсе (Шляпкин был на курс старше), с В. Г. Дружининым (студентом 3-го курса) – на 4-м курсе. В. Г. Бухерт, ссылаясь на воспоминания В. Г. Дружинина, указывает на 1879 г. как время знакомства А. А. Спицына с С. Ф. Платоновым. Это случилось после лекции К. Н. Бестужева-Рюмина. Но первая лекция авторитетного профессора для первокурсников состоялась в октябре 1878 г. [16, с. 134]. В доме родителей В. Г. Дружинина С. Ф. Платонов устанавливает тесные

отношения и с И. А. Шляпкиным [4, с. 128]. Всех их будет связывать дружба, взаимопомощь, плодотворная научная деятельность, участие в ряде научно-исторических обществ.

В некрологе, посвященном А. В. Тищенко (1890 – 1914), С. Ф. Платонов прямо называет А. А. Спицына «мой друг» [17, с. 147].

Несмотря на многочисленные исследования, посвященные корифеям отечественной науки, остаются и спорные вопросы. Так, в современной историографии неоднозначно решается вопрос об участии А. А. Спицына в кружке русских историков. Неизвестно, когда А. А. Спицын впервые побывал в доме Платоновых. Предположение И. Л. Тихонова, что он «нередко в студенческие годы бывал дома у Платоновых, поскольку был хорошо знаком с его матерью» [26, с. 348] и передавал ей затем приветы, не аргументировано.

О времени появления А. А. Спицына в Археологической комиссии также существуют разные мнения. В письме от 2 августа 1893 г. А. Е. Пресняков сообщал своей матери, что А. А. Спицына «перетащили в Петербург, в Археологическую комиссию» [1, с. 104]. Приглашение, как писал С. Ф. Платонов в «Записке об ученых трудах проф. А. А. Спицына», поступило в 1891 г. [17, с. 287], о чем свидетельствует и отношение председателя комиссии графа А. А. Бобринского от 31 декабря за № 1570, которое он направил попечителю Казанского учебного округа Н. Г. Потапову (исполнял должность с

10 мая 1890 г. до смерти 14 ноября 1894 г.), где писал о «готовности» коллежского советника Александра Спицына «занять должность члена Археологической комиссии». Среди важных свидетельств о согласовательных процедурах укажем на формулярный список о его службе, где указан отпуск, разрешенный министром народного просвещения, в Санкт-Петербург с 19 декабря 1891 г. по 7 января 1892 г. [27, с. 387]. Назначение А. А. Спицына состоялось 1 февраля 1892 г.¹, о чем попечителя округа информировали 4 марта телеграммой [Там же, с. 388 – 389].

Не имеет однозначного ответа и вопрос о том, кто содействовал этому судьбоносному для А. А. Спицына назначению [5, с. 166 – 168]. Время же отъезда в Петербург можно пока указать только условно – март 1892 г. А. С. Смирнов неверно указывает на 1891 г. [20, с. 91].

Имеются разные мнения о роли и степени участия ученых в работе Отделения русской и славянской археологии Российского археологического общества. После 10-летнего руководства Отделением А. А. Бобринским в 1894 г. его сменил С. Ф. Платонов, который был управляющим 23 года, хотя и с перерывом (28 ноября 1908 г. – 6 апреля 1912 г.).

Все перечисленные вопросы объединяют неоднозначные оценки роли и степени участия в них С. Ф. Платонова.

¹ Встречается и другая дата – 23 марта 1892 г. [5, с. 1121].

Порой допускаются и досадные неточности, касающиеся научной карьеры А. А. Спицына. Так, недавно авторы интересной публикации в комментарии к письму неверно указали на 1929 г. как год избрания А. А. Спицына в члены-корреспонденты АН СССР [2, с. 176, примеч. 1]. Опубликованная «Записка об ученых трудах А. А. Спицына» [15; 18, с. 287 – 289] была написана С. Ф. Платоновым 20 ноября 1926 г., а сама процедура избрания проходила 15 января 1927 г.

Для конкретизации деятельности А. А. Спицына, его взаимоотношений с С. Ф. Платоновым, которые активно продолжались начиная с момента приезда из Вятки будущего выдающегося археолога России, привлекается богатый эпистолярный материал, включающий пять объемных папок в фонде С. Ф. Платонова [14]. И. Л. Тихонов писал о более чем 120 письмах [25, с. 265], а В. А. Бердинских – о 120 письмах и записках [3, с. 148]. По описи можно говорить о 136 корреспонденциях разного жанра: письмах, открытых письмах (их немало), записках: за 1882 – 1890 гг. – 16 корреспонденций, за 1891 – 1899 гг. – 33, за 1900 – 1903 гг. – 22, за 1904 – 1910 гг. – 25 и 1 телеграмма, за 1911 – 1927 гг. – 39. Письма А. А. Спицына редко выдаются из фонда (так, с 1973 г. они выдавались 14 раз), однако ссылок на них встречается гораздо больше. Исследовате-

ли цитируют предшественников, которые работали с архивными материалами. Думается, что публикация их в полном объеме (в приложении к статье помещена вторая подборка писем А. А. Спицына) позволит открыть важный и полный источник научных и личных коммуникаций, уточнить или взглянуть по-новому на степень и сферы взаимодействия С. Ф. Платонова и А. А. Спицына, очертить круг лиц, с которыми они поддерживали разнообразные связи. К сожалению, ответные письма С. Ф. Платонова (за редким исключением, единичные) утрачены.

Следует отметить, что в названном фонде недавно были обнаружены и опубликованы неизвестные материалы патриарха российской археологии [23, с. 120; 24, с. 116], а также письма его жены, адресованные Н. Н. Платоновой [8].

Публикация первой папки писем А. А. Спицына в альманахе «Герценка», к тому же написанных в Вятке, – своеобразная дань уважения малой родине [9], где прошло становление его как ученого. Письма раскрывают продолжающееся общение университетской поры, позволяют проследить, как менялось умонастроение вятского учителя гимназии, определить научные предпочтения. Здесь даны оригинальные характеристики замечательных учёных – как зрелых (К. Н. Бестужева-Рюмина,

Е. Е. Замысловского, В. О. Ключевского, П. С. Уваровой, О. Ф. Миллера, Н. В. Калачова), так и сверстников, только что вставших на путь исследовательского поиска (С. Ф. Платонова, В. Г. Дружинина, И. А. Шляпкина, В. И. Семевского). По корреспонденции можно проследить, как от исторических исследований А. А. Спицын все больше склоняется к археологии: особенно это заметно при подготовке к археологическим съездам в Одессе (1884 г.), затем в Ярославле (1887 г.), на последнем, кстати, дебютировал и С. Ф. Платонов. Знакомство с П. С. Уваровой способствовало финансовому обеспечению некоторых поездок А. А. Спицына с археологическими целями. А потом он обратил взоры и на Археологическую комиссию, куда стал стремиться всеми силами.

22 письма из второй папки закрывают вятский (первые два письма) и открывают петербургский период, датируются 1891 – 1899 гг. [13]. Первое (третье по счету в папке) письмо из столицы датируется 20 марта 1893 г. Информация позволяет всесторонне и комплексно изучать научную деятельность ставшего членом Археологической комиссии А. А. Спицына в период, когда археология вышла в его научной деятельности на первый план.

С 1894 г. одной из важных тем писем становится работа Отделения славянской и русской археологии

Русского археологического общества.

Представляют интерес сведения о приглашении С. Ф. Платонова на раскопку на ст. Канцероволь (письмо от 9 июня 1897 г.). О том, что оно было реализовано, свидетельствует фраза в письме от 6 июля: «Вспоминая время от времени о Вашей поездке ко мне на раскопки». Следовательно, друг приезжал, однако подробности пока не известны: в какие числа это было, как туда добирался (в это время семья Платоновых находилась на летнем отдыхе в с. Сергеевское Тверской губернии), сколько времени пробыл, что раскапывали, какие результаты. Следует заметить, что Н. Н. Платонова в своем дневнике 4 ноября 1895 г. сделала запись о поездке С. Ф. Платонова вместе с А. А. Спицыным «на раскопки во Влад[имирскую] губернию (Муром), откуда приехал 16 июня к нам в Константиновку» [19, с. 136]. Эти чрезвычайно важные упоминания о поездках на раскопки не всегда указываются исследователями (И. Л. Тихонов попутно упоминал 1895 г., без ссылки на источник), но являются серьезным свидетельством не только интереса С. Ф. Платонова к археологии, но и участия его в раскопках, т. е. полевой археологии.

Очередная публикация писем хронологически продолжает предыдущие. Из 22 писем 4 написаны на поч-

товых карточках и датируются 1900 – 1903 гг.

Основная тема писем – археологические раскопки как самим А. А. Спицыным [21], так и коллегами, а также их результаты. Об этом свидетельствуют и упоминаемые фамилии: И. С. Сутулло, И. А. Сулова, В. В. Латышева, И. А. Шляпкин, А. А. Половцов, В. Г. Дружинин, А. К. Марков, Н. И. Веселовский, В. Н. Глазов, Н. К. Рерих, А. А. Бобринский [10], П. П. Покрышкин, И. Я. Гурлянд, А. И. Соболевский, В. Н. Перетц, В. В. Хвойка, Н. И. Репников, Н. Е. Макаренко [11], А. В. Орешников. Среди краеведов и археологов из провинции упомянуты Ф. А. Ушаков [7] (Псков), К. К. Косцюшко-Валюжинич (Крым), И. А. Тихомиров (Ярославль), В. И. Колосов [6], И. А. Иванов [12]¹ (Тверь). Заметим, что со всеми они были знакомы, встречались на заседаниях в разных научно-исторических обществах, со многими находились в переписке. Объединяющим же началом была любовь к археологическим изысканиями и древностям.

Вторая значимая и продолжающаяся тема – сотрудничество друзей в Русском отделении. В полной мере раскрывается работа А. А. Спицына по составлению и редактированию выпусков Записок, а также специального

сборника к Тверскому областному археологическому съезду. При всей значимой роли А. А. Спицына (и этот факт подтверждается публикуемыми письмами) приоритет в принятии решений по назначению времени заседаний Отделения, формированию повестки дня, содержанию Записок всегда оставался за С. Ф. Платоновым. Эта деятельность приносила замечательные результаты и обоюдное удовлетворение от работы. Сам А. А. Спицын писал о своей работе в Отделении, что мог пользоваться «...суммами Русского Отделения..., с управляющим которого (С. Ф. Платонов – *В. Митрофанов*) я состоял в давних дружеских отношениях. Я мог издавать столько, сколько успевал приготовить» [22, с. 301]. При этом заметим, что публикации давали дополнительный и гарантированный доход для семьи А. А. Спицына. С. Ф. Платонов указывал, что А. А. Спицын «...участвовал в редактировании «Записок» Русского отделения ... Археологического общества» [18, с. 288], что несколько сужает масштаб его кропотливой работы с выпусками Отделения.

Среди научных проблем упомянуты вопросы о халдейской печи, а также о таких интересных артефактах, как Тмутараканский камень, корона Джанибека.

Характерная черта и С. Ф. Платонова, и А. А. Спицына как предста-

¹ В этой публикации перечислены другие статьи по этой теме.

вителей академической науки – тесное сотрудничество с провинциальными научно-краеведческими и археологическими обществами. В письмах достаточно места уделено, например, тверским краеведам. Оба принимали активное участие в подготовке и проведении второго Археологического съезда. Об этом свидетельствуют и приезды в Тверь для решения важных организационных вопросов (А. А. Спицын – по археологической части). В этой связи интересна характеристика, данная другу С. Ф. Платоновым в письме 19 мая 1902 г. В. А. Плетьеву: «Глубокоуважаемый Владимир Алексеевич! Пишу Вам на деликатную тему и конфиденциально. На днях приедет к Вам для организации раскопок А. А. Спицын. Вам надо знать, что это человек совершенно чуждый житейских условностей. Вопреки моим советам он, вероятно, будет уклоняться от визитов и трапез и даже не привезет с собою сюртука. При идеальной мягкости и задушевности он не лишен некоторой внешней условности. Считаю своим долгом предупредить Вас (которого А. А. Спицын очень уважает) в этих обстоятельствах для того, чтобы, во-первых, тверечи не обижались, если Александр Андреевич будет держаться букою, во-вторых, чтобы они не льнули к нему и не «потчевали» его и, в-третьих, чтобы они верили, что он не имеет никаких предубеждений и недо-

вольства ни против ни одного человека в Твери. Иначе я боюсь – может выйти недоразумение, вредное для общего дела. Со своей стороны, даю Вам слово, что это мое письмо не содержит задних мыслей и что его следует понимать по его прямому смыслу. Было бы горько, если бы Тверь не ужилась с человеком, который готов много¹ и бескорыстно поработать для Тверского съезда» [6, с. 181]. С. Ф. Платонов участвовал в собрании организационного комитета по созыву съезда.

Письма позволяют проследить события по укреплению дружеских отношений между семьями Платоновых и Спицыных (например, крестины дочери Олечки – первенца у Спицыных). Не случайно и имена детей в семьях были одинаковыми: Ольга, Миша, Мария, Надежда. Их объединяли и трагические события – смерть матери Сергея Федоровича Клеопатры Александровны (1902), дочери Ольги (1903).

Следовательно, очередная публикация писем А. А. Спицына, адресованных его близкому другу, открывает новые возможности оценки их взаимоотношений в системе многолетнего общения, позволяет определить сферы взаимных интересов, стиль общения, формы и методы профессионального сотрудничества.

¹ Подчеркнуто С. Ф. Платоновым.

Письма А. А. Спицына С. Ф. Платонову (1900 – 1903 гг.)¹

№ 1 (39)

Дорогой Сергей Фёдорович!

Сутулло¹ мне сообщил, что жалованье мне за сентябрь не выписано в требовательную ведомость. Значит, мне предстоит на время обойтись без него, значит, предстоит бить челом Вам. Если Вам это возможно, устройте мне это дело. 21-го я зашёл бы к Вам, а Вы бы мне оставили рублей 200. Все равно без Вашей дружеской помощи мне не обойтись при предстоящем семейном событии².

А прекращена выдача жалованья потому, что Суслов³ требовал с меня марку на последнюю доверенность, а я желал оставить это до председателя⁴. Не допускаю мысли, чтобы сюда вмешался Латышев⁵ и стал на сторону Суслова. Странный эпизод!

Ваш А. Спицын. СПб. 1900. IX/19.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 2. Д. 4275. Л. 1 – 1 об.

№ 2 (40)

Дорогой Сергей Фёдорович!

С заседанием, как Вам кажется, удобнее. Имени герцога я не написал из осторожности; надо справиться у нас в деле, что я сделаю завтра.

¹ Сутулло Илья Семёнович (1859 – ?) – с 1 мая 1888 г. регистратор в Археологической комиссии, с 1 января 1910 г. делопроизводитель Комиссии, сотрудник канцелярии Русского археологического общества.

² Речь идет о предстоящем рождении сына Михаила. Спицын Михаил Александрович (1900 – 1964) – физик. (Вологдин В. П. Генераторы высокой частоты / Проф. В. П. Вологдин, инж. М. А. Спицын. Л. : М. : Онти. Глав. ред. Энергетич. лит-ры, 1935. 264 с.)

³ Суслов И. А. (? – 1919) – с 1 января 1866 г. журналист ИАК, с 3 февраля 1877 г. исполняющий обязанности делопроизводителя, с 1 января 1878 г. делопроизводитель, с 2 ноября 1902 г. уволен.

⁴ Речь идёт о графе А. А. Бобринском.

⁵ Латышев Василий Васильевич (1855 – 1921) – русский филолог-классик, эпиграфист и историк. Академик Петербургской академии наук (1893), член-корреспондент Прусской академии наук (1891), член Германского археологического института. Выдающийся специалист по северопричерноморской эпиграфике. Был членом Совета министра народного просвещения, товарищем председателя и редактором изданий Императорской археологической комиссии, с июня 1900 г. штатный член, товарищ председателя; редактор «Известий Археологической Комиссии». По поручению РАО совершил поездки по югу России для копирования и сличения античных надписей (1882, 1883, 1894, 1900, 1902).

¹ Орфография и пунктуация автора сохранены.

Сегодня у нас был И. А. Шляпкин¹, и разговорились мы, между прочим, о халдейской печи. У него есть очень интересный дополнительный материал, мне неизвестный, особенно какая-то медная доска с изображениями из Пскова. Он согласен дать свои сведения в виде дополнения к моей статье², что, конечно, очень хорошо. Будьте любезны послать, таковые есть у Вас, а не то попросите сделать это типографию. Он мог бы написать свой текст теперь же, сгоряча, так, чтобы дополнение могло пойти вслед за статьёй. Нужны будут рисчики, и уже это падёт, вероятно, на Вас: псковский Ушаков³ будет доволен Вам услужить фотографиями.

Другое интересное дело: не устроить ли нам в Обществе⁴ обсуждение Тмутараканского камня⁵ с привлечением филологов? Я мог бы подготовить историю камня⁶, Вы и Шляпкин изложили бы свои сомнения. Вот уже троє. По-

¹Шляпкин Илья Александрович (1858 – 1918) – историк русской литературы, профессор Петербургского университета (с 1901 г.), член-корреспондент АН (1907). В 1894 г. А. А. Бобринский обратился к И. А. Шляпкину с предложением заняться изучением «настенных надписей» Новгородского Софийского собора за счет Комиссии (не реализовано). И. А. Шляпкин продолжил сотрудничество с ИАК в деле изучения археологических и эпиграфических памятников русского Северо-Запада.

²Спицын А. А. Пещное действо и халдейская печь. Дополнения к статье о пещном действе // Записки Императорского Русского Археологического общества. 1901. Т. XII, вып. 1 – 2. С. 95 – 131, 201 – 209.

«Пещное действо» – название древнего русского церковного чина, совершавшегося в неделю Праотец или в Неделю святых отец в XVI – XVII вв. Действо изображало историю чудесного спасения трёх отроков Анании, Азарии и Мисаила из огненной печи. Это чинопоследование пришло на Русь предположительно из Византии, но на греческом языке Чин не сохранился.

³Ушаков Фёдор Алексеевич (1850 – 1914) – псковский краевед и археолог. Состоял в переписке с С. Ф. Платоновым (Митрофанов В. В. «...провинция только и живет силами Петербурга» : письма Ф. А. Ушакова С. Ф. Платонову // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2016. №. 4. С. 197 – 212).

⁴Речь идёт об Отделении русской и славянской археологии Русского археологического общества, управляющим которого с 1894 г. был С. Ф. Платонов (с небольшим перерывом).

⁵Тмутараканский камень – мраморная плита с древнерусской надписью, в которой сообщается об измерении расстояния между двумя городами – Тмутараканью и Корчевом (Керчью) в 1068 г. Камень был найден на Таманском полуострове в 1792 г. Х. Розенбергом. Мрамор, резьба, полировка. 111 × 45 × 24 см. Вес – 856 кг, датируется 1068 г. Надпись на лицевой стороне камня: В ЛЕТО 6576 ИНДИКТА 6 ГЛЕБ КНЯЗЬ МЕРИЛ МОРЕ ПО ЛЕДУ ОТ ТМУТОРОКАНЯ ДО КОРЧЕВА 14000 САЖЕН. Поступление: в Императорский Эрмитаж – в 1851 г.; ранее (с 1835 г.) – в Керченском музее древностей.

⁶Спицын А. А. Тмутараканский камень // Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. Петроград, 1915. Т. 11. С. 103 – 132.

ловцов¹ придёт попрекать. Кажется, это было бы очень недурно. Сегодня я нашёл интересную статью о камне² известного Спасского³, которая очень⁴ за подделку.

Знаете, кто выдал интригу, заваренную в Москве против Ком[иссии] или вернее – графа? Косцюшко⁵. Вот полячишко! Я имел случай показать графу⁶ одно из полезных Вам писем. Держите пока всё это в секрете.

СПб. 1900. X/13.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4275. Л. 2 – 2 об.

№ 3 (41)

Дорогой Сергей Фёдорович!

На днях я написал Вас[илию] Григ[орьевичу]⁷ записку, направленную на неаккуратность Маркова⁸, мне тем досадную, что от неё страдают интересы маленьких людей. В. Г. принял письмо на свой счет и ответил мне большим и тяжелым официальным письмом, которое на меня произвело гнетущее впечатление. Я тотчас же разъяснил ему в чем дело, но не знаю, как он примет моё объяснение.

¹Половцов Александр Александрович (1832 – 1909) – русский историк, меценат, государственный и общественный деятель, промышленник. Один из основателей Императорского Русского исторического общества.

²Исследование тмуроканского камня с русской надписью / соч. Григория Спасского, Санкт-Петербургской академии наук корреспондента ... СПб. : В типографии И. Глазунова и К°, 1844. 17 с.

³Спасский Григорий Иванович (1783 – 1864) – русский историк, исследователь Сибири, член-корреспондент Петербургской академии наук.

⁴Далее *против него* зачеркнуто.

⁵Косцюшко-Валюжинич Карл Казимирович (1847 – 1907) – инженер, археолог. Выйдя в отставку, поселился в Крыму. Принял деятельное участие в организации кружка любителей истории и древностей Крыма с музеем и библиотекой. С 1885 по 1890 г. – товарищ директора Севастопольского городского банка. В 1888 г. начал руководить раскопками в Херсонесе по поручению ИАК. Избран член-корреспондентом ИАК в 1898 г. Создатель Музея древностей Херсонеса (1892).

⁶Речь идет о А. А. Бобринском.

⁷Дружинин Василий Григорьевич (1859 – 1936) – историк, археограф, правитель дел (1903 – 1926), товарищ председателя Археографической комиссии (1926 – 1929), член-корреспондент Академии наук (1920), близкий друг С. Ф. Платонова и А. А. Спицына.

⁸Марков Алексей Константинович (1858 – 1920) – русский археолог и нумизмат, старший хранитель Эрмитажа. С 1885 г. – действительный член Русского археологического общества, с 1889 г. – действительный член Московского нумизматического общества, с 1907 г. – член-корреспондент Императорской археологической комиссии.

Теперь я начинаю бояться, как бы чем-нибудь не обидеть и Вас по тем же делам Общества, и счёл за лучшее предупредить Вас о своих предприятиях под Вашей эгидой для Записок Отделения¹.

1) Вильборг² прислал мне в Комис[сию] 115 экз. таблиц Халдейской печи, которые и находятся у меня. Вчера я переслал Вас[илию] Григ[орьевичу], но не знаю, достаточное ли количество напечатал Вильборг.

2) Орешникова³ в Москве я просил приготовить до 10 рисунков на счет Общества к статье об эмалях.

3) Макаренко⁴ исполняет для меня рисунки к статье о чудских фигурах. По двум заказам ему доведётся уплатить пока р. 60.

4) Имею в виду просить о рисунках из Киевских музеев рублей на 25.

5) На днях я отправил в Художеств[енную] Печатню 2 таблицы золотой эрмитажной каптерки, я имею в виду, если получу Ваше согласие, направить туда ещё 4 – 5 таблиц, что вместе будет стоить до 300 р.

Вообще позвольте окончить предупреждать Вас о моих предположениях и искать Вашего согласия на расходы на мои темы, потому что я не хотел бы причинять Вам ни малейшего неудовольствия, тем более по делам Общества, которыми я заинтересован лишь в Ваших интересах.

А Марков, с позволения сказать, просто свинья. Он аккуратен и принимает своих денежных посетителей словно великий могол подданных. Признаться, денежная сторона чужого⁵ издания пренеприятная вещь.

Крепко целую Вас. А. Спицын. СПб. XI/15.

Карандашные пометы: «Шесть Евангелий получено впервые. Одну Библию. Беляев 12, 43, 1».

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4275. Л. 3 – 4 об.

¹Записки Отделения русской и славянской археологии.

²Вильборг Артур Иванович (сер. XIX – нач. XX в.) – российский типограф и художник, один из основателей издательского товарищества «Голике и Вильборг». Основал в Петербурге «Художественную фототипию» для печатания высококачественных репродукций (1890).

³Орешников Алексей Васильевич (1855 – 1933) – нумизмат, археолог и историк, сотрудник Императорского Российского, затем Государственного исторического музея.

⁴Макаренко Николай Емельянович (1877 – 1938) – археолог, искусствовед, художник. Действительный член ИРАО, ИРГО, Тверской, Оренбургской, Черниговской и Полтавской учёных архивных комиссий, Общества архитекторов-художников; член-корреспондент ИМАО (1913), почётный член Псковского археологического общества.

Находился в переписке с С. Ф. Платоновым (Митрофанов В. В. «Часто приходится слышать, что я – “Вихованец российский”»: письма Н. Е. Макаренко С. Ф. Платонову // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Социальные и гуманитарные науки. 2021. № 1 (29). С. 7 – 22).

⁵Слово написано сверху строки.

№ 4 (42)

Дорогой Сергей Фёдорович!

Я составил вчера записку о дальнейших раскопках с картой, на которую нанесены уже сделанные до сих пор раскопки во всех областях. Если Н. И. Веселовский¹ её одобрит, то разрешите напечатать её теперь же, пред обсуждением вопроса о раскопках. Эту записку можно было бы разослать вместе с повестками.

Будьте любезны заглянуть в Ваш путеводитель Бедекера² и справиться, нет ли при описании г. Йены указания на то, где описан Великогерцовский музей³ этого города (там есть корона Джанибека⁴).

Целую Вас. А. Спицын. 1900. XII/7.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 2. Д. 4275. Л. 5.

№ 5 (43)

Дорогой Сергей Фёдорович!

Будьте добры посылать нам ежедневно весточку о Мише⁵. Бедненький мальчик! Как бы мы желали, чтобы весточки были все веселее и веселее!

Ваш А. Спицын. СПб. 1900. XII/27.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4275. Л. 6.

¹Веселовский Николай Иванович (1848 – 1918) – археолог и востоковед-арабист, тюрколог, профессор Петербургского университета (с 1884 г.), управляющий Восточным отделением Императорского Русского археологического общества (1908 – 1918), председатель Отделения этнографии Императорского Русского географического общества (1887 – 1910), директор Петроградского археологического института (1916 – 1918), член-корреспондент Академии наук (1914).

²Бедекер Карл (1801 – 1859) – немецкий издатель, в 1827 г. в Кобленце основал издательство путеводителей по разным городам и странам. Известным при жизни его сделали непревзойдённая достоверность и издательское качество путеводителей, носящих его имя («бедекеров»), быстро ставшее нарицательным для изданий такого вида.

³Штикель Иоаганн Густав (1805 – 1896) – немецкий ориенталист, нумизмат, основатель и хранитель Великогерцогского Восточного кабинета в Йене.

⁴Корона Джанибека – один из самых загадочных артефактов эпохи Золотой Орды. В начале 30-х годов XIX в. пастор Генрих Цвик из немецкой колонии Сарепта приобрел у саратовского купца ажурное золотое украшение, найденное среди руин средневекового города. Увлекающийся археологией пастор был уверен, что в руках у него оказалась корона самого хана Джанибека. Подробнее см.: Савельев Н. И. «Корона Джанибека» в отечественной и зарубежной историографии // Российская археология. 2013. № 2. С. 67 – 76.

⁵Речь идет о болезни сына. Платонов Михаил Сергеевич (1899 – 1942) – профессор химии, в феврале 1942 г. был арестован и в марте расстрелян по обвинению во вредительстве. В августе 1958 г. реабилитирован «за отсутствием состава преступления». 30 августа 1899 г. С. Ф. Платонов сообщал М. А. Дьяконову: «У нас 14 августа оказался сын Михаил, чему мы, разумеется, очень рады» (АР АН. Ф. 639. Оп. 1. Д. 1073 – 1162. Л. 4 – 4 об.).

№ 6 (44)

Дорогой Сергей Фёдорович!

Посылаю Вам оригиналы протоколов. Глазов¹ не писал о том, что он готовит реферат. Свой отчёт он уже предоставил в Комиссию вместе с вещами. Мне казалось бы, что лучше не требовать от него лишнего доклада в Обществе, и не вносить его в повестку: где² Глазову набраться смелости? Впрочем, об этом я его еще спрошу. Его просьбой на счёт 4-го – 5-го Вы отнюдь не стесняйтесь.

Опочецкий – на мой слух звучит безобразно. Я не понадеялся на себя, посоветовался и стал писать Опоченский.

У нас у всех кашель, насморк. Мишенька сегодня чем-то прихворнул кроме насморка, всё плакал и успокоился только перед обедом, поспал. Теперь он слаб и раскис совершенно. Вероятно, желудок. Я не думаю выходить ни завтра, ни в воскресенье. Тихомиров³ отчёта не послал еще. Не сердитесь на меня! Ваш А. Спицын. СПб. 1901. XI/23.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 2. Д. 4275. Л. 7 – 7 об.

№ 7 (45)

Дорогой Сергей Фёдорович!

Отчет Тихомирова получен 27 ноября и с той поры лежит у меня для доклада в Обществе и для издания в ближайшей книжке. Мы так мало виделись с Вами в последние месяцы, что неудивительно, если ни разу не заговорили о деле, тем более, что отчёт незначительный. Впрочем, помнится, что однажды, обсуждая с Вами программу заседания, я упоминал о возможности⁴ пополнить его отчетами Тихомирова. Во всяком случае вина за забвение падает на редкость и кратковременность наших свиданий. Ваш А. С[пицын].

7/III. 1902 г.⁵

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4275. Л. 8.

¹Глазов Владимир Нилович (1862 – 1933) – член-сотрудник Императорского Русского археологического общества (1900) и Археологического института (Санкт-Петербург).

²Далее ему зачеркнуто.

³Тихомиров Илларион Александрович (1861 – 1933) – краевед, историк, археолог, искусствовед, реставратор, музейный и архивный деятель. Подробнее см.: Севастьянова А. А. И. А. Тихомиров – архивист, археограф и источниковед // Ярославский архив дворян Викентьевых XVII века (К 100-летию Ярославской губернской учёной архивной комиссии) : сб. док. / сост. В. Н. Козляков. Ярославль, 1989. С. 91 – 95.

⁴Слово вставлено сверху строки.

⁵Дата установлена по штемпелю на почтовой карточке.

Дорогой Сергей Фёдорович!

Когда Вам понадобится клише к статье Хвойки¹ (пожалуйста, не забудьте об отдельных оттисках!), то припомните, что они лежат на моём столе в Археолог[ической] Комиссии, в пакете на Ваше имя. Там же и клише к² отчёту Тихомирова, как и самый отчёт, приготовленный к печати³. Его, конечно, придется напечатать в тверском томе⁴.

У господ тверичей никакого полету нет по раскопчной части. В музее отдел первобытной археологии у них в безобразном состоянии и не видно, чтобы они что-нибудь задумали в нём улучшить для съезда⁵. Это совершенные дети. Колосов⁶ насел на музей и, конечно, ни сам для него ничего не сделает, ни другим на даст. Приняли они нас чрезвычайно радушно, но всё же⁷ съезд выедет не на их плечах. Очень жаль, что я пробыл с ними очень мало – авось в чём-нибудь сталкивались бы. Плетнёв⁸ очень мне понравился, но его работа для съезда тоже ребячья⁹.

Сам я уже работаю, но пока не очень усидчиво.

¹Хвойка Викентий Вячеславович (1850 – 1914) – русский археолог-самоучка чешского происхождения, первооткрыватель Трипольской культуры на Киевщине, исследователь скифской, зарубинецкой (III в. до н. э. – IV в. н. э.), черняховской (II – VII в.) и раннеславянской культур. Первым ввёл такие понятия, как «поля погребальных урн» и «поля погребений». Речь идёт о статье «Раскопки 1901 г. в области Трипольской культуры». СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1904. 25 с.

²Далее *статье* зачеркнуто.

³Тихомиров И. А. Поездка на р. Мсту : извлеч. из отчета. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, [1903]. 13 с.

⁴Тихомиров И. А. Кто насыпал Ярославские курганы? [ч. 1] // Труды II Областного историко-археологического съезда. Тверь : Тип. губернского правления, 1906. С. 87 – 248 ; Его же. Раскопки в Угличском кремле // Там же. С. 401 – 422.

⁵Речь идёт о втором Областном археологическом съезде, проходившем в Твери с 10 по 20 августа.

⁶Колосов Владимир Иванович (1854 – 1919) – русский писатель, педагог, археолог и краевед. С 1886 г. член тверской ГУАК, хранитель Тверского музея. Подробнее см.: Митрофанов В. В. «Дело... к которому были соприкосновенны и Вы...»: переписка С. Ф. Платонова с В. И. Колосовым по вопросам Тверского музея // Первые Ильинские архивные чтения : сб. ст. Тверь : СФК-Офис, 2015. С. 129 – 144.

⁷Далее *для* зачеркнуто.

⁸Плетнев Владимир Алексеевич (1837 – 1915) – археолог, краевед, член Тверской ученой архивной комиссии (с 1884 г.), товарищ председателя Совета Тверского музея (с 1900 г.).

⁹Митрофанов В. В. Роль С. Ф. Платонова в издании археологической карты Тверской губернии // Российская археология. 2015. № 2. С. 177 – 185.

Я бы очень советовал Вам захватить сюда (от Хинценберг, лошадьми в Петерг-Капелле, усадьба Сияклава). Мне здесь очень нравится; может быть и Вам поглянулось бы.

Крепко целую Вас и желаю поскорее выбраться на волю. Ваш А. Спицын.
Петерг-Капелле 1902. VI/13.

Море шумит, шумит... Идём все в тень.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4275. Л. 9 – 9 об.

№ 9 (47)

Карандашная помета С. Ф. Платонова: «1902. Лето».

Дорогой Сергей Фёдорович!

И очень хорошо делаете, что отдыхаете: Вы на то имеете право. Юрьенс¹ послал мне свою заметку² в очень уменьшенном виде. Значит я привезу её с собой.

Я немало соображаю и пишу, хотя меньше, чем хотел бы. Нажмешь на море, такие удивительные получаются картины! Ужасно досадую (как всегда!), что приходится так много издавать, тратиться на механический труд, тогда как творческий огонь сладок! Занят я, можно сказать, исключительно тверским съездом.

Глазов и Рерих³ кончили свои поездки⁴. Последний сделал очень интересное открытие – нашёл курганы каменного века, доселе никому неизвестные. Остальные мои молодцы нашли мало занимательного. Оказалось, что всюду главные массы курганов уже раскопаны, а исследованные бедны.

Невидимкой и я не прочь был бы побывать в Харькове⁵, но принимать участие там – слуга покорный!

Здесь хорошо, хотя лето и плохое. Ребятишки процветают. Невозможно досыта на них налюбоваться. Нигде мы не делали таких частых и продолжительных прогулок, как здесь. У Миши всё время идут зубы и, слава Богу, без больших страданий и опасностей.

Для нас было бы очень желательно, чтобы Вы переехали на Университетскую набережную. Я уверен, что это и будет, если не теперь, то несколько позднее. Это тернистый путь, но Вам его конём не объехать.

Дай Бог Вам сил на всё доброе!

¹Юрьенс Иван Антонович – выпускник Санкт-Петербургской духовной академии.

²Юрьенс И. А. Древнейшая Ливонская хроника. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1904. 17 с.

³Рерих Николай Константинович (1874 – 1947) – русский художник, философ-мистик, путешественник, археолог, ориенталист, общественный деятель. Академик Императорской Академии художеств (1909).

⁴В. Н. Глазов вел раскопки в Крестецком уезде, а Н. К. Рерих – в Боровичском уезде Новгородской губернии.

⁵Речь идёт об Археологическом съезде, проходившем с 15 по 27 августа 1902 г.

Крепко Вас целую. А. Спицын.

Мы беспрестанно вспоминаем о Кл[еопатре] Алек[сандровне]¹, которая была к нам всегда так добра.

Не забудьте захватить в Харькове на мою долю тамошние издания, особенно Указатель выставки².

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 2. Д. 4275. Л. 10 – 11.

№ 10 (48)

Дорогой Сергей Фёдорович!

У подружки Сашеньки Шишкиной, моей ученицы и подательницы сего письма, скончался брат, и ей надо ехать, значит, потратить 30 р., которых у неё нет. У меня тоже нет. Если можно, не откажите дать эту сумму Шишкиной, а я Вам верну. Вот и применение для дела, возвращенного неожиданно Викторовым.

Крепко целую Вас. А. Спицын. СПб. 1902. XII/28.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4275. Л. 12.

№ 11 (49)

Дорогой Сергей Фёдорович!

Священнику удобно в среду, в час дня. Не откажите уведомить – удобно ли это Вам. Если да, то будем считать вопрос о времени решенным, и я Вас более не буду предупреждать.

Всё очень хорошо. Целую Вас и Наденьку³. СПб. 1903. 6/II.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4275. Л. 13.

№ 12 (50)

Дорогой Сергей Фёдорович!

28-го Покрышкин⁴ читает в Общ[естве] Дврен[ей] Письм[енности], 1-го марта суббота – он у всенощной. Реферат его готов, мой также. Назначьте после 1-го, когда Вам удобно. А то дайте свой. Я думал бы что тема об Ордине-

¹Платонова (Хрисанфова) Клеопатра Александровна (1838 – 23 марта 1902) – мама С. Ф. Платонова.

²Альбом выставки XII Археологического съезда в Харькове / под ред. и с объяснит. текстом проф. Е. К. Редина. М. : Типолиитография В. И. Гросман и Г. А. Вендельштейн, 1903. 25 с. ; Каталог Выставки XII Археологического съезда в г. Харькове. Харьков : Паровая типолиитография. М. : Зильберберг и С-вья, 1902. 915 с.

³Речь идёт о дочери Платонова Надежде (1890 – 1965).

⁴Покрышкин Пётр Петрович (1870 – 1922) – академик архитектуры, историк древнерусского зодчества и живописи, реставратор, активный деятель охраны памятников. Член ИАК (1902); зав. отделом монументального зодчества РГАК (1918 – 1919); зав. Археологическим подотделом Совета коллегии по делам музеев в Петрограде (1918; член РАИМК (1919 – 1921).

Нащокине¹ самая культурно-археологическая и, во всяком случае, более Гебдона². Может быть, есть интересные данные об его доме, домашнем обиходе?

Для меня эта тема полна большого³ интереса.

Мой реферат: «Кто населял верховья Оки и Волги в VI – VIII в.?»

Ярославский Тихомиров имеет работу об ярославск[их] древностях, без сомнения, очень недурную. Если бы он дал её нам для напечатания, это было бы, на мой взгляд, недурно. Выпуск к Тверск[ому] съезду был бы полнее. Он просил передать Вам свой поклон, а меня спрашивал, не найдётся ли здесь где-нибудь 100 р. для напечатания его труда в Ярославле. Я ответил отрицательно, но указал, что в Петербурге работа его может найти своё место. Если Вы не возьмёте её, напечатает в Комиссии.

У нас всё благополучно. Весьма радуемся, что Н[адежде] Н[иколаевне]⁴ лучше.

Мы с Леной решили, что, если не найдём другой дачи, будем проситься к Соболевым. От Твери по железной дороге это недалеко, от раскопок совсем близко.

Желаем здоровья Надежде Николаевне. Целую Вас.

Ваш А. Спицын. СПб. 1903. II/20.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4275. Л. 14 – 15.

№ 13 (51)

Дорогой Сергей Фёдорович!

Таблиц на статью Рериха напечатано 725 экз. по расчёту:

Обществу – 525 экз.,

авторских – 100 экз.,

в Тверь – 100 экз.

725 экз.

Значит – в томе 625 экз., для отдельных оттисков 100 экз. Спешу Вас известить об этом, если мною Вам дан иной расчёт. Впредь буду заказывать таблицы также на 725 экз., пот[ому] что денежная разница ничтожна. Лене лучше. Ваш А. Спицын.

¹Ордин-Нащокин Афанасий Лаврентьевич (1605 – 1680) – дипломат и политик в царствование Алексея Михайловича, боярин (с 1667 г.), глава Посольского приказа с титулом «царственные большие печати и государственных великих посольских дел обергегателя».

²Гебдон Иван – английский дипломат, русский резидент в Голландии и Англии. Прибыл с Британских островов в Россию в 1647 г. и первое время был толмачом при живших в Москве, среди таких же как он, английских «гостей».

³Далее *любопытства* зачеркнуто.

⁴Жена С. Ф. Платонова.

Карандашные пометы С. Ф. Платонова: «Записочки 700. Для Зап[исок]¹ – 525. Съезда – 100. Автор. – 75. 13. III. 1903².

На титульной стороне карандашная помета Платонова: «март. 903».

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4275. Л. 16.

№ 14 (52)

Дорогой Сергей Фёдорович!

У Лены пока благополучно. Она на ногах.

Когда Вы заедете к нам на Выставку? Посмотрите с XII до IV час., я там.

Меня радует, что изготовление таблиц и рисунков теперь идёт полным ходом. Текст не задержит. Макаренко вышел из больницы – значит остальные рисунки пойдут быстро.

Соболевы уступают нам дачу, так что на этот счёт мы спокойны. Целую Вас. Ваш А. Спицын. СПб. 1903. III/18.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 2. Д. 4275. Л. 17.

№ 15 (53)

Дорогой Сергей Фёдорович!

Я начинаю опасаться, что к 20 июня мы с типографией вряд ли доставим Вам свёрстанную корректуру последних двух листов, так как мне доведётся с дачи вскоре уехать на раскопки. Поэтому разрешите мне подписать³ эти листы к печати, а Вам типография вышлет для ведома оттиски первой корректуры.

Второе: я думал бы, что неудобно выслать издание немедленно по выходе в свет в Тверь, так как его заблаговременно растащат и неизвестно, что останется для приезжих членов Съезда. Посему не лучше ли выслать Записки до востребования одним из представителей Общества, который по приезде и передаст издание в распоряжение распорядительной организации Съезда. Впрочем, это Ваше дело.

Третье: может быть было бы не лишним дать предисловие, строчки 3 – 4 на манер прилагаемого. Целую Вас. Ваш А. Спицын. СПб. 1903. VII/2.

Настоящий выпуск «Заметок Отделения Русской и Славянской археологии ИРАО» весь посвящен интересам второго археологического съезда (Тверского), в котором Отделение пожелало принять доброжелательное участие. Статьи, не подписанные иными⁴ фамилиями, принадлежат члену-сотруднику Общества

¹ Далее 22 зачеркнуто двойной чертой.

² Дата установлена по штемпелю на почтовой карточке.

³ Подчёркнуто синим карандашом С. Ф. Платоновым.

⁴ Слово вставлено сверху строки.

А. А. Спицыну. Сложное дело изготовления рисунков помешало осуществлению первоначально более широкого плана работы Отделения¹ для Съезда.

Таблицы не все получены².

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4275. Л. 18 – 19.

№ 16 (54)

Дорогой Сергей Фёдорович!

Больно было получить от Вас эту невесёлую весточку. Лена горько всплакнула, применяючи к своим. Нам обоим почему-то было всегда чрезвычайно жалко смотреть на Олю. Божье дитя!

Ваш А. Спицын. Красное. 1903. VIII/8.³

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 2. Д. 4275. Л. 20.

№ 17 (55)

Карандашная помета С. Ф. Платонова: «июль 1903»

Дорогой Сергей Фёдорович!

Радуемся, что далее у Вас всё благополучно. У нас всё хорошо. Только Лена лишь начинает свою выправку, так как были в отъезде то я, то Таня. Отлучка Тани оказалась довольно тягостной (10 дней) – пришлось Лене мало спать. Теперь все гуляем.

Я готовлюсь к Съезду лениво. С нашими изданиями для Съезда мне пришлось немало и здесь повозиться, так что у меня отдых также почти в начале, почему мы, вероятно, помедлили здесь, если погода будет тому благосклонна.

Конечно, приятно, что все три затеянные наши к Съезду издания приготовлены.

Я ещё не имею сброшюрованного экземпляра «Записок» и требую его, чтобы посмотреть, правильно ли свёрстаны таблицы. Получив, просмотрю, не надо ли что-нибудь исправить в тексте л. 14 – 18.

Здесь много поводов Вас всех вспомнить. Наша обычная, почти ежедневная прогулка – глубоко в лес Паул, возвращение чрез усадьбу её мимо Тихменева. Курганчики-то в парке Вашем я тронул; оказалось, что-то кучи рыхлой земли с прослойками листвы. Зато я нашёл городище под с. Воскресенье, Дьякова типа: на ловца и зверь летит.

¹ Слово вставлено сверху строки.

² Это предложение написано С. Ф. Платоновым.

³ О смерти дочери С. Ф. Платонов писал А. Е. Преснякову 6 августа 1903 г. «Наша Оля утасла очень быстро от менингита, происшедшего, по выражению доктора, от «соврожденных», а не случайных причин. Еще за неделю до конца она казалась цветущим ребенком!» (Академик С. Ф. Платонов. Переписка с историками : в 2 т. / отв. ред. С. О. Шмидт ; сост. В. Г. Бухерт. М. : Наука, 2003. Т. 1. С. 85).

Археологическая поездка моя была не особенно результатна. Самое важное (действительно важное), что я сделал – нашёл в Бологом совершенно отдельный слой древнего каменного века.

Целую Вас и детей, низко кланяюсь Н. Н. До скорого свидания!

Ваш А. Спицын. Ильинское. 1903. VII/23.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4275. Л. 21 – 22.

Меррекуль (Эстл[яндская] губ[ерния])

Его Высокородию Сергею Фёдоровичу Платонову. Дача № 85. 1903. 24/VII. Рыбинск¹.

№ 18 (56)

Карандашная помета С. Ф. Платонова: «17.VIII.1903»

Дорогой Сергей Фёдорович!

Желаю Вам вполне успешного начала – это ведь много значит!

Илья Ал[ександрович]² и Гурлянд³ Вам уже обрисовали Съезд. Археол[огическая] Ком[иссия] и Русское Отделение фигурировали там не без триумфа. Только моя полемика с Соболевским⁴, усталая, не была грозна и сильна, о чём я очень жалею, да досадно на Перетца⁵, который меня принял за тумбу и сделал на меня по собачьи. Господь с ним! Только всё же мне Перетц насолил и горечь от него я только теперь заел усиленным употреблением яблок и варенья.

Ведь второй выпуск V-го тома «Записок» будет маленький? Мы его кончим, авось, быстрее. Не откажите послать в типографию для этого выпуска уже готовые статьи – Хвойки и Юрьенс (если только Вы их уже не отправили).

Я просил, чтобы для Вас отобрали по 1 экз. всех изданий, выпущенных к Съезду и передали Ив[ану] Алекс[андровичу]⁶.

Мы все пока благополучны. Проживём до сентября; едва ли можно будет долее, так как и теперь погода уже неважная.

Целую Вас и желаю успеха. Ваш А. Спицын.

Пр[истань] Ильинская. 1903. VIII/17.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4275. Л. 24 – 24 об.

¹ Текст на конверте, дата на штемпеле.

² Речь идёт о И. А. Шляпкине.

³ Гурлянд Илья Яковлевич (1868 – не ранее 1921 г.) – историк, правовед, публицист, профессор административного права Демидовского лицея в Ярославле, член Совета министра внутренних дел (1907 – 1917), эмигрант.

⁴ Соболевский Алексей Иванович (1856 – 1929) – филолог-славист, ординарный академик Академии наук (1900).

⁵ Перетц Владимир Николаевич (1870 – 1935) – русский и советский филолог, историк литературы, педагог. Академик Петербургской академии наук, АН СССР.

⁶ Иванов Иван Александрович (1850 – 1927) – тверской краевед, близкий друг С. Ф. Платонова, они находились в переписке с 1898 по 1927 г.

Помета С.Ф. Платонова синим карандашом «24/IX».

Дорогой Сергей Фёдорович!

Для посланного Вами листочка у меня в памяти ничего нет (кроме Ошель¹). Я порылся у Шпилевского², но там тоже ничего подходящего не сыскал.

Ребята медленно освобождаются от кашля. Теперь более всех кашляет Ваша младшая крестница, но и она меньше.

Насчёт II-го вып. V-го. Я бы думал, что добавить к этим двум статьям протоколы – и довольно. Таблицы (6) напечатаны на очень толстой бумаге, и выпуск будет совершенно достаточный. Материал подобрать нетрудно, но не стоит ждать его, особенно если дело станет за рисунками.

Таблицы для II-го вып. имеются в количестве 600 экз.

Целую Вас. Ваш А. Спицын. СПб. 1903. IX/23.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4275. Л. 25 – 25 об.

Дорогой Сергей Фёдорович!

Вчера я вернулся с раскопок. Добыча очень небольшая, но зато в имении молодого князя Путятин³ я сделал весьма **значительное открытие** – именно нашёл совершенно обособленный культурный слой древнего каменного века. Это дело большой важности.

Дома у нас оказалось всё благополучно, только все ребятушки немного кашляют от холодной и сырой погоды. Во дворе у ребят однако появилось заболевание⁴ расстройством желудка, что призывает нас к некоторой осторожности.

В типографию отослан был мною еще до отъезда на раскопки весь остальной мой материал, и сегодня я уже получил его в корректуре (как и Вы ещё раньше меня). Больше уж некогда писать. Дело только за Шляпкиным. Сегодня же я прошу типографию послать гранки ещё к Путятину⁵, который, конечно, должен их ещё до подписи к печати просмотреть. В свёрстке мне писали и 13, 14 и часть 15-го листов; гранки я попрошу типографию теперь же

¹Ошель – средневековый город в Волжской Булгарии (X – XIII вв.). Археологические остатки города – Богдашкинское городище.

²Шпилевский Павел Михайлович (1823 – 1861) – писатель-этнограф, публицист, литературный и театральный критик.

³Путятин Михаил Павлович (1870 – 1930) – князь, после окончания Пажеского и Гвардейского кавалерийских корпусов вышел в отставку, избирался уездным предводителем дворянства.

⁴Слово вписано сверху строки.

⁵Путятин Павел Арсеньевич (1837 – 1919) – князь, русский антрополог, этнограф, археолог, коллекционер.

заготовить для Вас, но не посылать на дачу; так как, пожалуй, не успеете получить там до отъезда. Я тоже подумал, что в предисловии о моих работах не нужно упоминать, а сказать лишь, что издание изготовлено в целях Тверского Съезда. Я имел в виду в первом же письме просить Вас об изменении предисловия в этом смысле.

Счастливого пути! Желаю набраться сил и настроения для ожидающих Вас работ.

Целую Вас. Ваш А. Спицын. С. Красное. 1903. VI/20.

Оглавление

Тихомиров И. А. Поездка на р. Мсту. 1 – 13 стр.

Рерих Н. К. Некоторые древности пятины Деревской и Бежецкой (Табл. I – III – 14-43.

Отчёт В. Н. Глазова о раскопках, произведенных в Псковской губ. в 1901 и 1902 гг. Табл. XXI и XXII – 44-66.

Отчёт В. Н. Глазова о раскопках, произведенных в 1902 г. в Псковском уезде] (Табл. XX). 67-76.

С. А. Медный век в верхнем Поволжье (Табл.¹) XXIII – XXV. 77 – 93.

Каменский В. И. и С. А. Раскопки близ г. Балахны (Табл. XVI – XVIII) – 94 – 103.

Галичский клад (Табл. XXIX – XXXI) – 104-110.

Городища Дьяконова типа – 111-142.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4275. Л. 26 – 27.

№ 21 (59)

Дорогой Сергей Фёдорович!

Я нашёл у себя забытое письмо директора гимн[азии] Нурминского², и по сему случаю пишу Вам. Он обещал дать мне свою карточку к Дебольскому³ (пошлите её письмом). Я побываю у него в Министерстве. Не могу опомниться от «коня». Такой внушительный, серьёзный и важный «конь». Ваш А.С.⁴

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 2. Д. 4275. Л. 28.

¹ Далее XVI – XVIII зачеркнуты.

²Нурминский Сергей Андреевич (1839 – 1914) – деятель образования, просветитель марийского народа, этнограф, директор Вятской гимназии в 1888 – 1903 гг., после этого переехал в Казань.

³Дебольский Николай Гаврилович (1842 – 1918) – состоял членом Совета министра народного просвещения.

⁴ На почтовой карточке.

Дорогой Сергей Фёдорович!

В корректурах я не мог восстановить лишь авторского дополнения в статье Репникова¹. В субботу в Обществе обсуждается смета. Не найдёте ли Вы возможным и удобным похлопотать, чтобы Отделению кроме дали на раскопки 300 р.? Мне хотелось бы послать двух исследователей на верховья Днепра и на среднее течение Оки для определения влияния этих местностей на курганные древности Суздальщины. Это вопрос о происхождении великорусов. Впрочем, это дело на Ваше усмотрение. Ваш А. Спицын.

3.12.1903²

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4275. Л. 29.

Библиографические ссылки

1. Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники. 1889 – 1927 / подгот. текста, коммент. Т. Н. Жуковской, Д. Н. Лепина, Б. С. Кагановича ; отв. ред. А. Н. Цамутали. СПб. : Дмитрий Буланин, 2005. 968 с.

2. Ананьев В. Г., Бухарин М. Д. К истории Музея Петербургской духовной академии в послереволюционный период. Письмо С. А. Жебелёва Н. Я. Марру // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2020. Т. 36, вып. 1. С. 176 ; примеч. 1. С. 171 – 178.

3. Бердинских В. А. А. А. Спицын в письмах С. Ф. Платонову // Археологический ежегодник за 1995 год. М. : Наука, 1997. С. 148 – 152.

4. Бухерт В. Г. С. Ф. Платонов и «кружок русских историков» // Археологический ежегодник за 1999 год. М. : Наука, 2000. С. 126 – 143.

5. Императорская Археологическая комиссия (1859 – 1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / ред.-сост. А. Е. Мусин, общ. ред. Е. Н. Носов. СПб. : Дмитрий Буланин. 2009. 1192 с.

6. Митрофанов В. В. Роль С. Ф. Платонова в издании археологической карты Тверской губернии // Российская археология. 2015. № 2. С. 177 – 185.

7. Митрофанов В. В. «...провинция только и живет силами Петербурга»: письма Ф. А. Ушакова С. Ф. Платонову // Вестник Псковского университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2016. № 4. С. 197 – 213.

¹Репников Николай Иванович (1882 – 1940) – российский и советский археолог, сотрудник Этнографического отдела Русского музея и Института археологии РАН.

²Дата установлена по штемпелю на почтовой карточке.

8. Митрофанов В. В. «... они напоминают мне наш огород в Вятке»: письма Е. А. Спицыной Н. Н. Платоновой (1910 – 1919 гг.) // Герценка: Вятские записки. Киров, 2019. Вып. 36. С. 59 – 94.
9. Митрофанов В. В. «Я искренний патриот»: письма А. А. Спицына С. Ф. Платонову (1882 – 1890) // Там же. 2020. Вып. 37. С. 30 – 59.
10. Митрофанов В. В. Сотрудничество А. А. Бобринского с С. Ф. Платоновым в рамках Русского отделения Русского археологического общества // Культурный ландшафт регионов. 2020. Т. 2, № 5. С. 58 – 74.
11. Митрофанов В. В. «Часто приходится слышать, что я – “Вихованец российский”»: письма Н. Е. Макаренко С. Ф. Платонову // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Социальные и гуманитарные науки. 2021. № 1 (29). С. 7 – 22.
12. Митрофанов В. В. «Наши курсы... могут считаться устроенными». Письма И. А. Иванова к С. Ф. Платонову. 1911 г. // Исторический архив. 2021. № 3. С. 87 – 110.
13. Митрофанов В. В. «Я чувствую себя на прочном пути...»: письма А. А. Спицына С. Ф. Платонову (1891 – 1899) // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2021. № 1. С. 56 – 76.
14. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4273 – 4277.
15. Платонов С. Ф., Крачковский И. Ю., Ольденбург С. Ф. Записка об ученых трудах А. А. Спицына // Известия Академии наук СССР. Л., 1927. Сер. 6. Т. 21. № 3/4. С. 1503 – 1517.
16. Платонов С. Ф. Константин Николаевич Бестужев-Рюмин (1897) // Собр. соч. : в 6 т. М. : Наука, 2012. Т. 3. С. 126 – 138.
17. Платонов С. Ф. Несколько воспоминаний о студенческих годах // Там же. Т. 5. С. 214 – 245.
18. Платонов С. Ф. Записка об ученых трудах проф. А. А. Спицына // Там же. С. 287 – 289.
19. Платонова Н. Н. Дневник (1889 – 1921). Рязань, 2020. 881 с.
20. Смирнов А. С. Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институциональной истории науки XIX – начала XX века). М. : Ин-т археологии РАН, 2011. 592 с.
21. Спицын А. А. Поездка 1903 г. на озеро Кафтино и Бологое и раскопки близ Рыбинска // Известия императорской Археологической комиссии. СПб. : Типография Главного управления уделов, 1904. Вып. 6. С. 65 – 78.

22. Спицын А. А. Мои научные работы // Избранные труды по истории Вятки / сост. и науч. ред. А. Л. Мусихин. Киров : О-Краткое, 2011. С. 301.

23. Спицын А. А. Раскопка кургана в г. Валуйках // Известия Императорской Археологической Комиссии. СПб., 1910. Вып. 35. С. 131.

24. Митрофанов В. В. Современное звучание научного отзыва А. А. Спицына на книгу М. И. Демкова «Очерки по истории русской педагогики» (рец. на научный отзыв А. А. Спицына. ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 6726. Л. 1 – 2) // Вестник Воронежского университета. Проблемы высшего образования. 2020. № 3. С. 116.

25. Тихонов И. Л. Из эпистолярного наследия А. А. Спицына (письма к С. Ф. Платонову) // Российская археология. 1991. № 2. С. 265 – 275.

26. Тихонов И. Л. С. Ф. Платонов и А. А. Спицын // Памяти академика С. Ф. Платонова: исследования и материалы. СПб. : Любавич, 2011. С. 347 – 361.

27. Шиляева Р. С. Александр Андреевич Спицын: архивные документы // Избранные труды по истории Вятки / сост. и науч. ред. А. Л. Мусихин. Киров : О-Краткое, 2011. С. 378 – 396.

V. V. Mitrofanov

**«... I WOULDN'T WANT TO CAUSE YOU THE SLIGHTEST
DISPLEASURE ...»: LETTERS OF A. A. SPITSYNA TO S. F. PLATONOV
(1900 – 1903)**

Letters of A. A. Spitsyna to S. F. Platonov in 1900-1903, revealing the communicative ties of two outstanding representatives of the Russian academic science, close friends in life are published. They allow to determine the main areas of interaction and the forms and methods of professional activity. The main attention is paid to the work of the Department of Russian and Slavic Archeology headed for more than 23 years by S.F. Platonov. The role of A.A. Spitsyn in the preparation of editions of the Department's collections and special editions for the Tver Regional Archaeological Congress is specified. A lot of attention is given to summer archaeological excavations and their results. The names of archaeologists, including provincial ones, with whom St. Petersburg scientists actively collaborated, are listed.

Keywords: A. A. Spitsyn, S. F. Platonov, Department of Russian and Slavic archeology, archaeological excavations, correspondence.

ЖИЛИЩНЫЙ ВОПРОС В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ВЛАДИМИРСКОГО РЕГИОНА)

Статья посвящена изучению жилищно-бытовых условий городского населения в годы Великой Отечественной войны на территории Владимирского региона. Источниками для исследования послужили архивные фонды городских комитетов ВКП(б) исследуемой области, а также фонды отдельных предприятий. В статье представлена попытка не только проследить развитие жилищной ситуации во Владимирском крае в военные годы, но и сопоставить трудности, возникавшие здесь, с проблемами в других регионах страны. В ходе рассмотрения заявленной проблемы удалось выяснить не только негативные черты, которые проявлялись в данной сфере, но и сделать вывод, что жилищные трудности напрямую влияли на мотивацию работников и их стремление к самоотверженному труду.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, жилищная проблема, население тыла, бытовые трудности, уплотнения, жилищно-коммунальное хозяйство.

Изучение истории советского тыла в годы Великой Отечественной войны невозможно без пристального внимания к жилищно-бытовым условиям трудящихся. В годы первых пятилеток основное внимание советского государства было сосредоточено на строительстве предприятий и транспортной инфраструктуры, крепче связывающей большую страну. В то же время жилищное строительство финансировалось по остаточному принципу. Количество вводимого в строй жилья было намного меньше необходимого, так как в условиях форсированной индустриализации колоссальное количество сельских жителей переехало в города. Но на новом месте им не было предоставлено комфорт-

ных условий жизни, обыденным явлением было расселение рабочих и служащих в бараках, общежитиях и коммунальных квартирах в рамках политики «уплотнения». В указанный период жилой фонд был разделён на государственный (обобществлённый) и индивидуальный, т. е. личный.

Проблематика, рассматриваемая в статье, достаточно давно привлекает внимание исследователей. В настоящее время написано большое количество научных трудов по различным регионам ближнего, среднего и дальнего тыла. Исследование жилищного обеспечения и сложностей, связанных с ним, занимает историков различных регионов [1; 2]. Особенно остро в тылу стоял вопрос с размещением эвакуиро-

ванного населения. 13 сентября 1941 г. вышло постановление СНК СССР «О строительстве жилых помещений для эвакуированного населения» [32, с. 50].

Важную роль в размещении людей, прибывших с временно оккупированных территорий, играл Уральский регион. Критическая ситуация с жильём сложилась в городах, где разворачивалось строительство новых и размещение эвакуированных предприятий. Так, в Нижнем Тагиле перед войной средняя плотность заселения составляла 3 – 3,5 м² на человека, но уже в 1942 г. она снизилась до 2,24 м² [28, с. 75]. Жители жаловались на «хождение по инстанциям» и невнимание к их нуждам. Аналогичные проблемы отмечались и в Сталинске (современный Новокузнецк). Значительная часть жилья строилась медленно, а рабочие продолжали жить скученно [31]. Ю. И. Будников отмечает, что в отдельных уральских городах эвакуированное население вообще ютилось на 1,5 – 2 м² жилья [3, с. 15].

А. Ш. Кабирова указывает на злоупотребления с распределением жилплощади. Отдельные граждане жили в помещениях с превышением норм. В то же время коммунистов обязывали подавать заявления на подселение эвакуированных, если у них имелось свыше 4 м² жилья на члена семьи [29, с. 159]. Следствием этого становилась высокая переуплотнённость населения. Наибольшие трудности возникали, разумеется, с размещением эвакуированных, в том числе из Ленинграда, а также мобилизованных

[29, с. 160 – 161]. В Кемеровской области средний размер жилой площади на человека также составлял от 2 до 4 м² [27, с. 19].

В Западной Сибири историки отмечают не только «жуткую перенаселённость и трудные бытовые условия», но и постоянные перемещения эвакуированных с места на место. Не были редкостью и случаи негативного отношения к прибывшим. Из-за сложной продовольственной ситуации многие граждане содержали в квартирах коз и свиней. Такая тенденция была всеобщей [38, с. 10]. В отдельных общежитиях не хватало кроватей, в результате чего практиковался сон по очереди либо сон на полу. С 1944 г. в западносибирских регионах начинают выдаваться ссуды (10 тысяч рублей) на строительство жилья. Райлесхозы обязывали выделять лесосеки строевого леса для этого [Там же, с. 12 – 13]. Кредит на строительство в Северной Осетии, например, составлял 15 тысяч рублей, а на ремонт – 1500 рублей [35, с. 249].

Из-за массового наплыва эвакуированных и, как следствие, острого дефицита жилья в Сибири распространилось быстро возводимое жильё, которое называли «засыпухами» и землянками. Причём строительство велось как по линии промышленных предприятий, так и населением самостоятельно [27, с. 17]. Н. С. Головань, исследуя жилищную проблему в Кемеровской области, обращает внимание на то, что, несмотря на большое число людей, живших в общежитиях, плата за проживание была номинальной. На

взгляд историка, это было проявлением патерналистской советской жилищной политики [27, с. 19]. Можно добавить, что это иной раз вело к наплевательскому отношению к имевшемуся жилью со стороны граждан. И если в условиях войны это легко объяснить, то вполне вероятно, что в последующие десятилетия такие тенденции сохранялись и в более благоприятных условиях.

Для строительства жилья во многих регионах остро не хватало материалов [33, с. 43]. В иных случаях медленный ремонт был обусловлен нехваткой денежных средств, поступление которых уменьшилось из-за сокращения квартплаты [36, с. 28]. Историк Т. П. Хлынина, исследуя жилищную политику в годы военного лихолетья, пришла к выводу, что война «не только резко ухудшила жилищные условия населения, но и до предела обострила их состояние, по сравнению с предвоенным временем. <...> Вместе с тем практика решения жилищного вопроса в военное время – учёт и распределение жилой площади; ремонт аварийного жилья; улучшение жилищных условий – зависела не только от конкретных возможностей соответствующих органов власти и от личных качеств их представителей, но и от расторопности самих граждан» [Там же, с. 67].

Отмечались и такие негативные моменты, как самовольные захваты квартир, например в Ростове-на-Дону. Случались и незаконные выселения из жилья путём создания искусственных

задолженностей по квартплате. В 1944 – 1945 гг. в ряде регионов шёл активный процесс заселения освобождённой жилплощади репрессированных и осуждённых граждан [36, с. 58].

В отдельных регионах в качестве постоянного места жительства для эвакуированных и военных использовались гостиницы, но и для них была характерна антисанитария. В Нижнем Поволжье износ жилья составлял 50 – 60 % [30, с. 64 – 65].

Несмотря на целый спектр исследований по самым разным регионам страны, Владимирский край не относится к хорошо изученной в этом контексте территории [34]. Годы военного лихолетья ухудшили жилищную ситуацию, так как, несмотря на немалое количество призванных в действующую армию, куда большим было число мобилизованных в город для работы на предприятиях. Население мобилизовывалось из сельской местности, причём основной контингент рабочих составляла молодёжь, в том числе несовершеннолетние юноши и девушки. Владимирский регион принял также несколько десятков тысяч эвакуированных с временно оккупированных территорий и из блокадного Ленинграда. С учётом того, что население региона составляло приблизительно 1,3 млн человек, большая часть из которых проживала в сельской местности, на имеющийся жилищный фонд выпала значительная нагрузка.

Цель данной статьи – рассмотреть жилищные условия, в которых проживали трудящиеся, выявить наибо-

лее часто встречающиеся сложности и способы их решения как со стороны граждан, так и со стороны местной власти.

Источниками по теме исследования стали материалы горкомов ВКП(б) и ряда предприятий региона, хранящиеся в Государственном архиве Владимирской области. К таковым относятся протоколы заседаний пленумов и бюро горкомов и собраний городского партийного актива, докладные записки партийных инструкторов, жалобы и заявления граждан, справки и донесения МГБ, отчёты и материалы партийных конференций, отчёты предприятий и т. п. Подавляющее большинство источников впервые вводятся в научный оборот. Часть материалов, в том числе выявленных автором в предшествующие годы, была опубликована ГАВО к 75-летию юбилею Победы.

Нехватка жилья приводила иногда к закрытию важных социальных объектов. В 1941 г. здание Владимирской школы для глухонемых детей было занято под госпиталь, а затем отдано под квартиры для служащих Наркомата лёгкой промышленности, которых эвакуировали из Москвы. Эти сотрудники, разумеется, сильно держались за полученное жильё, поэтому в 1942 г. школа начала работать с опозданием [26, оп. 1, д. 3, л. 1 – 10].

Общая негативная ситуация с жильём сложилась уже в предвоенные годы из-за масштабной урбанизации, но в годы Великой Отечественной войны положение ухудшилось. Так, в

крупнейшем промышленном центре региона – Коврове в 1941 г. было построено 18 905 м² жилья и средняя обеспеченность жильём составляла 4 м² на человека. На обсуждениях жилищной проблемы местные власти призвали: «Не только строить, но и беречь жилой фонд» [23, оп. 1, д. 9, л. 21]. Общий жилой фонд города Коврова за период с 1926 по 1940 г. вырос более чем в два раза – со 130 тыс. м² до 275 – 280 тыс. м². В то же время рост населения составил 252,6 % [Там же, л. 26]. Таким образом, площадь жилого фонда в расчёте на одного человека сокращалась уже в период индустриализации. Причём указывалось, что наибольшее отставание в строительстве наблюдалось по линии городского совета, поэтому не обеспечены жильём в достаточной мере были врачи и учителя [Там же, л. 27]. Не обеспечивал потребности города даже наполовину и устаревший водопровод, построенный ещё в 1870 г. [Там же, л. 29 – 30]. Отсутствовала в городе и канализация, которую начали строить в 1934 г., но законсервировали в 1938 г. [Там же, д. 33, л. 40]. Не все окрестные рабочие посёлки имели электроосвещение [Там же, д. 35, л. 12].

Согласно отчётам ковровского ЖКХ процент изношенности составлял в среднем 35 – 50 %, а по отдельным строениям доходил до 75 %. Часть домов находилась в аварийном состоянии [Там же, д. 11, л. 4].

Жилищные сложности обсуждались на заседаниях отдельных городских комитетов обороны. Так, в Му-

роме горкомхоз и жилищное управление обязывали регулярно проверять состояние жилого и нежилого фондов, заключать договоры с квартиросъёмщиками и проверять их выполнение. При этом заведующий горкомхозом и начальник жилищного управления несли персональную ответственность за состояние жилищно-коммунального фонда [7, оп. 1, д. 5, л. 7]. По данным на начало 1945 г. в городе фактическая норма жилой площади на человека была ниже установленной в два с половиной раза [8, оп. 5, д. 139, л. 33]. В среднем на одного человека приходилось 3,2 м². Норма же была 9 м². За время войны жилой фонд города вырос на 4600 м², причём частными лицами было построено больше половины – 2400 м². При этом в коммунальных домах обеспеченность жильём была выше, чем у работников предприятий и транспорта [Там же, л. 99].

Ситуация с жильём трудящихся конкретных предприятий была следующей. На Муромском заводе № 43 имелось 7 общежитий, где проживало 350 человек, на одного человека приходилось 3,5 м². В зданиях также была низкая температура, так как отапливались они нерегулярно. В декабре 1944 г. жители общежитий вообще на два дня остались без отопления. Из-за отсутствия дровяных сараев при общежитиях дрова хранили в коридорах, комнатах для умывания и даже в кладовой, где находилась одежда рабочих. Над некоторыми плитами в жилых комнатах не было вытяжных труб; тумбочек и табуретов не хватало. Рабочие вы-

нуждены были класть продукты питания под подушку, в результате чего в комнатах хозяйничали мыши и крысы. Причём заказ на тумбочки был задан промкомбинату ещё в июле 1944 г., но его не исполнили к концу года из-за нехватки материалов. В результате этого личные вещи работников хранились вместе с грязными рабочими спецовками [8, оп. 5, д. 147, л. 14]. Несмотря на стеснённость жилищных условий большинства трудящихся, можно говорить и о нерациональных решениях в размещении работников. Так, в Муроме в одном из общежитий были установлены двухъярусные койки, несмотря на то, что была возможность их ликвидировать. В двух комнатах площадью 112 м² проживало около 30 человек, а в проходной комнате площадью 56 м² жило всего 4 человека. Уборные были или сломаны, или находились в антисанитарном состоянии [Там же, л. 14 об.].

Большие трудности с жильём возникли на Селивановском машиностроительном заводе, эвакуированном из Новгородской области. Мало того что цеха завода были размещены в бывших помещениях текстильной фабрики, закрытой и не работающей после революции, так и жилых домов в этом районе было мало, так как районным центром был не город, пусть и маленький, а село. Параллельно с развёртыванием завода шёл процесс жилищного строительства [11, оп. 1, д. 39, л. 7].

Далеко не по всем предприятиям региона в ходе архивных изысканий нами найдена информация о размерах

жилого фонда для сотрудников. Однако обнаруженные данные весьма показательны. Так, на Гусевском хрустальном заводе к началу 1942 г. имелось 11 383 м² жилой площади в жилых помещениях и ещё 123 м² в общежитиях. Общее число проживающих – 2346 человек [25, оп. 1, д. 34, л. 21 – 22], т. е. в среднем чуть менее 5 м на человека. На следующий год ситуация несколько изменилась. Теперь озвученные 123 м² обозначены как бараки, а в жилых домах имелось 11 292 м². Налицо некоторое сокращение, но и количество проживающих уменьшилось до 1860 человек в домах и до 20 человек – в бараках [Там же, д. 46, л. 40]. Спустя год жилплощадь в домах сократилась ещё – уже до 10 942 м² в домах постоянного типа; площадь жилья в бараках осталась неизменной, однако в документах не указано количество проживающих. В то же время появилась информация о наличии в домах коммунальных удобств. По сведениям заводской администрации, вся жилая площадь домов и бараков имела электроосвещение, с остальными удобствами ситуация была хуже. Если водопроводом были оборудованы дома площадью 4671 м², то канализацию и центральное отопление имели здания размером 1323 м² [Там же, д. 50, л. 32]. В 1945 г. в домах, принадлежащих заводу, проживало 1880 человек на не изменившейся с предыдущего года площади, а вот размеры бараков сократились до 70 м² и 18 проживающих соответственно [25, оп. 1, д. 56, л. 33]. Пример гусевского предприятия отра-

жает сложившуюся катастрофическую ситуацию относительно условий проживания работников.

При хлопчатобумажном комбинате им. III Интернационала в Карабаново имелось 13 деревянных общежитий и 2 казармы. В течение 1942 – 1943 гг. строилось новое жильё – в 1943 г. введено в строй 42 686 м² жилплощади, т. е. в среднем 5,25 м² на человека. На частных квартирах жило ещё 250 семей [17, оп. 1, д. 47, л. 140]. На 1943 г. было разрешено также индивидуальное жилищное строительство на незначительную сумму в 2500 рублей [Там же, л. 141].

В материалах горплана Коврова сохранился ряд показательных докладных записок о жилищных условиях, в которых обитали трудящиеся. По поручению горкома ВКП(б) и горсовета депутатов трудящихся партийным инструктором К. И. Абрамовой было обследовано общежитие посёлка Красный металлист и 17 января 1942 г. представлена докладная записка. Там указывалось: «Имеется умывальная комната с раковинами, но сами проживающие делают большие безобразия, как то в общежитиях – умывальная комната ежедневно превращается в уборную, так что тяжёлый запах [повсюду], на полу налито испражнение и разнесено по коридору, в коридорах стоят ящики с песком, но тоже превращены в грязь, так то же самое превращены в уборную, в комнате 13 и 12 под кроватью бутылки, плевательницы полные испражнения – запах тяжёлый» [23, оп. 1, д. 20, л. 9]. Анало-

гичные проблемы описывались и в акте от 16 января того же года госсанинспектором С. М. Гусятинером касательно общежития железнодорожного училища [23, оп. 1, д. 20, л. 16].

На Метенинском торфопредприятии большинство работников проживали в бараках, причём не все они были оснащены электроосвещением. Во всех без исключения помещениях отсутствовали канализация и центральное отопление [19, оп. 1, д. 7, л. 29]. Недостаток жилой площади приводил к необходимости размещать людей в общежитиях на двухъярусных кроватях (по вагонной системе), что создавало скученность и сильно затрудняло поддержание чистоты. Кроме того, сложившаяся ситуация провоцировала рост краж и резко снижала качество отдыха рабочих бригад. Отмечались также случаи заболевания сыпным тифом [Там же, д. 16, л. 17].

На Муромском заводе № 176 в 1942 г. было 122 жилых дома общей площадью 14 536 м², в которых проживало 3340 человек. Таким образом, на человека приходилось 4,22 м². При этом лишь 715 квартиросъёмщиков и 180 человек, проживавших в заводских общежитиях, работали на предприятии [13, оп. 2, д. 10, л. 20]. В 1943 г. у предприятия появилось два новых дома и общая площадь заводского жилья составила 15 678 м², что не сильно увеличило общую жилплощадь (до 4,42 м²) [Там же, л. 18, 29]. Однако уже на следующий год метраж заводского жилья снова сократился до 14 644 м² – на этой площади проживало 3 388 че-

ловек; получается, что рабочие ютились на площади в среднем 4,1 м² на человека. При этом на заводе имелось три общежития с жилой площадью 1248 м², где проживало ещё 314 человек [13, оп. 2, д. 25, л. 18]. В 1945 г. количество домов и жилплощадь на предприятии снова несколько выросли – до 124 домов и 15 068 м² соответственно. Но проживало там уже 3905 человек, а на одного работника приходилось лишь 3,84 м² [Там же, л. 93].

Чуть лучше сложилась ситуация в Селивановском районе (согласно данным районной плановой комиссии). Например, по райкомхозу жилплощадь составила 1368 м² при 260 проживающих, т. е. 5,3 м² на человека [22, оп. 1, д. 29, л. 12]. Отмечалось, что большинству квартир требуется капитальный ремонт [Там же, д. 23, л. 182].

7713 работников Струнинского прядильно-ткацко-отделочного комбината проживали в жилых домах постоянного типа и бараках на площади 36 556 и 1655 м² соответственно [20, оп. 1, д. 12, л. 60]. В отчёте за 1944 г. сведения более конкретны. В домах постоянного типа на площади 35 494 м² проживало 5817 человек [Там же, д. 16, л. 51], т. е. на одного человека приходилось чуть более 6 м², что можно считать относительно неплохим уровнем.

Фабрика им. Абельмана в городе Коврове в 1941 г. имела 48 домов постоянного типа площадью 10 155 м² и 2 барака площадью 767 м². В домах проживало 1950 человек [15, оп. 1, д. 16, л. 103]. Таким образом, на чело-

века приходилось 5,6 м², что было сравнительно неплохо. К 1945 г. площадь жилья в домах постоянного типа возросла до 10 411 м², а количество проживающих уменьшилось до 1821 человека [15, оп. 1, д. 16, л. 118]. Всё это привело к незначительному увеличению жилой площади на человека до 6,1 м².

102 рабочих хлопчатобумажной фабрики им. Красина на начало 1942 г. ютилось на 561 м² [12, оп. 1, д. 8, л. 44]. К началу следующего года жилплощадь уменьшилась до 539 м² при сохранении числа живущих [Там же, д. 11, л. 29]. Ситуация несколько улучшилась в 1945 г.: при некотором увеличении жилплощади до 564 м² число проживающих уменьшилось до 78 человек [Там же, д. 15, л. 36].

Завод № 681 в 1943 г. имел 6880 м² жилой площади, в состав которой входило 42 квартиры и 2 общежития. На этой площади проживало 2225 человек, в том числе 200 одиноких рабочих. Обычно именно таким сотрудникам жить было труднее всего. На одного рабочего приходилось 3,09 м². В 1943 г. планировалось отремонтировать более половины жилищной площади – 4130 м² [10, оп. 1, д. 10, л. 22 об.]. Руководство завода пыталось улучшить положение и к 1944 г. планировало построить два дома на шесть квартир, а в одном из общежитий переоборудовать под жилое помещение один из подвалов. Реализовать намеченный план удалось лишь частично [Там же, л. 23].

В условиях войны жилищное строительство продолжалось, хотя и в

небольших масштабах. При этом во Владимире партийные проверяющие отмечали, что дома сдаются «с большими недоделками». В отдельных зданиях после сдачи оставалась электропроводка временного типа, были плохо подогнаны оконные рамы, некачественной считали штукатурку. Так как не были организованы сараи рядом с домами, дрова и овощи жители хранили в самих домах [21, оп. 1, д. 3, л. 10]. В 1944 – 1945 гг. во Владимире были построены два четырёхквартирных дома для руководящего аппарата Облпотребсоюза [24, оп. 1, д. 1, л. 1]. Руководящий аппарат и в условиях войны, разумеется, имел преимущества и оставался в приоритете.

Промыслово-кооперативная артель стеклозавода им. Будённого из-за начавшейся войны не успела достроить общежития, которые были закончены на 75 %. Это объяснялось нехваткой финансовых средств и материалов для строительства [14, оп. 1, д. 39, л. 23].

Гусевской район, игравший важную роль в обеспечении региона торфом, страдал от недостатка рабочей силы в данной отрасли. Уже в 1941 г. на заседаниях горкома в Гусь-Хрустальном отмечали, что основной причиной «неукомплектованности рабочей силой продолжает оставаться почти полное отсутствие возможности удовлетворения жилищно-бытовых условий, а также тяжёлые условия физической работы по погрузке торфа» [16, оп. 2, д. 29, л. 22]. Поэтому местные жители предпочи-

тали работать в других отраслях промышленности.

Худшие условия проживания были обычно у молодых рабочих, которых в документах той эпохи было принято называть несемейными. На Муромском заводе им. Компартии Франции имелось общежитие для несемейных работников. Стены в этом здании не были засыпаны шлаком, печи неисправны, поэтому топить их было нельзя, часто отсутствовала вода, не было уборной и места для сбора мусора. В комнатах отсутствовали скамейки, тумбочки, графины и портреты вождей. Постельное бельё и мыло менялись нерегулярно. Прачечных и починочных мастерских для обуви не имелось [8, оп. 1, д. 148, л. 13]. Помимо этого фиксировались случаи воровства, в частности у эвакуированной работницы Мурзак украли верхнее и нижнее платья. Девушка даже перестала ночевать в общежитии, предпочитая оставаться на заводе. Аналогично поступала и другая работница, Коробейникова. Десять рабочих, не имея сменны белья, ходили в рабочих костюмах. По мнению партийных инстанций, виновными были руководители завода [Там же, л. 14].

Весьма распространены были жалобы граждан на низкую температуру в квартирах. В Вязниках в отдельных жилых помещениях температура поднималась лишь до +3 ... +7 °С. Фабрикам при этом было проще подыскать своим работникам другие квартиры вместо утепления имевшихся [9, оп. 63, д. 15, л. 8].

Отмечались случаи проживания граждан в жильё, совершенно не предназначенном для жизни. Так, в Муроме 31 января 1945 г. комиссия в составе техника горкомхоза Б. А. Бушуева и помощника госсанинспектора А. С. Кузнецова обследовала здание бывшей бани на станции города Мурома на предмет пригодности к жилью. В этом полуподвальном каменном здании было совершенно разрушено печное отопление, стены промерзали, цементные и деревянные полы пришли в негодность, отсутствовали двойные рамы на окнах. Стены и потолок были в копоти, а само помещение было образцом антисанитарии. Данное жильё было разделено на пять помещений, где проживали рабочие вагонного депо с семьями. 22 человека ютились на площади 56 м². По мнению проверяющих, жители этого полуподвала болели туберкулёзом [18, оп. 3, д. 17, л. 1, 15].

Эвакуированным из Ленинграда гражданам, которые работали в госпиталях № 5799 и № 5909, жильё предоставлялось в домах частного сектора за счёт излишков в нарушение жилищно-санитарных норм [4, с. 350].

Отсутствие реального участия администрации предприятий в улучшении жилищно-бытовых условий сотрудников отмечалось во многих городах региона [9, оп. 63, д. 30, л. 33]. Инструктор александровского горкома указывал на то, что в одном из заводских общежитий, где жила молодёжь, было холодно и грязно, имелись разбитые окна, в комнате юношей провалился пол, и ремонтировать его никто

не торопился, хотя об этом было известно руководителям. На всё общежитие имелось два стула и две тумбочки. Отсутствие красного уголка в свете перечисленных недостатков можно считать мелочью [6, оп. 3, д. 110, л. 24 об.]. Равнодушное отношение к нуждам трудящихся было отмечено и в Вязниках. Работница одной из фабрик была вынуждена жить с тремя детьми у знакомых, так как в комнате, выделенной ей, не было отопления. Комендант дома на просьбы об отоплении отвечал: «Подожди, уже скоро весна» [9, оп. 63, д. 20, л. 4].

В общежитии завода № 729 города Александрова отсутствовали стёкла и были закопчённые стены. Дом № 47 фабрики «Искождеталь» не отапливался [6, оп. 3, д. 143, л. 1 об.]. Трудящиеся заваливали горком жалобами на плохое снабжение топливом, на уплотнение, необеспечение обувью, указывали на невыносимые условия проживания в сарае. Проверяющие не подтвердили часть случаев [Там же, д. 145, л. 165], но случались и противоположные ситуации. У жены фронтовика Лёзова печь топилась почёрному. Вокруг жилья встречались «рассадники помоев» [Там же, д. 179, л. 4]. В Гусь-Хрустальном в бараках работников не было печек, а антисанитарные условия в жилье приводили к распространению вшей и блох [5, оп. 1, д. 167, л. 20]. Всё это свидетельствует о системных и глубоких проблемах с качеством жилищно-бытовых условий населения Владимирского региона.

На протяжении всех военных лет жилищная проблема оставалась наиболее значимой в повседневной жизни граждан, уступая только продовольственным сложностям. Эвакуация с временно оккупированных территорий и мобилизация населения из сельской местности и других тыловых регионов осложнили положение с жильём в городах. Анализ имеющихся документов показывает, что местные власти и администрация предприятий не спешили с решением жилищного вопроса, на что были свои причины как объективного, так и субъективного характера. С одной стороны, в условиях военного времени катастрофически не хватало не только финансовых средств, но, самое главное, рабочих рук и материалов. Не случайно в таких условиях власти готовы были дать возможность гражданам самим попытаться решить проблему с жильём, для чего шли на некоторые уступки, шедшие вразрез с социалистическими догмами. Речь в данном случае идет, прежде всего, об индивидуальном жилищном строительстве и предоставлении некоторым советским гражданам кредитов для этого. С другой стороны, жёсткое трудовое законодательство, предполагавшее уголовное и административное преследование за нарушения трудовой дисциплины и в годы войны прикреплявшее работников к предприятиям, фактически демотивировало фабрично-заводскую администрацию спешить с разрешением жилищных трудностей. Если в довоенные годы в поисках лучших жилищных

условий рабочие и служащие пытались менять место работы, то в период военного лихолетья такая практика становилась невозможной.

Колоссальной проблемой для людей, переживших военные годы, был не малый метраж, на котором приходилось ютиться, а зачастую неудовлетворительные условия проживания, особенно это касалось общежитий и домов барачного типа. Антисанитария, отсутствие элементарных коммунальных удобств приводили к проблемам со здоровьем и непосредственно влияли на трудовые возможности населения. Ситуацию усугубляло равнодушное отношение части хозяйственных работников, занятых выполнением плана, но не желавших связать его успешное исполнение с условиями труда и жизни вверенных им работников. Инстанцией, которая

могла изменить трагическое положение немалого количества трудящихся, была партия, но разрешить все проблемы граждан было непосильной задачей.

Несмотря на все масштабные трудности с обеспечением населения жильём во Владимирском регионе, ситуация здесь не была такой катастрофической, как в ряде восточных регионов страны. В исследованиях историков Уральского и Западно-Сибирского регионов отражены более ужасающие случаи и ситуации, нежели во Владимирском крае. Объясняется это прежде всего географическим положением, а следовательно, бóльшим количеством эвакуированных на восток страны, чем в исследуемый в статье регион. К тому же некоторое количество людей, живших во Владимирской области, были эвакуированы на восток СССР.

Библиографические ссылки

1. Аракелян А. А., Панарина Е. В. Жилищная проблема на Кубани в годы Великой Отечественной войны // История и обществознание. 2018. Т. XV. С. 62 – 66.

2. Бизикова А. С., Габараева Б. Т. Из истории военной повседневности: решение жилищной проблемы в Северной Осетии в годы Великой Отечественной войны // Место и роль Советского Союза в разгроме фашистской Германии и её союзников в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Новый взгляд и осмысление : сб. ст. по материалам всерос. науч.-практ. конф. / Ставроп. гос. аграр. ун-т. Ставрополь, 2020. С. 96 – 100.

3. Будников Ю. И. Проблемы разрешения острого жилищного кризиса в промышленных центрах Урала в начальный период Великой Отечественной войны // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2017. Т. 17, № 2. С. 14 – 18.

4. Владимирский край в годы Великой Отечественной войны. 1941 – 1945 : сб. арх. док. к 75-летию Великой Победы / Гос. архив Владим. обл. ; отв. ред. Н. Д. Максимова ; сост.: Т. А. Лашманова [и др.]. Владимир, 2020. С. 350.

5. ГАВО. Ф.П. – 118 (Городской комитет ВКП(б) города Александрова).
6. Там же. Ф.П. – 119 (Городской комитет ВКП(б) города Гусь-Хрустального).
7. Там же. Ф.П. – 335 (Муромский городской комитет обороны).
8. Там же. Ф.П. – 495 (Городской комитет ВКП(б) города Муром).
9. Там же. Ф.П. – 791 (Городской комитет ВКП(б) города Вязники).
10. Там же. Ф.Р. – 10 (Завод «Электрокабель»).
11. Там же. Ф.Р. – 73 (Селивановский машиностроительный завод).
12. Там же. Ф.Р. – 405 (Хлопчатобумажная фабрика имени Красина Министерства лёгкой промышленности РСФСР).
13. Там же. Ф.Р. – 409 (Муромский завод № 176).
14. Там же. Ф.Р. – 573 (Промыслово-кооперативная артель стеклозавода имени Будённого).
15. Там же. Ф.Р. – 610 (Ковровская прядильно-ткацкая фабрика им. Абельмана).
16. Там же. Ф.Р. – 1327 (Владимирская теплоэлектростанция (ТЭЦ)).
17. Там же. Ф.Р. – 2152 (Карабановский ордена Трудового Красного Знамени хлопчатобумажный комбинат им. III Интернационала).
18. Там же. Ф.Р. – 3186 (Городское коммунальное хозяйство Муром).
19. Там же. Ф.Р. – 3289 (Метенинское торфопредприятие).
20. Там же. Ф.Р. – 3807 (Струнинский прядильно-ткацко-отделочный комбинат «5 Октябрь»).
21. Там же. Ф.Р. – 3831 (Владимирский тракторный завод им. А. Жданова).
22. Там же. Ф.Р. – 3844 (Районная плановая комиссия Селивановского района Ивановской промышленной области).
23. Там же. Ф.Р. – 3862 (Городская плановая комиссия Ковровского городского Совета депутатов трудящихся Ивановской области).
24. Там же. Ф.Р. – 3884 (Областной потребительский союз Владимирской области).
25. Там же. Ф.Р. – 3907 (Гусевской хрустальный завод).
26. Там же. Ф.Р. – 3931 (Гусевской завод стекловолокна).
27. Головань Н. С. Жилищно-бытовые условия городского населения Кузбасса (1941 – 1945 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2 (62). Т. 4. С. 17 – 20.
28. Гонцова М. В. Жилищно-бытовые проблемы населения Нижнего Тагила в условиях военного времени. 1941 – 1945 годы // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 9 (224). История. Вып. 44. С. 74 – 81.
29. Кабирова А. Ш. Из истории военной повседневности: решение жилищной проблемы в Татарстане в 1941 – 1945 гг. // Учёные записки Казанского государственного университета. 2010. Т. 152, кн. 3, ч. 2. С. 156 – 167.
30. Красножёнова Е. Е. Жилищное строительство в Нижнем Поволжье в период Великой Отечественной войны // Лабиринт : журн. соц.-гуманитар. исслед. 2012. № 2. С. 61 – 66.

31. Морозова О. В. Жилищная проблема в Сталинске в годы Великой Отечественной войны // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2019. № 1 (29). С. 100 – 112.

32. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : в 5 т. М. : Политиздат, 1968. Т. 3. 1941 – 1952. 754 с.

33. Таран К. Д. Решение жилищной проблемы на Кировском танковом заводе (г. Челябинск) в экстремальных условиях Великой Отечественной войны // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 18 (309). История. Вып. 56. С. 41 – 44.

34. Тряхов И. С. Жилищная проблема во Владимирской области в годы Великой Отечественной войны // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2014. № 4 (45). С. 56 – 64.

35. Хабдиева Л. Ч., Сосранова З. В., Дзотцоева З. Е. Условия жизни и быт населения Северной Осетии в годы Великой Отечественной войны // Научный диалог. 2018. № 5. С. 245 – 254.

36. Хлынина Т. П. Жилищная политика и механизмы её реализации в СССР в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 2.

37. Хлынина Т. П. Жилищный вопрос и практики его разрешения в годы Великой Отечественной войны // Научный диалог. 2014. № 5 (29). История. Социология. С. 17 – 38.

38. Шевляков А. С., Черемных О. А. Повседневная жизнь горожан Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: жилищно-бытовой аспект // Библиотека журнала «Русин». 2015. № 2. С. 7 – 21.

I. S. Tryakhov

THE HOUSING ISSUE DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (BASED ON MATERIALS OF THE VLADIMIR REGION)

The article is devoted to the study of the living conditions of the urban population during the Great Patriotic War on the territory of the Vladimir region. The sources for the study were the archival funds of the city committees of the AUCP (b) of the region under study, as well as the funds of individual enterprises. The article makes an attempt not only to trace the development of the housing situation in the Vladimir region during the war years, but also to compare the difficulties that arose here with other regions of the country. In the course of considering the stated problem, it was possible to find out not only the negative features that manifested itself in this area, but also to conclude that housing difficulties directly influenced the motivation of workers and their desire for selfless work.

Keywords: The Great Patriotic War, the housing problem, the population of the rear, everyday difficulties, seals, housing and communal services.

**ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО В РОМАНЕ
А. И. КУПРИНА «ЖАНЕТА»**

Художественное пространство романа А. И. Куприна «Жанета» (Париж, 1933) удваивается, что связано с двумя главными героями романа: профессором и французской девочкой. Действие происходит в Париже, но вместе с образом русского эмигранта в мир романа входит тема России. Писатель «играет» с разными временными пластами: время движется вперед, но в своих воспоминаниях герой возвращается в прошлое; Куприн то ускоряет движение времени, то замедляет, почти останавливает его. В романе представлены исторические реалии современной писателю жизни: литературные кружки и объединения рубежа веков, революция, эмиграция. «Жанета» – это роман о русском эмигранте, который отражает судьбу целого поколения; жизненный путь главного героя представлен как часть истории русской эмиграции первой волны.

Ключевые слова: Куприн, роман, время, пространство, композиция, ретардация, образ, сюжет, жанр.

Роман «Жанета» А. И. Куприн пишет в эмиграции в конце 1920-х гг.: 26 января 1928 г. в газете «Возрождение» в рубрике «Литературная летопись» появился анонс о выходе романа в ближайших книгах журнала «Современные записки». Но писатель в это время работал над «Юнкерами», которые в том же 1928 г. публиковались в «Возрождении», поэтому первое появление «Жанеты» в печати состоится лишь в 1932 – 1933 гг. в указанном в анонсе журнале; позднее роман будет включен в одноименный сборник, изданный в Париже в 1934 г. Это фактически последний роман писателя.

Исследователи, опираясь на воспоминания дочери писателя К. А. Куприной, отмечают автобиографичность произведения: это касается как французской девочки и района Парижа, так и образа главного героя, который близок писателю [11, с. 204]. Напомним, что А. И. Куприн в 1919 г. покидает Россию, в 1920 г. оказывается в Париже, в котором он проживет семнадцать лет. На момент работы над романом, как и его главный герой, писатель живет в эмиграции десять лет в том же районе Пасси, где он поселяет и своего героя. Это место жительства многих русских эмигрантов: например, в первый год соседом Куприна по лестнич-

ной клетке в доме на рю Жак Оффенбах становится И. А. Бунин. Как отмечает В. Д. Миленко, «это, пожалуй, самый известный адрес «русского Парижа», в честь нобелевского лауреата Бунина на фасаде дома установлена мемориальная доска» [6, с. 268]. Среди гостей и собеседников писателя в Париже можно также назвать Константина Бальмонта, Алексея Толстого, Ивана Шмелева, Сашу Черного [Там же, с. 282]. Позднее Куприны будут несколько раз менять парижские адреса, которые также упоминаются в романе: улица рю Ранеляг, бульвар Монморанси, а также Булонский лес, куда писатель с удовольствием ходит в зоологический сад и на ипподром.

Точкой отсчета событий в романе «Жанета» становятся десять лет эмиграции главного героя – русского профессора Николая Евдокимовича Симонова, живущего в Париже. Роман состоит из шести не равных по объему глав – так называемая композиционная асимметрия [8, с. 145]. Первые три можно считать экспозицией – предварительным знакомством с героем и обстановкой до завязки. Четвертая глава – пауза, остановка перед развитием основных событий романа. Куприн использует прием ретардации: на какой-то момент действие не просто замедляется, а приостанавливается. Эта остановка важна в композиционном плане: она подготавливает момент встречи профессора с французской девочкой Жанетой. Пятая глава – завязка, знакомство с главной героиней романа, шестая – основная, самая боль-

шая по объему глава – содержит кульминацию и развязку; именно к ней и устремлен весь текст романа.

Куприн «играет» с разными временными пластами, движением времени в романе: то ускоряет, то останавливает, то сжимает целых два года в последней главе, переходя к дискретному изображению событий, хотя действие показано как непрерывное. В первой главе представлено бытовое время, фокусирующее сложившийся за десять лет жизни в эмиграции образ жизни русского профессора, – и это настоящее время событий. Во второй главе мы переходим из настоящего бытового в биографическое прошлое время героя, где кратко раскрываются его научные карьера и увлечения, вскользь упоминается семья и рассказывается о появлении в эмигрантской жизни русского профессора прибывшего к нему кота. В третьей главе мы вновь возвращаемся в бытовое бессобытийное время, хотя появляются временные маркеры («*вчера*, возвращаясь домой...», «*завтра* будет ветер...», «*сегодня* дует сильный ветер...», «*утром*» [5, с. 290 – 291]), по которым можно предположить, что третья глава охватывает пару дней. Четвертая глава охватывает еще меньший отрезок времени – часть утра профессора: с момента его выхода на улицу и совершения им ежедневных скромных покупок для себя и кота до остановки перед раскинутой «между черным кружком решетки и столбом газового фонаря» [Там же, с. 293] паутиной. Таким образом, происходит, как мы уже указали,

постепенное замедление художественного времени вплоть до его почти полной остановки в пятой главе, представляющей главную героиню.

Событийный сюжет начинает разворачиваться с пятой главы – с момента встречи с французской девочкой, но наиболее объемной и значительной становится заключительная, шестая, глава. Она составляет и самый большой временной отрезок: содержит также пространное отступление в прошлое Симонова, а в настоящем время действия последней главы длится два года, хотя это почти не фиксируется. При первой встрече Жанета – девочка пяти-шести лет, в истории с игрушкой – семи лет, а в самом конце романа профессор «с ужасом замечает, какие жестокие следы оставили на его верном друге Пятнице два протекших года» [5, с. 338].

Само повествование романа неторопливое, рассказ частенько сворачивает в сторону – таких боковых ответвлений несколько по ходу романа. Они связаны, во-первых, с воспоминаниями героев, иногда мимолетными, иногда пространными; они могут быть о недавнем прошлом (например, о парикмахерской и сбритой первый раз в жизни бороде), но чаще всего о родине, семье, детстве. Во-вторых, такими отступлениями от основного действия являются размышления героя, которые «выключают» его из реального мира и переносят в эмпирический мир наблюдений и размышлений: «Он сам иногда переходит через улицу, забыв обо всем на свете, кроме течения

своих мыслей, и, когда над его ухом рывкнет оглушительно автомобиль, он так и затрепыхается от испуга и обольется холодным потом. Шофер, объезжая, поливает его черной руганью, а сердце потом колотится долго-долго» [5, с. 286].

В романе выделено несколько топосов: район Пасси (по определению писателя, зеленый и нарядный) и Булонский лес, находящийся рядом через «воздушный» мостик над железной дорогой. Художественное пространство романа удваивается, что связано с двумя главными героями романа: профессором и французской девочкой, у которых установились свои отношения с пространством; также вместе с образом русского эмигранта в мир романа входит тема России.

Район Пасси – пространство обжитое, свое для каждого из главных героев. Для Симонова район имеет границы, обозначенные мелкими торговыми лавочками: мясная, молочная, бакалейная, табачная, булочная и бистро, в которые он частенько заходит: «Он давно примелькался и хорошо известен в своем небольшом районе» [Там же, с. 285]. За десять лет к нему привыкли, но стать своим в чужом мире французов он так и не смог, профессор и сам понимает свою странность на фоне «порядочных» французов.

Для французской девочки границы района обозначены по-другому – улицами и бульварами, которыми ее ограничили «строгий надзор матери и острая наблюдательность услужливых соседок» [Там же, с. 320]: улицей Ра-

неляг, авеню Мозар, улицей Ассомисьон и бульваром Босежур. Эти четыре улицы, образующие неправильный прямоугольник, и являются царством маленькой принцессы. В этом восприятии пересекаются и видение профессора, и ощущение девочки: «на всем протяжении своего маленького суверенного владения Жанета является настоящей, всеми признанной принцессой; принцессой доброй, приветливой, заботливой и любимой» [5, с. 321]. Но быстроногой, живой и любопытной девочке мало отведенного пространства: по наблюдениям профессора, она совершает вылазки и на другие соседние улицы – бульвар Монморанси и улицу Доктора Бланш, размыкая и расширяя свой тесный мирок.

Среди отдельных топосов района также обозначены: жилище Симоннова; улочка, на которой главный герой замечает паутину, что становится моментом соприкосновения двух разных миров и встречи героев; газетный киоск, в котором работает мама Жанеты, музей Бальзака, блошинный рынок на Итальянском бульваре.

Жилище профессора – это мансарда под самой крышей шестиэтажного дома. Длинная и узкая комнатка видится профессору похожей на гроб Святогора – богатыря-великана, который в одной из былин вез в своем кармане Илью Муромца. Гроб, что оказывается в пору богатырю-великану, в романе всего лишь скромная комната обычного человека. Возможно, важен сам образ Святогора как, по мнению

В. Я. Проппа, «образ силы неподвижной и не находящей применения» [9, с. 78]; хранящий «огромную, но дремлющую и не прилагаемую силу» [Там же, с. 81]. Профессор Симонов тоже обладает огромной силой – это знания, которые ему некуда применить или реализовать.

Описание жилища профессора дается с разных точек зрения – самого его обитателя и повествователя, который замечает: «Профессор Симонов живет с простотою инока» [5, с. 284], что вызывает ассоциации с монашеской кельей. А «старозаветный чемодан, весь испещренный разноцветными путевыми ярлыками», говорит не только о множестве дорог, которые исколесил его обладатель, но и о неприкаянности, потере своего дома. Да и себя он характеризует как бродягу. Прибывший к нему кот, точнее, кличка, которую он дает коту – Пятница, ассоциативно вызывает образ Робинзона Крузо, обозначая изолированность и одиночество героя, что подчеркивается в романе неоднократно.

Французская девочка своим домом называет два места: это ее реальный дом, где она живет, и газетный киоск, в котором работает ее мама:

«Где же ты живешь, Жанета? – Здесь и там.

Она указывает пальцем сначала на соседний дом, потом вдоль улицы на газетный киоск и поясняет:

– Здесь мы спим, а там продаем газеты» [Там же, с. 297].

Дом девочки, по-видимому, располагается на той же улице Ранеляг,

где останавливается профессор, увлеченный красотой и гармонией паутины: «не доходя четырех домов до конца улицы Renelagh, профессор вдруг останавливается, уткнувшись носом и рыжим клином бороды в железную решетку, ограждающую от улицы чей-то палисадник» [5, с. 293]. Но о доме почти ничего не сказано: по словам девочки, «здесь мы спим»; он связан для нее с покоем, с некой остановкой, тогда как настоящая жизнь, полная друзей, приключений и новых впечатлений, протекает на улице. Скорее всего, газетный киоск, который расположен рядом, тоже на этой улице, становится тем местом, в которое девочка прибегает чаще всего во время своего пребывания на улице.

Второе пространство, указанное в начале романа, – Булонский лес. Для профессора это место прогулок с приятелем-художником, это хорошо возделанный парк с озерами и ипподромом. Для девочки это запретное место, вызывающее у ее мамы страх; место, которым, по-видимому, пугают и которое пугает. В своем районе Жанета находится под защитой недремлющего ока матери и чувствует себя там хозяйкой, принцессой. Булонский лес – это гиблое место, где «прячутся в густых деревьях злые мошенники, которые нападают на гуляющих и, бросая их в автомобили, увозят Бог знает куда, чтобы взять потом за них большой выкуп; там появляются беспощадные люди-сатиры, не жалеющие ни женщин, ни детей; там бродят часто кровавые дикие звери, убегающие из

соседнего зоологического сада, и, наконец, там ходят по вечерам белые привидения, духи людей, погибших давным-давно на дуэлях в Булонском лесу и лишенных церковного покаяния» [5, с. 320]. Именно там начинается страшная гроза (буря сирокко): «Страшный ураган срывается, как взбесившаяся лошадь. Небо, воздух и земля заволакиваются густым злоеющим мраком. Ревут деревья, трещат ломающиеся ветви, с чертовским грохотом и жалобным стоном падает столетний могучий каштан, выворачивая из земли свое огромное корневище, зарытое в землю. Деревья раскачиваются, нагибаясь до земли. Молния и гром не перестают ни на минуту. Водяные хляби разверзлись точно при потопе. Ничего не видно, кроме тяжелой, сплошной воды, закрывшей весь горизонт» [Там же, с. 317 – 318]. В эту грозу Симонов спасает Жанету, убежавшую тайком, чтобы поиграть в Булонском лесу. Посещение леса – нарушение запрета, и, как следствие, девочка подвергается опасности: «Я так испугалась, так испугалась, что думала, что сейчас же вот-вот умру» [Там же, с. 319].

Автор по-доброму иронизирует над своим героем: так, описание его внешности и постоянная рассеянность вызывают у читателя улыбку. Например, в авторском описании выделим длинную худую фигуру профессора в развевающейся на ходу серой клетчатой размахайке. С течением времени верхняя одежда героя стала похожа на бесформенный плащ, но его развева-

ющиеся полы в какой-то момент становятся похожи на крылья ангела (например, когда в страшную грозу он спасает Жанету в Булонском лесу). Худая фигура в развевающемся плаще и широкой рыбацкой шляпе вызывает в читательском сознании образ вечно-го рыцаря – Дон Кихота. Это, с одной стороны, комичный образ, а с другой – высокий и благородный. Профессор Симонов становится спасителем девочки, возвращая ее обеспокоенной матери.

Газетный киоск, в котором работает мама Жанеты, подробно описан. Он стоит на границе между царством маленькой принцессы – районом Пас-си – и дорогой в Булонский лес: «втиснулся между забором железной дороги и перекинутым через нее воздушным мостиком» [5, с. 298]. Он выполняет пограничную функцию и в чем-то сродни избушке Бабы-Яги, только в отличие от нее, принадлежащей иному миру, он принадлежит миру девочки. Киоск расположен на перекрестке улиц и открыт во внешний мир, захватывая уличное пространство: распахнут перед покупателями наружный прилавок со стопкой газет, прилавки с покатыми стеклами демонстрируют мелкий товар. Рядом с ним притулилась старенькая детская коляска, наполненная поломанными подержанными детскими игрушками: «Вся она полна разной игрушечной, отслужившей свой век инвалидной рухлядью» [Там же]. Небольшая газетная лавка сужается еще больше за счет заполненности – так много всего втиснуто в

это маленькое помещение, включая переносную железную печь с плитой. Вновь возникают ассоциации с избушкой Бабы-Яги. Хотя у главного героя киоск вызывает другой образ: он находится рядом с железной дорогой, и, когда из печной трубы над крышей повалил дым, Симонову он показался вагончиком, который вот-вот поедет. Что собственно и происходит в конце романа: уезжает, правда, не киоск, а его обитатели.

В конце романа киоск разорен и брошен: «Журнальная лавка полупуста и полуразрушена, повсюду пыль, грязь, клочья бумаги, обрывки веревок и шпагата, и вокруг теснятся чужие, незнакомые люди, похожие на погромщиков» [5, с. 337]. С его разорением рушатся все планы профессора и из его жизни навсегда уходит маленькая французская девочка. С ее отъездом мир профессора снова сжимается до чердачной мансарды, погруженной от безысходности и тоски ее хозяина в темноту. Одиночество профессора прерывается только появившимся котом Пятницей. С описания мансарды начинается роман, к ней возвращается повествователь и в конце, правда, в финале романа герой ее покидает, чтобы купить корм для кота.

Таким образом, художественное пространство романа напоминает неправильный ромб, в основе которого расположена маленькая чердачная комната главного героя. Оно сначала постепенно расширяется до района, где живут главные герои, за которым – Париж, а в своих воспоминаниях про-

фессор воскрешает Петербург и Москву; а потом, ближе к концу романа, снова сужается до той же чердачной мансарды. После знакомства с девочкой художественное пространство увеличивается за счет того, что главный герой начинает по-другому воспринимать свой район, в котором он прожил столько лет. Происходят не физические изменения жизненного пространства героя, а содержательные.

Небольшой квартал, обозначенный четырьмя улицами, – это владения маленькой принцессы, здесь живут ее подданные, здесь она определяет свои правила (поэтому и упрекает профессора в небольшой лжи по поводу мнимой слепоты). «Когда она весело, легкими быстрыми шажками проходит по улицам своего государства, то с обеих сторон слышатся ласковые приветствия:

– Добрый день, Жанета! Добрый день, маленькая Жанета!

Так встречают ее все: почтальоны, несущиеся с толстыми кожаными сумками, взрослые девушки, развозящие по домам в ручных тележках молоко и булки, девочки, спешащие говорливыми группами в школу, рабочие, только что принявшие в бистро очередную порцию аперитива или джестина, чиновники и посыльные, старающиеся сохранить на лицах выражение деловой серьезности, между тем как свет нежной улыбки освещает их уста, пожилые женщины, идущие быстрым ритмическим шагом на базар.

– Добрый день, Жанет! Добрый день, Жанет!

И Жанета разбрасывает налево и направо свои звонкие приветствия вместе с ландышами и маргаритками своих сияющих улыбок» [5, с. 321].

Наблюдая за Жанетой, профессор вдруг открывает другой мир, который был тут, рядом, но который он по своей рассеянности и погруженности в себя не замечал. Он выделяет тех людей, с кем у девочки установились очень теплые отношения, у самого профессора появляются новые знакомые, улицы перестают быть только местом передвижения, они наполняются людьми и животными, шумом, движением, активной жизнью.

Симонов думает о дальнейшем развитии и образовании Жанеты и, обозревая пространство вокруг, замечает, что недалеко от Булонского леса есть зоологический сад, на площади Трокадеро – аквариум, музей, театр, которых еще не видела маленькая чумающая девочка. Он мечтает открыть для нее целый мир. Появление Жанеты в его жизни размыкает его личность, открывает его душевные качества, переводит сложную внутреннюю жизнь Симонова во внешнюю, открытую миру и людям.

Ради задуманного подарка – покупки недорогой игрушки для Жанеты – профессор отправляется по Большим бульварам и на Итальянском бульваре находит подходящую игрушку: «На левой руке продавца, под мышкой у него, сидит крошечный веселый фокс-терьерчик, трудно сказать – щенок, или уродец, или лилипут. Он необычайно мал и мил. Глазки его задорно

блестят, миниатюрные лапочки, вылезшие наружу, находятся в непрерывном движении» [5, с. 331]. Подарок становится кульминацией романа.

У Симонова установились не только свои отношения с художественным пространством романа, но и со временем: он его чувствует, точнее, благодаря своим наблюдениям, умеет определять по внешним признакам (птицы, поезда, люди, гудки заводов и фабрик). У него свой распорядок дня, который непонятен «порядочным» французам, живущим по четкому, давно заведенному порядку и не принимающим свободного времяпрепровождения русского соседа: «он позволяет себе прогуливаться и, по-видимому, совсем праздно – в часы, вовсе не приспособленные для прогулки. Каждый порядочный француз – а они все порядочны – отлично знает, что гулять можно только по воскресеньям. Поэтому в будни они если не сидят в своих лавках и бюро, то либо бегут в них, либо возвращаются бегом домой. В семь часов утра весь работающий Париж плескает себе в нос воду из умывального таза, в десять часов вечера каждый честный буржуа уже в постели. Профессор же спит по улицам без всяких почтенных причин и утром, и днем, и поздно ночью» [Там же, с. 286]. Распорядок дня профессора достаточно свободен, он не связан жесткими рамками времени: это частные уроки, работа над научными статьями, прогулки в Булонском лесу, поход по магазинчикам района. Примечательно, что его жизнь ограничена не только в

пространстве – районом Пасси (16-й округ Парижа), но и во времени. Так, он оказывается несвободен в плане возможности покинуть свою комнату и возвращаться домой в любое удобное для него время. Услышав однажды скрытый упрек консьержки, как сладок ранний сон и как тяжело открывать дверь поздней ночью, профессор старался всегда соблюдать установленный негласный порядок в доме.

Время в романе движется вперед, но дважды возвращается назад, в прошлое. Главный герой вскользь вспоминает о детстве и гимназических годах, дан большой и развернутый экскурс в историю странного брака с профессорской дочкой, «бледной и капризной», деловитой и расчетливой с говорящей фамилией Кошельникова. Вспоминается Россия: Москва, где прошли детские годы; Петербург, Аптекарский остров на Неве, где состоялась прогулка с будущей женой. После развода Симонов покидает Петербург и возвращается в любимую Москву. Когда-то он читал там лекции на естественном факультете университета и в Петровско-Разумовской академии по физике, органической химии и дендрологии; исколесил «всю Россию от Владивостока до Мурмана и от Архангельска до Баку» [5, с. 287].

Можно восстановить некоторые даты в жизни профессора. В тексте романа мелькают конкретные указания, связанные с его жизнью, правда, без уточнения сказано о детстве, но можно предположить, что по возрасту он близок самому писателю; тогда его

детство приходится на 70-е гг. XIX в. В 1885 г., возможно, он студент Московского университета («исходя от греческих философов, он носился с теорией относительности» [5, с. 289]), в 1889 г. погружен в новую научную идею, в 1893 г. – лесной ревизор в Рязанской губернии, в 1901 и 1907 гг. – совершает научные открытия. Женитьба и супружеская жизнь приходятся на 1900 – 1910-е гг. (судя по увлечению жены современной поэзией и поэтами, упоминаются различные поэтические группировки – кубисты, футуристы, акмеисты и ничевоки). Иронически звучит реплика в их адрес: «Какой-то здоровенный, долговязый, весь в угрях декадент, в балахоне, наполовину желтом, наполовину голубом, с пучком укропа и с морковкой в петлице, только что окончил завывать свою новую поэзу, носившую претенциозное заглавие «Паванна», и стоял, окаменев от наплыва вдохновения, а вокруг него благоговейно безмолвствовали второстепенные поэты» [Там же, с. 310 – 311]. Здесь видна явная отсылка к Игорю Северянину и выступлениям поэтов-футуристов. В Москве же, возможно, в конце 1910-х гг. (еще до развода с женой) Симонов блестяще защитил диссертацию. Дальше последовала принудительная эмиграция, он вполне мог быть одним из пассажиров «Философского парохода» в 1922 г.

Исследователи по-разному определяют жанр произведения, чаще называя небольшой, почти камерный текст повестью (Л. В. Крутикова, В. Афанасьев, О. Н. Михайлов, А. И. Смирнова,

Е. Б. Смольянинова [4, с. 113; 1, с. 141; 7, с. 193; 10, с. 62; 11, с. 204]). В полном собрании сочинений А. И. Куприна «Жанета» опубликована в разделе «Повести» [5, с. 284 – 338]. Но иногда звучат определения, созвучные авторскому, например в работе А. И. Ванюкова [2]; А. А. Тимакова выделяет в произведении Куприна черты психологического романа [8]. В своей работе мы не ставим цель рассмотрения жанровой специфики произведения, но также считаем важным принять авторское определение. Характеризуя романский жанр, В. В. Кожин пишет, что в романе «становится возможным и необходимым художественное освоение общественной жизни сквозь призму индивидуальной судьбы «частного» человека. <...> Причем во многих Р. нет даже сколько-нибудь развернутой картины жизни общества как таковой; все изображение сосредоточено на частной жизни индивида. Однако, поскольку в новом обществе частная жизнь человека оказалась неразрывно связанной со всей жизнью общественного целого (хотя бы человек и не выступал как политический деятель, руководитель, идеолог), – совершенно «частные» поступки и переживания <...> предстают как художественное освоение целостной сущности породившего этих героев общественного мира» [3, стлб. 890]. Если учесть, что главный герой вспоминает себя ребенком (сначала пригодишкой, потом гимназистом), то получается, что небольшое по объему произведение Куприна охватывает период от

последней трети XIX в. до 30-х гг. XX века, а это почти 50 лет. В романе Куприна представлены исторические реалии современной писателю жизни: литературные кружки и объединения рубежа веков, революция, эмиграция. Таким образом, «Жанета» – это роман о русском эмигранте, в котором отражена судьба целого поколения; жизненный путь главного героя – это часть истории русской эмиграции первой волны.

Библиографические ссылки

1. Афанасьев В. Александр Иванович Куприн : критико-биограф. очерк. М. : Худож. лит., 1972.
2. Ванюков А. И. «Жанета. Принцесса четырех улиц» А. И. Куприна: поэтика заглавия и композиция романа // Словесное искусство Серебряного века и Русского зарубежья в контексте эпохи («Смирновские чтения») / под общ. ред. Л. Ф. Алексеевой, В. Н. Климчуковой, С. В. Крыловой. М. : ИИУ МГОУ, 2016. С. 131 – 139.
3. Кожинов В. В. Роман // Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М. : Интервак, 2001. Стлб. 889 – 892.
4. Крутикова Л. В. А. И. Куприн. Л. : Просвещение, 1971.
5. Куприн А. И. Полн. собр. соч. В 10 т. Т. 8. Роман. Повести. Рассказы. Воспоминания. Статьи, рецензии, заметки. М. : Воскресенье, 2007.
6. Миленко В. Д. Куприн. Возмутитель спокойствия. М. : Молодая гвардия, 2016.
7. Михайлов О. Н. Литература русского зарубежья. М. : Просвещение, 1995.
8. Тимакова А. А. Жанрообразующие признаки произведений большой эпической формы в творчестве А. И. Куприна // Вестник Московского государственного областного университета. 2016. № 2. С. 140 – 147.
9. Пропп В. Я. Русский героический эпос. М. : Лабиринт, 1999.
10. Смирнова А. И. Александр Куприн // Литература русского зарубежья (1920 – 1990) : учеб. пособие / под общ. ред. А. И. Смирновой. М. : Флинта, 2012. С. 52 – 64.
11. Смольянинова Е. Б. Александр Иванович Куприн // Литература русского зарубежья (1920 – 1940) : учеб. для высш. учеб. заведений Рос. Федерации / отв. ред. Б. В. Аверин, Н. А. Карпов, С. Д. Титаренко. СПб. : Филол. фак. СПбГУ, 2013. С. 189 – 208.

ART TIME AND SPACE IN A. I. KUPRIN'S NOVEL «ZHANETA»

The artistic space of A. I. Kuprin's novel «Zhaneta» (Paris, 1933) doubles, which is connected with the two main characters of the novel: a professor and a French girl. The action takes place in Paris, but along with the image of a Russian emigrant, the theme of Russia enters the world of the novel. The writer «plays» with different time layers: time moves forward, but in his memories the hero returns to the past; Kuprin accelerates the movement of time, then slows it down, almost stops it. The novel presents the historical realities of the writer's modern life: literary circles and associations of the turn of centuries, the revolution and emigration. «Zhaneta» is a novel about a Russian emigrant, which reflects the fate of the entire generation; the life path of the main character as part of the history of Russian emigration of the first wave.

Keywords: Kuprin, novel, time, space, composition, retardation, image, plot, genre.

УДК 82.09:821.511.152

Н. Н. Левина

МОТИВНО-ОБРАЗНЫЙ ДИАПАЗОН РУССКОЯЗЫЧНОГО СБОРНИКА СТИХОВ РАИ ОРЛОВОЙ «ПИСЬМА СТРАННИЦЫ»

В статье анализируется русскоязычный сборник стихов «Письма странницы» яркой представительницы поэтической системы Мордовии Раи Орловой. Книга свидетельствует о расширении и обогащении художественного потенциала поэтессы и дополняет ее творческий портрет. Научной рефлексии подверглись индивидуальное мировосприятие, проблемно-тематическая динамика и мотивно-образные предпочтения автора. В исследовании делается вывод о том, что поэтический опыт художницы слова является примером сосуществования различных тематических пластов, синтеза мотивных и образных вариаций, широкого арсенала художественных (словесных, интонационных, звуковых) средств в одном пространстве.

Ключевые слова: поэзия, лирика, мотив, образ, тематика, стихотворение, поэтический опыт.

Начало нового тысячелетия стало очередным новым и важным рубежом в развитии литературы. Это время появления на литературной сцене новых имен, новаторского подхода в реализации творческих замыслов, широкого идейно-тематического диапазона, стилистического разнообразия, новых

художественных форм. В условиях трансформации предшествующего художественного опыта свои эстетические позиции значительно укрепляет поэтическое искусство. Стихотворная культура Мордовии также не стала исключением. Мордовская поэзия уверенно вписывается в отечественный поэтический контекст и впечатляюще выглядит на его фоне. Одна из главных ее особенностей – синтез большого многообразия формальных и содержательных характеристик. Она «подобна мозаичному полотну, в котором каждая деталь самобытна, имеет свой цвет и форму, но, только соединяясь с другими, мелкие фрагменты мозаики создают уникальную картину» [1, с. 125].

Оценка и анализ разнообразного и во многом противоречивого материала оказываются в числе наиболее актуальных проблем современного литературоведения. Внимание привлекает поэтическое пространство отдельных авторов, достигших впечатляющих творческих результатов, что требует научной рефлексии способов и форм выражения их индивидуального миропонимания.

В современной поэзии Мордовии значительное место занимает творчество Раи Орловой, пишущей на двух языках – мокшанском и русском. В ее поэтических опытах наиболее полно отразились тенденции современности – аналитическое начало, приоритет мысли над описательностью, эмоциональное выражение внутренних интенций, творческая свобода. По единодушному мнению мордов-

ских критиков и литературоведов, Рае Орловой удалось по своим эстетическим критериям отстоять прочные позиции в поэтическом контексте [2; 4; 5]. Сегодня поэтесса активно внедряет в поэзию Мордовии новые художественно-эстетические приоритеты, делая активную личность современника непосредственным и ведущим объектом своего творческого исследования. Данный художественный поиск реализуется в ряде индивидуальных сборников – «Стану звездочкой», «Рябиновый венок», «Тобой живу», «Острова», «Крылья», «Весенняя сказка» и др.

В 2014 году вышел сборник Раи Орловой «Письма странницы», написанный на русском языке. Плодотворные поиски поэтического «я» определили содержательные и формообразующие функции художественного слова автора, отразившиеся в книге. Русскоязычная поэзия показала, что творческая судьба художницы слова демонстрирует процесс трансформации узкой интимной лирики до глубоких обобщений философского плана. Тематический диапазон поэтических опытов, вошедших в сборник, достаточно широк: это стихи духовной, патриотической тематики, о поэте и поэзии, любви к мужчине, матери, мордовскому краю, родному языку и т. д.

В сборнике «Письма странницы» преобладают стихи о любви, выражающие душевное состояние лирических героинь автора. Важно то, что в интимной лирике Рая Орлова стремится к оригинальности и всегда откоро-

венна. Именно эти качества делают ее стихи востребованными и близко воспринимаются читателем. Необходимо подчеркнуть, что в них отчетливо проявляются традиционные мотивы (например, тоска и печаль, разлука и ожидание, радость встречи и боль утраты и др.). Но в творчестве каждого автора любовные интенции раскрываются своеобразно, с разных позиций. На особенности любовной лирики поэтессы обращали внимание исследователи ее творчества, отмечая, что оно «отличается особой искренностью и проникновенностью. Страдание и радость, разлука и ожидание, одиночество и боль – постоянные составляющие ее поэзии» [5, с. 127].

Внутренний мир лирической героини, соединенный с моральными переживаниями, отражается в стихотворениях «Весь мир – в тебе», «Заболела я тобой», «Люби меня такой, какая есть», «Милый мой, все мысли о тебе!...», «Как воздуха тебя мне не хватает», «Имя тебе – любовь!», «Любовь – река», «Ты оставил на мне свои чистые сильные руки» и др. Внутреннее горение, искренние чувства, которыми проникнута практически вся любовная лирика поэта, – это прекрасный мир, «Зовется он просто, красиво: Любовью!», Он «непонятен, так дорог, так сказочно мил». Лирическая героиня Раи Орловой испытывает разные чувства, но в любом случае любовь для нее – постоянный поиск, смысл жизни, дар небес: тот, кого любит лирическая героиня, и «ураган в степи», и «начало всех начал», и «венчание небес», и

«дыхание зари», и «решенье всех проблем...». Любовь для лирической героини – понятие всеобъемлющее, жизнь без любви похожа на долгую ночь: Как воздуха, тебя мне не хватает, / А жизнь идет, и свет небесный тает, / И солнце спряталось за грустный горизонт, / И будет ночь, длиною в целый год... < ... > / Как воздуха, тебя мне не хватает. / Кто не любил, тот этого не знает [6, с. 80].

Активизация творческих поисков Раи Орловой дала ей возможность воспроизведения всей гаммы внутренних интенций. Ее поэзия – это искренняя поэтическая лирическая исповедь, своеобразный дневник переживаний и чувств. В них чувства окрашены сомнениями и поисками, верой и отчаянием.

Сегодня Раю Орлову заслуженно можно назвать поэтом духовной традиции. Стихи о Боге, вере – особый пласт в ее творчестве. В сборнике «Письма странницы» они также занимают определенное место. Духовная лирика поэтессы – это переосмысление личного опыта. При всей внешней простоте она всегда проникает в самое сердце. Данная жанровая модификация погранична с философской лирикой. Философское осмысление высших сил – вот к чему стремится автор. Духовные стихи, пропущенные через личный жизненный опыт, исполненные образным, поэтическим языком, несут в себе дух веры, о чем свидетельствуют произведения «Пресвятая Богородица», «Где путь спасенья?», «Молитва бабушки моей» и др.

Стихотворение «Пресвятая Богородица» написано как обращение к Богородице с прошением о милости и заступничестве. Оно наполнено раскаянием и страхом. В нем лирическая героиня раскаивается в содеянных грехах и ошибках. Она в открытую, без стеснения говорит, что устала на жизненном пути, заблудилась, ею сделано мало добрых дел. От этого ее мучают страх и отчаяние. Но, осознавая свою греховность и опасность, исходящую от внешнего мира («в мире суетном Света мало», «много грязи вокруг, много лжи»), она просит Богородицу не отвергать ее. Богородица для лирической героини – «Заступница Мира», «Пречистая», «Родная», «Невестная», «Несравненная». Свою просьбу к ней она выражает словами «помоги», «защити», «освяти», «благослови», «сохрани», «удержи». Каждая строчка, каждое слово в стихотворении наполнено раскаянием, отчаянием и просьбой: «Дай Любви, дай Тепла, утешения, / Утоли грусть, моли о прощении / Перед Сыном Своим Единородным, / И даруй мне стихов Богоугодных. / Словно воск, от отчаяния таю. / Что мне делать, Родная, не знаю» [6, с. 5].

Стихи духовной направленности – один из способов выражения авторского мировоззрения и духовной составляющей. В них лирическая героиня представлена не религиозным, а светским человеком, однако находящимся в постоянном осмыслении основ бытия.

В гражданской лирике Рая Орлова глубоко патриотична. В стихах

данной жанровой разновидности воедино слились такие неразделимые для автора понятия, как малая родина, Великая Россия и образ матери. Трехдневный образ нашел свою реализацию в стихотворении «Милая Родина», где автор выражает гамму чувств – нежность, любовь, восторг, гордость: «Милая Родина – гроздь рябины. / Милая Родина – запах полыни, / <...> / Здесь, понимать научившись, простила, / Здесь до конца любить обещала, / К маме своей за советом спешила, / И сыновей для Отчизны растила, / Родина малая, Родина милая» [6, с. 100]. В стихотворении «Песня о маме» также звучит мотив неразрывной связи матери и Родины: «Дети славной отчизны / Пьем за мать и Россию! / Маме – долгих лет жизни, / А России – быть сильной!» [Там же, с. 82].

Искренней и чистой любовью к родной земле наполнены стихотворения «В день рождения России», «Здравствуй, Саранск!», «Слезы матерей», «В России живу», «Мордовия, шумбрат!», «Милая Родина», «Для тебя, отец» и др. Но гражданско-патриотические стихи автора – это не только выражение любви и восторга. В ряде случаев они наполнены драматическим пафосом, как, например, в стихотворении «Слезы матерей»: «Плачут горестно русские матери, / И трава-мурава вместе с ними / Плачет. Плачут русские матери / О России, защитнике-сыне [Там же, с. 56].

В поэзии Раи Орловой особое место занимает национальное начало. В одном из стихотворений она резко-

мирует: «...я мокшанка с ног до головы». Родная земля в произведениях гражданской тематики, называемая автором краем «мудрецов, спортсменов и поэтов!», есть воплощение всего многообразия проявления людского мировоззрения, человеческих взаимосвязей и взаимоотношений. Автор знает историю своего народа, чтит и хранит национальные традиции, что воплощается в стихах «Мордовское Коломасово», «Мордовочка-мокшаночка», «Атюрьевский район», «Колопинские голоса» и др.

В целом каждый тематический пласт в поэзии Раи Орловой сочетает в себе ряд второстепенных, более узких тем. Автор легко синтезирует в одном художественном пространстве мысли о поэте и поэзии и любви («Опять пишу без света, в темной комнате...»), пейзажные картины могут сочетать в себе глубокие философские обобщения («Вижу мир»), а размышления о матери переполняются гражданскими мотивами и чувствами («Песня о маме») и др. Внутренние состояния и чувства, переживаемые лирическими героинями, также могут быть многогранны и противоречивы.

Традиционализм проблемно-тематического диапазона поэзии Раи Орловой не исключает творческие эксперименты в интонациях, словесном материале, звуковых образах. Известно, что каждое слово в поэзии имеет важное смысловое и художественное значение. Поэтому поэтесса избирательно подходит к словесному

материалу. Ее поэтический синтаксис достаточно оригинален. Например, мотивы утраты человеческих ценностей автор выражает следующим образом: «честь в пример не ставится», «и смирение забыто», «только деньги и гордыня на земле стали в чести». А «станция Ненастье», «Потерял я счастье...», «течет речка Черная», «избы все заброшены» стали итогом подобных потерь. Одиночество, ставшее «родным» для лирической героини, называется «жутким», «заразой», и она больше не хочет быть его рабой.

Тонкое и художественно точное использование словесного материала синтезируется со звуковым пространством, являющимся «значимым параметром любого художественного произведения» [3, с. 79]. Так, мрачные картины современных реалий сопровождаются надрывным плачем перепелки в полюшке («Черная речка»), тоска и одиночество ассоциируются с караваном гусей крикливых, осенним ветром, песнью листопада («Зеленая роща»), а дождь – это печальный плакальщик («Грусть»).

Умение сочетать лексико-семантический, интонационный, звуковой материал придает лирике Раи Орловой высокий эмоциональный накал. Поэтесса стремится к афористичному, лаконичному выражению мысли. В ее стихах редко встретишь сложные синтаксические конструкции, чаще всего мастер слова апеллирует к однородным членам и обращениям. В то же время ее набор поэтических средств отличается богатыми вырази-

тельными средствами. Следует указать на частое использование анафоры – словесной, звуковой. Неоднократное использование поэтессой во многих стихотворениях этой стилистической фигуры усиливает выразительность речи, создает определенный ритм, привлекая внимание читателя. В стихах художницы слова конкретные предметы (лист бумаги, зеркало, свеча и др.) становятся образами-символами внутренних эмоциональных состояний лирической героини. Они часто противоречивы и сочетают в себе радость и печаль, окрыленность и тоску, грусть и нежность и др.

Сборник «Письма странницы» занял достойное место в русскоязычной поэзии Мордовии и свидетельствует о значительном расширении поэтического пространства Раи Орловой. В ее стихах гармонично сочетаются эмоционально-взволнованное восприятие окружающего мира и его философско-аналитическое осмысление. Наследуя лучшие традиции своих предшественников, художница слова обогатила литературу оригинальным звучанием. Сегодня она находится в неустанном поиске перспектив и новых возможностей художественного слова.

Библиографические ссылки

1. Беляева Н. В. Взгляд на современную поэзию [Электронный ресурс] // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2009. № 2. С. 111 – 126. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzglyad-na-sovremennuyu-poeziyu/viewer> (дата обращения: 05.06.2021).
2. Малькина М. И. «Крвьястян штатолня...» («Зажгу свечу...») // Мокша. 2009. № 7. С. 117 – 126.
3. Муратова Е. Ю. Звуковая картина мира и ее языковая репрезентация в раннем творчестве А. А. Ахматовой // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Социальные и гуманитарные науки. 2020. № 2 (26). С. 79 – 84.
4. Налдеева О. И. Современная мордовская поэзия: основные тенденции и художественные ориентиры. Саранск : Мордов. гос. пед. ин-т, 2013. 285 с.
5. Налдеева О. И., Дьячкова Е. Н. Особенности любовной лирики Раи Орловой // Новая наука : Теоретический и практический взгляд. 2016. 6 – 3 (87). С. 127 – 129.
6. Орлова Р. К. Письма странницы : стихотворения, песни. Саранск, 2014. 104 с.

**MOTIF-FIGURATIVE RANGE OF THE RUSSIAN-LANGUAGE
COLLECTION OF POEMS BY RAYA ORLOVA «LETTERS
OF THE WANDERER»**

The article analyzes the Russian-language collection of poems «Letters of the Wanderer» by a bright representative of the poetic system of Mordovia, Raya Orlova. The book testifies to the expansion and enrichment of the artistic potential of the poetess and complements her creative portrait. The author's individual worldview, problem-thematic dynamics, and motivational-figurative preferences were subjected to scientific reflection. The author of the study comes to the conclusion that the poetic experience of the artist of the word is an example of the coexistence of various thematic layers, the synthesis of motional and figurative variations, a wide arsenal of artistic (verbal, intonation, sound) means in one space.

Keywords: poetry, lyrics, motive, image, theme, poem, poetic experience.

УДК 82.0

А. В. Марков

**ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ АЛЕКСАНДРА ГИНГЕРА: ЭСТЕТИЧЕСКОЕ
ВМЕСТО ЭКСТАТИЧЕСКОГО**

В статье исследуется переводческое и переводоведческое наследие поэта русской эмиграции А. С. Гингера. Доказывается, что в своей переводческой программе он, будучи адептом буддизма, экспрессионизма и постакмеизма, следовал не символистскому представлению о передаче аффектов в переводе, но новому представлению о режиссуре аффектов, восходящему к «Поэтике» Аристотеля. Принятие сложности и ограниченности аффектов, требование отстраненности и вневходимости больше всего проявились в переводах Гингера произведений Поля Валери, где он подменяет платонизм Валери своим аристотелизмом. Такое восприятие аффективных сценариев сближает работу Гингера с тем, что происходило в мировой поэзии XX века, отказавшейся от жанровых правил в пользу авторской драматургии.

Ключевые слова: Гингер, платонизм, аристотелизм, переводоведение, поэзия русской эмиграции.

Александр Самсонович Гингер, выдающийся поэт постакмеистической литературы русской эмиграции, как и его супруга

Анна Присманова [2], не стоял в стороне от проблем перевода. Особенностью его позиции была разработка теории перевода в интермедиальном контексте, насколько возможен перевод как искусство среди других искусств. В образцовой статье «Борьба за тепло» он резко противопоставил магическое воздействие фонетики в народных песнях и заговорах и культурное воздействие: если первое слышится иноязычным слухом, то второе может не быть слышимо – французские песни очаровывают не знающего французский, а французский регулярный стих – нет [1, с. 212]. Тем самым оказывается, что действие мелодического ритма – это не просто возбуждение аффекта, но нахождение воспринимającego в той ситуации, когда среди разных противоречивых аффектов можно непротиворечиво опознать какой-то аффект как музыкальный.

Мы условно называем такой подход «эстетическим», как бы аристотелианским, подразумевая целесообразность любых природных проявлений, противопоставляя его «экстатическому», как бы платоническому, слиянию с текущим аффектом. В данной статье доказывается, что этот «эстетический» подход к переводу проявлялся у Гингера на различных уровнях как в теории, так и на практике. В литературе о Гингере о его переводах почти не говорилось, хотя ряд важных шагов к исследованию его переводоведения был сделан. Так, хорошо изучен режим самоиронии у Гингера, который

рассматривается как этически усиленный даже в сравнении с его друзьями-экспрессионистами из русских эмигрантов, таких как Б. Поплавский [3, с. 69 – 70]. Это позволяет говорить об этической позиции как об определенном способе существования, а не об отдельном заявлении (декларации), с собственными законами такого существования. Свойственный Гингеру контраст «словесной инновации и классической просодии» [4, с. 126] тоже говорит о стремлении занять некоторую позицию вненаходимости в противовес экспериментам футуристического типа. Наконец, особенности риторики Гингера [5], связанные с приоритетом фигур над тропами при достаточно сдержанной образности, тоже свидетельствуют о некотором отрешенном отношении к экстатическому переживанию фигур. Но все эти наблюдения получают смысл именно в свете нашего допущения об аристотелианском, отрешенном отношении к поэтике: Гингер анализирует поэзию, как Аристотель анализировал трагедию, показывая, в какой момент какое сочетание различных искусств и ремесел, например слова и режиссуры, создает аффекты, не притязающие на тотальность и не являющиеся непременно этически безупречными.

От лица девушки-свидетельницы в своем эссе Гингер цитирует чарующую, ритмически слаженную песню нормандских разнорабочих, построенную исключительно на смене глагольных форм, так что все куплеты повторяются, кроме номера участника:

Первый пойдет,
Первый пошел,
Первый идет,
Первый уйдет,
Первый ушел.

Аффективные ряды при восприятии этой песни вовсе не однозначны: песня вполне звучит как роковая и в устах роковых людей: «и странно и сладко было слушать эту волшебную речь-музыку, слетавшую с губ нормандского пропойцы и кровосмесителя» [1, с. 213]. Тем самым оказывается, что эта магическая песня, соединяющая живых и усопших, воспринимается не экстатически, как некоторое однозначное состояние, а эстетически, так что можно вычленишь, каковы сами условия восприятия (например, что это не только речь, но и музыка), чтобы воспринять эту песню как ритуальную и потому значимую.

Здесь Гингер, вопреки концепциям ритма как зарядки и разрядки, от Спенсера до Бюхера, изображает песню как эстетическое явление ограниченного действия, которое не может обеспечить гармонию организму, но только на время упорядочить отдельные аффекты: «Это было так, как бывает у марокканских стрелков: под старинный заунывный напев бойцы идут легко, и ноги сами собой передвигаются, но после перехода – ноги в крови; песни больше нет, и уж нет сил переступить через порог у входа в казарму» [Там же, с. 214]. Гингер, описывая автоматизацию шага, конечно, выступает как экспрессионист, для которого обратной стороной

любой мобилизации оказывается ощущение мира как лишенного общей воли (вспомним такие стихи о маршевой музыке, как «Черная Мадонна» Б. Поплавского).

При этом аффект понимается не как совокупность гармоничных сочетаний, но как определенное интермедialное действие, соединяющее музыку и слово, музыку и графику, благодаря чему мы только и можем его локализовать. Так, повествовательница в эссе считает образцом стихов, вызывающих непосредственное устойчивое чувство тепла, четверостишие князя Вяземского (из стихотворения «Масленица на чужой стороне»):

Игры, братские попойки;
Настежь двери и сердца!
Пышут бешеные тройки,
Снег топоча у крыльца.

Тут же дается интересная оговорка: «Один мой знакомый антропософ заметил, что в заклинательном четверостишии князя Вяземского только третий стих магичен, так как борьба за тепло выражена в самых его звуках. Может быть, это и так, но звуки не всегда главное в слове: можно орудовать и размышлением» [1, с. 217]. Учитывая внимание антропософии к различным формам гармонии, следует заметить, что третья строка – единственная из четырех в этом четверостишии, где графика не противоречит фонике, где нет никаких *бра[ц]кие*, *насте[ш']* или *сне[х]*. Таким образом, оказывается, что даже антропософски понятая гармония – это эффект графики и фоники, которые увидены вместе,

увидены эстетически, без чрезмерного экстаического доверия к звукам. Именно экстаический момент Гингер, по всей видимости, не принимал в построениях Андрея Белого, «Гласных» А. Рембо или «лесенке» Маяковского [1, с. 216]. Хотя поэт не объясняет, что плохо в этих произведениях, мы можем утверждать, исходя из уже сказанного, что там графика обречена быть частным приемом по отношению к звуку, что не позволяет занять непротиворечивую эстетическую позицию.

Такое единство графики и фонетики Гингер отстаивает, когда объявляет провиденциальным сохранение «аминь» или «аллилуйя» в литургической поэзии без перевода [Там же, с. 215] – именно здесь для него сохраняется не просто фонетическое, но театральное, диалогическое напряжение, разговор корифея с хором. Тем самым эстетическая позиция относится к самой структуре богослужения, полный перевод которого без сохранения слов оригинала привел бы к исчезновению театральных условностей, а значит, и самих условий для эстетической позиции. Для нашего тезиса существенно, что Гингер, переводя Поля Валери, по сути, всякий раз превращает его экстаический платонизм в свой эстетический аристотелизм.

Собственный перевод Гингера – четыре надписи Поля Валери на аттиках фасадов дворца Шайо (вероятно, самого известного парижского здания в стиле *бозар*). Валери для Гингера – собрат Валерия Брюсова, труженик,

который «себя сжег напряженной и неблагодарной умственной работой» [1, с. 192], и он указывает на мнение популярного памфлетиста, который счел надписи слишком сложными для среднего прохожего. Гингер называет эти надписи «золотыми», имея в виду, конечно, позолоту.

Но интересно, что вопреки установке Гингера против синестезии в духе «Гласных» Рембо именно эпитет «золотой» в его поэзии провоцирует синестетизм – например, «Колосьев зыбких шепот золотой» [Там же, с. 92] или «И белый камень золотого сна» [Там же, с. 133]. Иначе говоря, метафорическое напряжение этого слова столь велико, что оно позволяет вообще говорить об ощущениях как таковых, о силе ощущений, отвечающей на силу блеска. Таким образом, когда речь идет о восприятии чего-то однозначно ценного и зафиксированного, где экстаичность ограничена историческим функционированием символики золота, там допустима синэстезия как определенный способ эстетически отнестись к самым разным укорененным в поэтической традиции впечатлениям.

Гингер называет музейные помещения дворца выражением «залы зрелищ» [Там же, с. 192]. Это существенно для его концепции. Для Валери к прохожему обращаются хранилища и экспонаты, институты, и каждый институт может вызвать свой режим экстаического восприятия. Тогда как для Гингера «Дворец Шайо от первого лица обращается к прохожему» [Там

же, с. 193]. Тем самым Гингер настаивает на том, что, вспоминая различные артефакты, связанные с этим дворцом, мы будем понимать, для чего служит этот дворец, и воспринимать надписи уже эстетически, как конструирующие

гармонию не здесь и сейчас, в экстатическом переживании, но в определенных условиях.

Для удобства приведем все четыре надписи в оригинале и в переводе [1, с. 193 – 194].

В сих стенах, чудесам посвященных, Я приемлю и храню созданья Руки художника необычайной – Сестры и соперницы его мысли, Порознь каждая не существует.	Dans ces murs voués aux merveilles J'accueille et garde les ouvrages De la main prodigieuse de l'artiste Égale et rivale de sa pensée L'une n'est rien sans l'autre
То, что странно, и то, что прекрасно, Здесь, в искусном подборе, Дает наставление глазу Смотреть на все вещи мира Как на невиданные доныне.	Choses rares ou choses belles Ici savamment assemblées Instruisent l'œil à regarder Comme jamais encore vues Toutes choses qui sont au monde
Человек творит, как и дышит, Сам об этом не размышляя. Но художник живет в созиданьи, Существом своим ему отдаваясь; Труд возлюбленный его укрепляет.	Tout homme crée sans le savoir Comme il respire Mais l'artiste se sent créer Son acte engage tout son être Sa peine bien aimée le fortifie
От тебя, прохожий, зависит: Быть могилой мне или кладом, Говорить или молчать мне; Сам ты это определяешь. О, друг, не входи бесстрастным!	Il dépend de celui qui passe Que je sois tombe ou trésor Que je parle ou me taise Ceci ne tient qu'à toi Ami n'entre pas sans désir

Первая переведенная надпись расположена на стене крыла здания, посвященного архитектурному наследию и вообще прикладным искусствам. Гингер метафоризирует оригинал, переводя пассаж про руку художника «Égale et rivale de sa pensée» как

«Сестры и соперницы его мысли». Если для Валери существен парадокс, что производство декоративных и конструктивных решений, принадлежащее вроде бы механическому ремеслу, вполне может поравняться с действием мысли, то для Гингера это не парадокс,

а простое свидетельство родства созданий мысли и созданий рук – всё это одинаково родственно и одинаково наводит на размышления. Валери решал вопрос, который мучил теоретиков с эпохи Возрождения: при каких условиях «механические искусства» могут быть включены в число искусств в собственном смысле. В отличие от Валери Гингер-переводчик не сомневается, что эстетическая деятельность уже является результатом некоторого напряжения рефлексии, и поэтому никакой полной проблематизации ни мысли, ни работы руками в этой уже начавшейся системе процедур эстетического восприятия быть не может.

Вторая надпись относится к Музею человека, который Валери считает школой зрения, имея в виду умение увидеть свое как чужое и наоборот: например, сопоставить античную статую и африканскую маску и отнестись к этому с удивлением. Для Гингера существен не столько остраивающий эффект каждой очередной комбинации артефактов, сколько то, что любая вещь уже может рассматриваться как «то, что странно, и то, что прекрасно» (*Choses rares ou choses belles*) и быть «в искусном подборе» (так переведено «мудро собранные вместе» – *savamment assemblées*). То есть если для Валери есть проблема уникального сближения, своеобразной пифагорейско-платоновской гармонии, которая только и позволит рассмотреть все вещи философски, то Гингер уже с самого начала видит по-

аристотелевски в комбинаторике некоторое институционализированное искусство, которое и способно учить глаз более искусному видению.

Третья надпись, тоже относящаяся к экспозиции наследия, должна перекликаться со статуей Геракла, усмиряющего быка, и противопоставляет бессознательное творчество, свойственное любому человеку, осознанному творчеству художника, «действие которого вовлекает все его существо» (*Son acte engage tout son être*). Валери противопоставляет по-платонически неосознанное (в том смысле бессознательности поэта, о которой Платон говорил в диалоге «Ион») созидание, получающее результаты, но не знающее правил и потому действующее как природа, осознанному созиданию, при котором знание правил требует самоотречения и самоотдачи. Для Гингера такое самоотречение и самоотдача – часть жизненного мира художника, часть тех аффектов, которые сопровождают текущий живой опыт, а не осознанный выбор. Поэтому он переводит фразу, что художник знает как творить («*Mais l'artiste se sent créer*») как «Но художник живет в созидании», иначе говоря, испытывает уже начавшийся поток аффектов, в котором будут и самоотречение, и ощущение преодоления и собственной силы.

Наконец, четвертая надпись, тоже расположенная на стене Музея человека, обращенная к Эйфелевой башне и перекликающаяся со статуей Аполлона Мусагета работы Анри Бу-

шара (на что в переводе тоже нет указания), представляет собой вариацию на главный парадокс античной эпиграммы об искусстве: речь мрамора, способность камня говорить, могилы – обращаться к прохожему. Валери исходит из того, что этот прохожий уже не наивный путник античности, а профессиональный посетитель музеев, и потому может определять, говорят ли экспонаты или молчат. Буквальное ощущение античного человека, что статуя реально может заговорить, здесь неразлично сливается с метафорическим пониманием речи самих памятников как сведений о них.

Отсюда и прозвучавший призыв Валери: «*Ami n'entre pas sans désir*» – если ты считаешь себя другом, другом искусства, то в тебе и искусство должно пробудить желание, и твое желание – сделать искусство живым. Здесь Валери идет в обратном направлении: от стертого современного понимания желания как личной заинтересованности – к условно платоническому пониманию эроса как космической силы. Тогда как Гингер переводит просто: «О, друг, не входи бесстрастным!» Тем самым здесь опять страсть оказывается не какой-то определенной, отдельной от личности силой, но тем этическим одобрением хотя бы одного экспоната, которое потом и переходит в этическое одобрение всего, что в музее, – того одобрения, которое и дает речь всем экспонатам как принадлежащим общему полю истории.

Такое поле истории и конструи-

руется напряжением ожидания речи, когда хотя бы один друг-свидетель, обладающий речью, нашелся. Сходные вещи Гингер делает и в сокращенном, хотя и в целом эквиритмическом, переводе песни, исполнявшейся на «Титанике», где заменяет речь от лица гибнущих моряков, обычную для античной эпиграммы и христианского гимна, на простое утверждение той сложности мирских аффектов, изнутри которой так желанна близость ко Всевышнему – здесь буддистское отношение к страданию, которое исповедовал Гингер, сходится с тем, что мы называем эстетическим, или аристотелианским, подходом к режимам аффектов и их временной длительности.

Таким образом, мы можем говорить о становлении в постакадемической традиции русской поэзии эстетического, или аристотелианского, подхода к переводу, отличающегося от экстаической платонической традиции символизма и постсимволизма. Вне зависимости от того, было ли это становление удачным и дало ли оно значительные результаты, оно происходило в контексте экспрессионистической культуры как единственный способ регулярного разговора об аффектах после всего того, что сделал экспрессионизм. В каком-то смысле это был кризис, но в каком-то – и часть магистрального развития мировой поэзии XX века: от лирического жанрового высказывания к аналитически ответственному сочинительству, создающему собственные формы, не

сводимые к предшествующим жанровым решениям. Это позволяет уточнить место Александра Гингера в экспрессионистской традиции поэзии русской эмиграции и продемонстрировать общее стремление русской эмигрантской поэзии вписаться в мировую.

Библиографические ссылки

1. Гингер А. Стихотворительное одержанье. М. : Водолей, 2013. Т. 1. 816 с.
2. Марков А. В. Продуктивная катахреза в прозаическом двуязычии Анны Присмановой // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. 2019. № 4. С. 72 – 76.
3. Сорокина Г. А. Эмигрантский поэт А. Гингер – «Прихожанин буддистского храма» // Rhema. Рема. 2013. № 1. С. 67 – 74.
4. Устинов А. Александр Гингер в начале 1920-х годов: от «Гатарapaка» к группе «Через» // Toronto Slavic Quarterly. 2013. № 45. С. 105 – 128.
5. Хадынская А. А. Риторическая традиция в лирике Александра Гингера // В мире научных открытий. 2015. № 5 – 6. С. 2262 – 2277.

A. V. Markov

TRANSLATION STUDIES BY ALEXANDER GINGER: AESTHETIC INSTEAD OF ECSTATIC

The article examines the translation theory and translation heritage of the poet of the Russian emigration Alexander Ginger. It is proved that in his translation program, being an adherent of Buddhism, Expressionism and Post-Acmeism, he followed not the symbolist concept of the transfer of affects in translation, but a new concept of the directing of affects, dating back to Aristotle's *Poetics*. Acceptance of the complexity and limitedness of affects, the requirement of distance and outside being, most of all manifested itself in Ginger's translations from Paul Valery, where he replaces Valery's Platonism with his Aristotelianism. This perception of affective scenarios brings Ginger's work closer to what happened in the world poetry of the 20th century, which abandoned genre rules in favor of the dramaticism of plot.

Keywords: Alexander Ginger, Platonism, Aristotelianism, translation studies, poetry of the Russian emigration.

**ЛЮДИ И ИХ ИМЕНА: К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ЛИЧНЫХ ИМЁН
В КОРПУСНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ЖИТИЙ
НОВОМУЧЕНИКОВ И ИСПОВЕДНИКОВ МОСКОВСКОЙ ЕПАРХИИ)**

В настоящее время автором статьи ведётся работа над созданием корпуса современных житий новомучеников и исповедников Московской Епархии. Одной из лексико-семантических групп, выделенных в словарном составе житий, являются личные имена. При работе с данным материалом возникает целый ряд вопросов: в частности, сколько людей обозначены тем или иным именем или фамилией; обо всей системе имён, обозначающей конкретного человека; о деривации – в тех случаях, когда от имени и фамилии образуются производные.

Ключевые слова: житие, житие новомучеников и исповедников, современная русская литература, корпусная лингвистика, имя собственное, личное имя.

Один из важнейших жанров отечественной словесности – жанр жития – изучается не только богословами и литературоведами, но и лексикографами, в том числе с помощью средств современной корпусной лингвистики. Так, нам известен корпус житий XV – XVII веков [7]. Следует иметь в виду, что жанр жития занимает заметное место и в современной русской литературе, чему свидетельство, например, три серии сборников этих текстов, изданных под руководством виднейшего агиографа нашего времени Дамаскина Орловского [2 – 4]. В настоящий момент в лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова автором данной статьи ведётся работа над корпусом современных житий новомучеников и исповедников (подробнее см. в [8]) –

пока мы ограничились восемью томами «Житий новомучеников и исповедников Российских XX века Московской Епархии» [4]. Всего в данное издание входит 341 текст, содержащий 385 имён (отметим, что к сегодняшнему дню канонизировано более 1 700 пострадавших в XX веке в результате гонений на веру, бóльшая часть – в первой половине столетия [6]). Они были созданы 12 составителями (в основном священнослужителями) и включают примерно 390 000 словоупотреблений (работа ведётся с помощью автоматизированной системы работы с текстами и словарями «Диктум», созданной программистами специально для лаборатории).

В житиях выделен целый ряд лексико-семантических групп (языковые особенности житий уже становились объектом лингвистического анализа – см., например, [5]), одна из ко-

торых – личные имена (отметим, что они уже привлекали внимание исследователей – этот материал изучался на материале художественной словесности [1; 9]). В изучаемом корпусе около 18 500 словоупотреблений личных имён, из них наибольшее количество приходится на имена (около 11 500 словоупотреблений), затем по частотности идут фамилии (около 5220 словоупотреблений), меньше всего – отчеств (около 1790 словоупотреблений). Этот пласт материала оказался важной частью работы, так как необходимо выяснить, сколько и каких именно людей обозначают то или иное имя, отчество, фамилия (лемматизатор даёт общее количество употреблений того или иного слова). Приведём ряд примеров.

(1) Имя *Киприан* (встречаемость – 17 раз) относится к двум людям – святому Киприану Карфагенскому, жившему в III веке н. э. (1 раз), и преподобномученику Киприану Нелидову (16 раз).

(2) Имя *Лука* (встречаемость – 4 раза) обозначает четырёх человек – святого Луку Войно-Ясенецкого (1 раз); священника Луку Любимова, брата преподобномученика Кронида Любимова (1 раз); священника Луку Калабухова, отца священномученика Иоанна Калабухова (1 раз); псаломщика Луку Пальшкова, отца мученика Феодора Пальшкова (1 раз).

(3) Фамилия *Грибков* встречается в корпусе 16 раз и обозначает трёх разных людей: священномученика Назария Грибкова (14 раз); крестьяни-

на Степана Грибкова, отца Назария (1 раз); крестьянина Ивана Грибкова, отца преподобномученицы Татианы Грибковой.

(4) Фамилия *Любимов* употребляется в корпусе 40 раз и относится к 7 людям: священномученику Неофиту Любимову (8 раз); священномученику Петру Любимову (8 раз); псаломщику Павлу Любимову, отцу священномученика Петра (1 раз); псаломщику Ивану Любимову, брату священномученика Петра (1 раз); преподобномученику Крониду Любимову (15 раз – из них 2 раза в библиографическом описании книг, приводимом в конце жития, причём из этих двух раз имя и фамилия Кронида фигурируют в заглавии издания, а второй раз – как имя автора книги); псаломщику Петру Любимову, отцу преподобномученика Кронида (1 раз); священноисповеднику Павлу Любимову (6 раз).

(5) 11 раз упоминается фамилия *Царапкин* – 10 раз ей обозначен мученик Пётр Царапкин, 1 раз – его отец сапожник Сергей Царапкин.

(6) Фамилия *Новосёлов* употреблена в корпусе 34 раза: 33 раза она обозначает мученика Михаила Новосёлова (в том числе 1 раз – в библиографии, приводимой в конце жития святого, при описании новосёловских «Писем к друзьям») и 1 раз – его деда Григория Алексеевича Новосёлова.

Отдельный вопрос – о всей системе имён, обозначающей конкретного человека. Кроме того, необходимо проследить цепочку дериватов в тех случаях, когда от имени и фамилии

образуются производные. Проиллюстрируем выдвинутое положение двумя примерами.

(1) В приводимом ниже списке лексем даются номинации патриарха Тихона Белавина и дериваты, образуемые от его имени. Программа «Диктум» сначала даёт лексемы, написанные с заглавной буквы, и сортирует их по алфавиту; затем следуют лексемы, написанные со строчной буквы, также по алфавиту. В квадратных скобках приводится частотность.

Белавин [1]

Тихон [128]

старотихоновский [2]

тихоновец [15]

тихоновка [1]

тихоновский [27]

Как мы видим, фамилия патриарха встречается в корпусе только 1 раз, а имя – 128 раз; кроме того, от имени образовано 2 прилагательных и 2 существительных.

(2) Несколько раз в текстах житий встречается упоминание о Л. Н. Толстом – приведём соответствующий фрагмент базы данных:

Л [1]

Лев [3]

Н [1]

Толстой [7]

толстовец [4]

толстовский [3]

толстовство [1]

Фамилия писателя упоминается 7 раз, из них 3 раза – с именем и 1 раз – с инициалами; от фамилии Льва Николаевича образованы 2 существительных и 1 прилагательное.

На наш взгляд, необходимо отметить, что «Диктум» позволяет анализировать распределение лексем по текстам (все тексты в корпусе автоматически размечены номерами). В качестве примера приведём фамилию Сталин, употребляемую в корпусе 22 раза (в данном случае мы не берём прилагательное *сталинский*). Фрагмент читается следующим образом. В каждой строке сначала идёт лексема (в данном примере это одна и та же лексема, повторяющаяся на каждой строке); затем, через обратный слэш, обозначение поля, в которое проставляется номер текста (=iРазм); далее, после обозначения поля, идёт двоеточие, затем следует номер текста; затем, после ещё одного обратного слэша, в квадратных скобках стоит частотность употребления лексем в данном тексте.

Сталин\=iРазм:47\ [2]

Сталин\=iРазм:81\ [1]

Сталин\=iРазм:92\ [1]

Сталин\=iРазм:124\ [2]

Сталин\=iРазм:148\ [1]

Сталин\=iРазм:189\ [4]

Сталин\=iРазм:212\ [1]

Сталин\=iРазм:216\ [1]

Сталин\=iРазм:233\ [1]

Сталин\=iРазм:259\ [1]

Сталин\=iРазм:262\ [1]

Сталин\=iРазм:312\ [1]

Сталин\=iРазм:325\ [2]

Сталин\=iРазм:344\ [2]

Сталин\=iРазм:365\ [1]

Материал показывает, что фамилия «отца всех народов» употребляется в 15 разных текстах с частотностью от 1 до 4 употреблений в каждом

тексте. Благодаря этому мы можем также выяснить, в каких именно житиях встречается эта фамилия. Так, текст под номером 47 – это житие мученика Михаила Маслова (день памяти – 22 марта по новому стилю); текст под номером 189 – это житие священномученика Константина Некрасова (день памяти – 15 декабря по новому стилю).

В заключение приведём и прокомментируем фрагмент базы данных, полученный по итогам работы по анализу имён в житии священномученика Романа Медведя. Данный фрагмент читается аналогично приведённому выше: в каждой строке сначала идёт лексема; затем, через обратный слэш, обозначение поля, в которое проставляются пометы с обозначением конкретных людей (=fЛюди); далее, после обозначения поля, идёт двоеточие, затем следует обозначение человека (вводится вручную); затем, после ещё одного обратного слэша, в квадратных скобках стоит частотность употребления лексемы в данном тексте.

Анна\=fЛюди:Медведь5\[14]
Григорий\=fЛюди:Распутин\[1]
Дзержинский\=fЛюди:Дзержинский\[1]
И\=fЛюди:Медведь3\[2]
Иван\=fЛюди:Медведь1\[1]
Иванович\=fЛюди:Медведь3\[19]
Иоанн\=fЛюди:СвИоанн\[5]
Иосифович\=fЛюди:Медведь1\[1]
Ирина\=fЛюди:Медведь4\[7]
Иринка\=fЛюди:Медведь4\[23]
Ирочка\=fЛюди:Медведь4\[24]

Мария\=fЛюди:Медведь2\[1]
Матвеевна\=fЛюди:Медведь2\[1]
Медведь\=fЛюди:Медведь1\[1]
Медведь\=fЛюди:Медведь3\[22]
Невзорова\=fЛюди:Медведь5\[1]
Николаевна\=fЛюди:Медведь5\[14]
Р\=fЛюди:Медведь3\[2]
Распутин\=fЛюди:Распутин\[1]
Роман\=fЛюди:Медведь3\[135]

Итак, в житии Романа Медведя содержится 19 лексем – личных имён. Священномученик называется по фамилии 22 раза, по имени – 135 раз, по отчеству – 19 раз, инициалами – 2 раза (см. помету *Медведь3*). 1 раз встречаются имя, отчество и фамилия его отца – Ивана Иосифовича Медведя (см. помету *Медведь1*), 1 раз по имени и отчеству (без фамилии) обозначена его мать Мария Матвеевна, 54 раза упоминается дочь священномученика – полным именем *Ирина* и уменьшительно-ласкательными именами *Иринка* и *Ирочка* (см. пометы *Медведь4*). Супруга отца Романа 1 раз поименована девичьей фамилией Невзорова (под фамилией мужа она не фигурирует ни разу) и 14 раз – по имени и отчеству – Анна Николаевна (см. пометы *Медведь5*). Кроме того, 5 раз упоминается Иоанн Кронштадтский (см. помету *СвИоанн*), 1 раз – только по фамилии – Дзержинский (см. помету *Дзержинский*), 1 раз – по имени и фамилии – Григорий Распутин (см. помету *Распутин*).

Работа по анализу личных имён и составлению полного списка обозначенных ими людей продолжается.

Библиографические ссылки

1. Григорьев В. П., Колодяжная Л. И., Шестакова Л. Л. Собственное имя в русской поэзии XX века: словарь личных имен. М. : Азбуковник, 2005. 448 с.
2. Дамаскин Орловский, игум. Жития новомучеников и исповедников Российских XX века, составленные игуменом Дамаскиным (Орловским) : в 6 т. Тверь: Булат, 2015 – 2016.
3. Дамаскин Орловский, игум. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним : в 7 кн. Тверь : Булат, 1992 – 2002.
4. Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской Епархии : в 8 т. Тверь : Булат, 2002 – 2005.
5. Иванова Т. А. Лексические особенности жизнеописаний новопрославленных святых Русской Православной Церкви : дис. канд. филол. наук : 10.02.01. М., 2004. 201 с.
6. Региональный Общественный Фонд «Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fond.ru/> (дата обращения: 19.07.2021).
7. СКАТ – Санкт-Петербургский корпус агиографических текстов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://project.phil.spbu.ru/scat/page.php?page=project> (дата обращения: 19.07. 2021).
8. Суровцева Е. В. Корпус житий новомучеников и исповедников (на материале «Житий новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии») : Состав и подготовка текстов, лексические особенности // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М. : МАКС Пресс, 2018. Вып. 60. С. 226 – 234.
9. Фоянкова О. И. Имя собственное в художественном тексте : учеб. пособие. Л. : ЛГУ, 1990. 103 с.

E. V. Surovtseva

**PEOPLE AND THEIR NAMES: ON THE STUDY OF PERSONAL NAMES
IN CORPUS LINGUISTICS (BASED ON THE HOLY LIVES
OF THE NEW MARTYRS AND CONFESSORS OF THE MOSCOW DIOCESE)**

Currently, the author of this article is working on the creation of a corpus of modern lives of the New Martyrs and confessors of the Moscow Diocese. One of the lexical and semantic groups identified in the vocabulary of hagiographies is personal names. When working with this material, a number of questions arise – in particular, how many people are designated by a particular name or surname; about the entire system of names denoting a particular person; about derivation – in cases where derivatives are formed from the name and surname.

Keywords: holy life, holy life of the New Martyrs and Confessors, modern Russian literature, corpus linguistics, proper name, personal name.

ПОНЯТИЕ «ГУРУ» В УЧЕНИИ Б. К. С. АЙЕНГАРА

Статья посвящена рассмотрению понятия «гуру» в творческом наследии основателя современной школы йоги Б. К. С. Айенгара. Автор выявляет различные аспекты данного понятия в представлении учителя йоги, обусловленные влиянием разнородных факторов его уникального жизненного пути. В ходе исследования проводится герменевтический и сравнительный анализ работ учителя йоги. В итоге выявляются основные модификации значения понятия «гуру» в учении Айенгара в сравнении с изложенными в древнеиндийских текстах. Направления трансформации понятия «гуру», транслируемого такой общественно значимой личностью, как Айенгар, позволяют делать выводы о тенденциях влияния на мировое сообщество духовного наследия Индии.

Ключевые слова: индийская философия, Айенгар, гуру, упанишады, йога.

Йога – мой гуру
Б. К. С. Айенгар

Введение

Понятие «гуру» – одно из ключевых для индийской философской традиции. Слово «guru» в переводе с санскрита означает «великий, большой, тяжелый». В индийских религиях гуру считают духовным наставником, «достигшим высшей истины в личном опыте и своим примером вдохновляющим и ведущим других» [7, с. 321]. Фигура гуру до настоящего времени обладает высшим авторитетом в Индии, вплоть до того, что гуру принято боготворить.

Высокий статус гуру неоднократно подчеркивается в древнеиндийских текстах. Так, «Шветашватараупанишада» (VI. 23) указывает, что знание может быть полноценно усвое-

но лишь при условии почитания гуру наравне с богом:

«Кто [полон] высшей преданности богу [и предан] учителю так же, как и богу, Тому изреченные [здесь] истины сияют – великому духом сияют – великому духом» [10, с. 130].

В «Тайттирия-упанишаде» (I. 11. 2) среди нравственных наставлений учителя ученику также акцентируется внимание на божественной природе гуру:

«Чти мать, как бога. Чти отца, как бога. Чти учителя, как бога» [Там же, с. 82].

Особенно важное значение фигура гуру играет в обучении йогическим техникам. По словам исследователя индийских религиозных традиций С. В. Пахомова, «никакое книжное руководство не может заменить здесь устных наставлений» [8, с. 63]. Веро-

ятнее всего, это обусловлено выделением так называемого неявного знания, которое, в отличие от существующего в виде текстов явного знания, передается от учителя к ученику на уровне демонстрации неких образцов поведения, практических знаний и умений. Кроме того, неявное знание играет важную роль в транслировании нормативно-ценностной системы общества, которому принадлежит гуру.

Следует отметить, что современные индийские гуру, как и в древности, строят свои учения с опорой на «авторитет священных текстов (шрути и смрити)» [9, с. 244]. Однако реалии настоящего времени диктуют новые трактовки традиционных понятий. В случае с термином «гуру» можно наблюдать не только его повсеместное употребление в самых широких сферах жизнедеятельности, когда этим словом называют специалиста в любой области знаний, но и некоторую утрату изначально заложенной смысловой нагрузки. Это с беспокойством отмечают представители традиционных школ йоги. Так, известный учитель йоги и создатель одного из ее направлений Т. К. В. Дешикачар считает, что люди убили понятие «гуруджи» фальшивыми предложениями [14, с. 12]. Но мы не можем согласиться с этим высказыванием, поскольку понятие «гуру» не уничтожено, а трансформировано, в наши дни оно существует с иным смысловым наполнением. Зададимся целью выяснить, какие преобразования затронули данное понятие, для чего проанализируем его аспекты, представленные

в творчестве всемирно известного популяризатора йоги Беллура Кришнамачара Сундарараджи Айенгара (1918 – 2014).

Представление о гуру в учении Айенгара

Являясь основателем одной из самых многочисленных современных школ йоги, Айенгар частично разделяет позицию Дешикачара. За общей тенденцией утраты традиций он, вероятнее всего, видит влияние западной культуры, когда говорит, что его современники верят «не в традицию, а в рационализм» [12, с. 221].

Анализ творческого наследия Айенгара не позволяет говорить о создании им целостной философской системы, однако заставляет высоко оценить праксиологический аспект его учения. Становление Айенгара как мыслителя происходило на фоне воплощения теоретических принципов философской школы йоги в его повседневной практике. Работы мастера йоги в значительной степени опираются на древнеиндийские учения. Так, одним из самых масштабных его трудов считаются комментарии к «Йога-сутрам» Патанджали. Не менее важное место в его творчестве занимают древнеиндийская поэма «Бхагавад-гита» и трактат «Хатха-йога прадипика». Многие аспекты своего учения Айенгар подтверждает идеями упанишад. Такой базис древних авторитетных текстов неминуемо сформировал ортодоксальную систему взглядов основателя современной школы йоги.

Получив мировое признание в качестве учителя йоги, Айенгар уделил пристальное внимание понятию «гуру» в свои работы, где отчетливо проявляется его беспокойство по поводу обесценивания древнего термина в современном мире. По его мнению, популяризация йоги привела к тому, что «гуру и ачарья появились повсюду» [12, с. 225], причем уровень знаний новых учителей невысок. Айенгар отмечает курьезные перемены, когда не ученики ищут гуру, а гуру занимают поисками учеников. Самым негативным последствием таких метаморфоз он считает то, что «духовность потеряла свой аромат» [13, с. 102]. Стоит предположить, что Айенгар еще более осудил бы изменения, обусловленные распространением онлайн-обучения практике йоги.

В надежде приостановить процесс деградации института передачи знаний Айенгар акцентирует внимание на тонком различии между учителем и гуру. Он категорично заявляет, что «учителей нельзя называть гуру, а гуру нельзя воспринимать как простых учителей» [3, с. 197]. Но как отличить учителя от гуру? Айенгар выделяет несколько критериев такого отличия. Поскольку гуру непременно несет в себе природу божественного, то этот принцип Айенгар иллюстрирует на основе мантры «Гуру Брахма» из «Скандапураны», утверждая, что гуру должен иметь «качества Брахмы – создателя, Вишну – защитника, Махешвары – разрушителя» [12, с. 223].

Итак, во-первых, гуру выполняет роль творца, преображая ученика, открывая «скрытые и неведомые тому самому таланты и дарования», вливая в него «энергию для еще большей работы» [4, с. 34]. В целях сохранения линии передачи знания предполагается, что гуру как творец обязан не просто наделить знанием ученика, а научить его самосовершенствоваться и в результате создать нового творца.

Во-вторых, истинный гуру обязан защищать ученика от ошибок на пути обучения. Это делается, по утверждению Айенгара, посредством увещаний [12, с. 223], а также демонстрации собственных безупречных действий в разных жизненных ситуациях. Защитная функция гуру проявляется также и в помощи ученику в победе над страхом [13, с. 108], что приводит к искоренению сомнений в выборе жизненного пути.

Наконец, в-третьих, гуру разрушает невежество ученика, ведет его «от тьмы к свету» [Там же, с. 75]. Важно, что функция разрушения также проявляется в уничтожении эго ученика, поскольку Айенгар убежден, что пока ученик не откажется от своего эго, «он не сможет достичь никакого физического, умственного или духовного прогресса» [Там же, с. 158]. Отметим, что если для представителей Востока отказ от своей воли не воспринимается противоестественно, то уроженцам Запада сложно согласовать это требование со своим идеалом свободной индивидуальности.

Рассматривая подход Айенгара к понятию «гуру», можно выявить, что он склонен рассматривать гуру в двух аспектах: этическом и эпистемологическом.

Для того чтобы подвести читателей к глубокому пониманию термина «гуру», Айенгар рисует образ идеального учителя и описывает его с помощью общепринятых этических категорий. Так, учитель должен быть искренним, честным и добродетельным, «развивать качества дружелюбия, сострадания, радости и бесконечной любви» [14, с. 14]. Не менее важно для учителя быть «чистым, умным, пользоваться доверием, не бояться принимать вызов, заботливым, осторожным, творческим, бесстрашным, понимающим <...>, рассудительным, добросовестным, критичным, полным энтузиазма, веселым, целомудренным и спокойным» [3, с. 196]. Вместе с тем учитель должен быть «твердым и требовательным» к ученику [4, с. 34].

Примечательно, что этические правила Айенгар склонен связывать с практикой йоги. Так, он считает неэтичным, если учитель при обучении практике асан йоги «неправильно выполняет позы» [3, с. 199]. В этом утверждении лежит высокая планка требований, которые учитель обязан предъявить самому себе. За образом идеального учителя лежат годы упорного труда, сильная самодисциплина [13, с. 116], а также большая доля смирения (необходимо быть способным признать собственные несовершенства). Стоит предположить, что все

наставления для учителей Айенгар переносит из жесткой системы требований, которые он стремится предъявлять самому себе.

Не менее важное значение у Айенгара приобретает эпистемологический аспект понятия «гуру». Важно отметить, что уже в упанишадах это понятие наделяется эпистемологическим статусом. В уже упомянутой нами «Тайттирия-упанишаде» (I. 3. 3) учитель и ученик представляются элементами одного из пяти «великих соединений» – знания [10, с. 77]:

«Теперь – относительно знания. Учитель – предшествующий элемент, ученик – последующий элемент, знание – соединение, наставление – средство соединения. Это – относительно знания» [Там же, с. 78]. Таким образом, гуру в этом тексте предстает в виде неотъемлемого связующего звена системы передачи высшего знания, несущего сотериологическую функцию.

Айенгар же акцентирует внимание на данной ключевой функции гуру через комментарии к «Йога-сутрам» Патанджали, в частности сутрам I.25 и I.26. Ссылаясь на них, в своих работах он неоднократно указывает на источник любого знания – Бога. Он называет его «первым и главным учителем» [1, с. 101], «первым и величайшим наставником всех наставников» [Там же, с. 274], «гуру всех гуру» [Там же, с. 291]. Таким образом, он говорит о существовании некой иерархии передачи знания, на высшей ступени которой находится Бог. Сознание обычного человека, по мнению Айенгара, не мо-

жет постичь Бога, так как находится в «ловушке колебаний ума» [5, с. 201]. Поэтому необходим посредник между Богом и человеком, которого Айенгар называет «мостом, помогающим другим приблизиться к Богу» [3, с. 197]. Но он не останавливается на придании гуру статуса пассивного проводника, а идет дальше, именуя гуру «орудием Бога» [Там же], нацеленным на раскрытие человеку духовных ценностей его жизни. Таким образом, гуру хотя и является земным человеком, но осознанно исполняет божественную миссию. Возникает вопрос: где пролегает грань между божественным и земным, и до какой степени в связи с этим могут простираться полномочия гуру? Айенгар предлагает вполне определенное решение этой задачи, рассматривая все грани отношений между гуру и учеником.

Следует упомянуть, что в своих работах Айенгар употребляет термин «гуру» в отношении не только учителя-человека, но и неодушевленных объектов. В целях разъяснения отдельных вопросов, касающихся практики йоги, он указывает на боль в качестве гуру [13, с. 145], подразумевая необходимость воспринимать сигналы своего тела в практике йоги. При разъяснении техники пранаямы он называет «гуру» звук [Там же, с. 117], также призывая развивать чувствительность тела. Внимание к осознанному выполнению телесной практики выражается Айенгаром в утверждении, что «активная сторона тела должна стать гуру для неактивной стороны, чтобы сделать ее

активной» [13, с. 111]. И если в данных высказываниях термин «гуру» служит Айенгару для создания выразительных метафор, призванных разъяснить ученикам принципы построения практики йоги, то совершенно иное значение приобретает его афористическое заявление «Йога – мой гуру» [2, с. 36]. Здесь практика йоги выступает в качестве полноценного посредника на пути к Богу, ставится на один уровень с учителем-человеком и, более того, способна заменить его. Причина такого утверждения кроется в личном опыте ученичества Айенгара, о котором мы скажем позднее.

Примечательно, что наряду с требованиями к учителю Айенгар предъявляет не менее высокие требования к ученику. Для этого он использует понятие «шишья» – ученик гуру. При этом Айенгар сопоставляет, с одной стороны, различия между учителем и гуру, а с другой – между учеником и шишью. В столь пристальном внимании к различению этих понятий кроется, во-первых, еще одно обращение к понятию «гуру», который должен оставаться шишья на протяжении всей своей жизни. Во-вторых, раскрывая категорию «истинного» ученика, Айенгар снова отражает свой опыт ученичества как неотъемлемую ступень в развитии личности.

В своих работах Айенгар стремится показать, что понятие «шишья» столь же важно для осознания практикующих йогу, как и понятие «гуру». Более того, по его мнению, «найти гуру так же трудно, как и найти шишью»

[12, с. 222]. Начинаящий ученик еще не является шишью, гуру воспринимает его до определенного момента как обычного ученика. Для того чтобы распознать шишью, Айенгар рекомендует обратиться к «Хатха-йога прадипике», которая выделяет уровень зрелости ученика в соответствии с появлением у него понимания, «как управлять своим телом при помощи своего разума» [Там же, с. 223]. Таким образом, Айенгар в очередной раз подходит к рассмотрению общефилософских терминов с точки зрения учения йоги. Причем в его толкованиях видна и отличительная особенность его учения, согласно которой работа с телом – не начальный, а основной этап практики йоги.

Возвращаясь к выполняемой гуру функции разрушения эго, отметим, что Айенгар возлагает часть ответственности за ее выполнение на шишью. Причем он допускает для ученика возможность подавить гордость и «предаться своему гуру» хотя бы на период обучения [13, с. 158]. Очевидно, оговорка о временном ограничении необходимости подавления эго – своеобразная уступка западному менталитету, поскольку большинство учеников Айенгара являются уроженцами Запада.

В рамках раскрытия понятий «гуру» и «шишья» Айенгар затрагивает вопрос отношений между ними. Несомненно, они имеют сложный характер, сочетая в себе и «чрезвычайную близость», и «определенное дистанцирование» [3, с. 196]. Айенгар

сравнивает их с отношениями мужа и жены, а также отца и сына. Неотъемлемым аспектом связи гуру и шиши является, по мнению Айенгара, необходимость служения гуру. Примечательно, что он представляет эту необходимость как возможность, которая способствует продвижению в практике йоги, утверждая, что «счастлив, что служил своему гуру» [1, с. 101]. При этом он выделяет три способа такого служения: служить гуру физически, финансово и распространять полученные у гуру знания. Очевидно, наиболее благоприятным в процессе обучения вариантом представляется сочетание всех трех способов служения. Но самым важным, по его мнению, содержанием взаимодействия гуру и шиши является двухсторонний обмен. Следовательно, обе стороны этого союза несут равную ответственность за результат учебного процесса.

Необходимо упомянуть еще одну особенность понятий «гуру» и «шишья», отмеченную Айенгаром. Эти понятия не только дополняют друг друга, но и могут одновременно воплощаться в одном лице. Так, Айенгар настаивает на необходимости для гуру находиться в непрерывном процессе самообучения и утверждает, что сам неуклонно следует этому правилу: «Если что-то новое поражает меня, я сразу становлюсь шишью и работаю над этим» [12, с. 228]. Тем не менее он не перестает заявлять, что путь, который он сам прошел от шиши к гуру, – это «чистая судьба или милость Бога» [Там же, с. 223].

Айенгар как ученик

Действительно, на жизненном пути Айенгара случались судьбоносные события, самым важным среди которых стала встреча с его гуру. Так, в 1925 году старшая сестра Айенгара становится супругой Шри Тирумалая Кришнамачарьи – одного из самых известных в то время учителей йоги, основателя школы йоги в Майсуре. А еще через семь лет Айенгар, будучи слабым болезненным подростком, попадает на обучение к своему зятю.

Несмотря на то, что Айенгар прожил в доме Кришнамачарьи всего два года, а само обучение, по его рассказам, составило лишь 10 – 15 дней [14, с. 9], он всю жизнь считал Кришнамачарью своим истинным гуру. Не вызывает сомнения тот факт, что Айенгар гордится родственной связью с гуру и всячески ее подчеркивает, не стремится абстрагироваться от нее в своих работах, что вполне могло бы происходить в западном мире. Так, он говорит, что никогда не называл Кришнамачарью «гуруджи», но «называл его «тамби» (брат – Л. Ж.)» [Там же, с. 11]. Двойкий статус Кришнамачарьи он выражает словами: «Физически он был моим шурином, но ментально – моим гуру» [Там же, с. 11]. Можно предположить, что факт родства двух учителей йоги осложнил их отношения.

Стоит признать, что проблемность отношений Айенгара и Кришнамачарьи неизбежно проявляется сквозь многочисленные слова почитания и благодарности Айенгара в адрес

своего гуру. Прежде всего, говоря о нем, Айенгар предупреждает, что стороны личности любого человека подобны двум сторонам монеты, и долгом каждого ученика становится необходимость «воспринять лучшую сторону мастера и не замечать его недостатков» [1, с. 87]. Более того, по мнению Айенгара, принять учение гуру не представится возможным до тех пор, пока уважение к нему ученика не сможет затмить все остальное в его личности.

Говоря о существовании незримой внутренней связи со своим гуру, Айенгар подчеркивает и ее неотъемлемую особенность, заключающуюся в том, что иногда Кришнамачарья «полностью подавлял» его. Он также упоминает неизбежные ссоры с учителем [Там же, с. 99]. По его рассказам, стиль обучения Кришнамачарьи в период проживания у него Айенгара был очень жестким. В частности, он принуждал учеников выполнять любые, даже весьма травмоопасные асаны, не принимая возражений с их стороны, по первому требованию, в случае же отказа учеников «лишали пищи и воды, лишали сна» [Там же, с. 41]. В связи с этим Айенгар упоминает пару случаев, когда при демонстрации асан без должной подготовки на выступлении перед зрителями он серьезно повредил сухожилия, поскольку боялся стать «объектом гнева» своего гуру [Там же]. По свидетельству Айенгара, в процессе обучения Кришнамачарья позволял себе бить учеников, причем ученикам казалось, что «он применяет розги из железа» [Там же, с. 89]. Отме-

тим, что нам сложно судить о соответствии нравов, царивших в то время в учебных заведениях Индии, устоям индийского общества, однако упомянем лишь рассказ Айенгара о его приятеле, который, будучи любимым учеником гуру, все же совершил побег из йогашалы Кришнамачарьи [1, с. 93].

В создаваемом Айенгаром портрете Кришнамачарьи преобладают описания жестокого, сурового, очень требовательного человека, «похожего на война» [14, с. 9]. Он наделяет своего гуру красноречивым эпитетом «ужасного диктатора» [Там же, с. 12], правда, с оговоркой, что таким человеком он предстал перед Айенгаром в 1930-е годы в Майсуре. Для передачи особенностей характера отношений с Кришнамачарьей Айенгар приводит примеры подобных, на его взгляд, отношений гуру и ученика.

Предлагая читателям обратиться к жизнеописанию учителя тибетского буддизма Миларепы, Айенгар сравнивает Кришнамачарью с гуру Миларепы, переводчиком Марпой, который провел своего ученика через множество сложных испытаний, прежде чем передал ему свое учение. Интересно, что, несмотря на внешнюю непреклонность Марпы, автор его жизнеописания говорит, что он «втайне плакал от радости», видя искренность и веру в него Миларепы. Мысленно Марпа поощряет Миларепу в его стараниях: «Заслуживает похвалы тот благородный шишья, который бескорыстно повинуется приказаниям своего гуру» [6, с. 99].

В качестве второго примера отношений гуру и шишьи Айенгар приводит трагическое общение между героями эпоса «Махабхарата» – гуру Дроной и его учеником Экалавьей. Последний ведет себя иначе, чем Марпа. Когда гуру Дрона отказывается обучать Экалавью искусству лучника из-за его неарийского происхождения, Экалавья достигает поразительных успехов в этом искусстве благодаря высокой самодисциплине и целеустремленности, поклоняясь при этом мурти (статуе) своего гуру. Айенгар проводит параллель между отказом гуру Дроны и нежеланием Кришнамачарьи обучать его искусству йоги, приводя слова Кришнамачарьи: «Йога – не для тебя. То малое, что я тебе дал, это все, что тебе нужно – не более того» [2, с. 350]. Но, подобно Экалавье, Айенгар постигает тонкости йоги самостоятельно, глубоко почитая при этом своего гуру.

Важно отметить, что во всех своих работах Айенгар не перестает повторять, что его успехи в йоге – это, прежде всего, заслуга его гуру. Именно тяжелый нрав Кришнамачарьи он считает главным катализатором, способствовавшим формированию его как мастера йоги мирового уровня. Суровость своего гуру, а также «ранние болезни, бедность и недостаток образования» Айенгар провозглашает «лучшими благословениями в своей жизни» [5, с. 34].

На наш взгляд, строгость и требовательность учителя может служить хорошим барьером на пути учеников, которым не хватает упорства, а также

выполняет задачу его охраны от создания вокруг себя культа. К примеру, один из последователей Айенгара удачно противопоставляет Кришнамачарью «фальшивым гуру», действующим как в Индии, так и в Европе, которые поддаются обожанию учеников и возвышают себя до уровня божества [13, с. 220].

Очевидно, не только строгость Кришнамачарьи и его нетерпимость к ошибкам учеников позволили Айенгару заявить: «Я был ничто, но гуруджи сделал из меня героя» [1, с. 101]. Кришнамачарья обладал рядом выдающихся качеств. Айенгар уверяет, что «никто не мог сравниться с ним по силе интеллекта» [Там же, с. 94]. Для того чтобы указать на высокий уровень достижений своего гуру, он сравнивает его как «отца йоги» с «отцом ядерной физики» Альбертом Эйнштейном [Там же, с. 45]. Действительно, Кришнамачарья в совершенстве владел санскритом, был крупным специалистом по индийской философии, аюрведе, астрономии. Любопытно, что Айенгар считает его великим целителем, обладавшим «силой мантры». Он утверждает, что гуру как лекарь имел «божественную благодать, действовавшую через него» [14, с. 10]. Отметим, что вера в сверхспособности учителя явно свидетельствует о трепетном отношении Айенгара к фигуре гуру, принятии им божественного статуса Кришнамачарьи.

Не стоит считать, что Кришнамачарья не переменил своего мнения об Айенгаре. Ученики Айенгара рас-

сказывают, что он вел переписку по вопросам преподавания йоги со своим гуру и даже был с ним в «нежных отношениях» [13, с. 18]. Более того, во время одного из визитов Кришнамачарья был очень впечатлен результатами работы Айенгара, о чем последний с радостью сообщил, что только «после 22 лет его настойчивых просьб» Кришнамачарья наконец признался, что гордится учеником и благословляет всю его семью [Там же, с. 225]. Но это произошло, когда самого Айенгара стали называть гуру.

Айенгар как учитель

Отвечая на вопрос учеников, как он стал гуру, Айенгар признается, что для того, чтобы люди увидели кардинальную трансформацию в его практике йоги и наделили его титулом «гуру», потребовалось более пятидесяти лет [12, с. 228]. Однако попробуем выяснить, насколько Айенгар соответствует описанному им образу гуру, обязанному выполнять совокупность функций творца, защитника и разрушителя.

Отметим, что не ставим перед собой задачи какой-либо оценки личности Айенгара. Выражаясь его же словами, с нашей стороны «не просто говорить о мастере, обладавшем столь многогранным характером» [1, с. 86]. Однако будет вполне уместным привести суждения о нем людей, имевших возможность с ним общаться.

Начнем рассмотрение образа гуру с присущей ему роли творца, которую Айенгар, несомненно, выполняет

в своей деятельности. В данном контексте его ученица Н. Перез-Кристенс, называющая Айенгара «настоящим гуру», описывает его как человека, добросовестно выполняющего свою работу, осознающего при этом свои человеческие слабости и стремящегося их исправить, а также никогда в полной мере не удовлетворенного результатом деятельности. Интересно ее наблюдение, говорящее, что Айенгар не стремится действовать как безупречный учитель, а представляет себя равноправным членом команды его учеников, которых ведет за собой [13, с. 29]. Тем самым, очевидно, он искусно увлекает последователей в процесс обучения, превращая его в процесс самопознания и самосовершенствования. Ученик Айенгара Ф. Бириа подчеркивает, что его гуру учит быть критичным, обсуждать с ним новые идеи и в результате «пробуждает огромное мужество и энергию» [12, с. 306] своим примером тщательного и бескорыстного выполнения работы. Несложно заметить стремление Айенгара неуклонно следовать принципам карма-йоги, что в очередной раз подчеркивает его приверженность постулатам древнеиндийских учений.

Упомянутый Ф. Бириа, продолжительное время работавший с Айенгаром над редакцией многочисленных текстов учителя йоги, высказывает неподдельное восхищение его способностью представлять объяснения отдельных моментов учения «эволюционным путем» и называет Айенгара «великим педагогом» [Там же]. Но даже абстрагируясь от высказываний его

последователей, которые не лишены субъективных оценок, стоит признать свидетельством выполнения роли творца созданную Айенгаром школу йоги, включающую четкую и эффективную систему подготовки преподавателей, которая дала миру много учителей, достойных называться гуру.

Вторая функция гуру – защитника – выполняется Айенгаром посредством формирования строгой дисциплины для практикующих його. Дисциплина устанавливается, прежде всего, на его занятиях; кроме того, Айенгар убеждает в необходимости безупречного подчинения жизненных поступков цели продвижения в практике йоги и в конечном итоге становлению высокодуховной личности. Дисциплинарные идеалы имеют непреходящую ценность и соответствуют двум первым ступеням йоги, описанным в «Йога-сутрах», – яме и нияме.

Защитная функция гуру в работах Айенгара выражается в непрерывном акцентировании внимания на высоком статусе его гуру, а также гуру Кришнамачарьи, жившего в Тибете мастера йоги по имени Йогешвара Рамамохан Брахмачари. Тем самым он транслирует одну из важнейших норм этоса йогической среды – необходимость следовать наставлениям учителей своей традиции, выказывать им должное уважение, почитание, опираться в своей практике на их достижения. Такое назидание способствует формированию командного духа учеников, чувства принадлежности традиционному сообществу, престиж-

ность которого Айенгар доказывает через результаты современных исследований в области медицины, психологии.

Наконец, разрушительную функцию уместно проиллюстрировать воспоминаниями А. Форрест, автора книги «Форрест-йога: танец с драконами» (Fierce Medicine, 2011). Путешествуя по Индии, Форрест проходила обучение у разных учителей йоги, в том числе и в школе йоги Айенгара. Она утверждает, что вдохновилась книгами Айенгара, но была поражена, что он «вбивает в людей премудрости йоги с помощью ударов, шлепков и оскорблений» [11, с. 144]. По ее словам, Айенгар делал все, чтобы ее сломить, но она «изо всех сил ему сопротивлялась». Она отказалась быть покорной и подчиняться и, наконец, весьма усомнилась в его мудрости. В своей книге она называет Айенгара «гуру с непомерно раздутой репутацией». Более того, самым важным уроком, который она получила от Айенгара, стало неповиновение «диктату учителя» [Там же, с. 12].

Представляется поразительным сочетание диаметрально противоположных отзывов об Айенгаре в различных источниках. Так, в одном из интервью отмечают его «свирепый стиль преподавания» [15, с. 1], равно как и заразительную харизму. Несомненно, некоторые качества личности, в частности сложный характер, Айенгар неосознанно перенял у своего гуру. Однако в качестве оправдания заметим, что требование разрушения своего эго для получения знаний и умений у гуру имеет глубокие корни в древне-

индийской традиции и может встречать сопротивление у обладателей западного менталитета.

Таким образом, следует признать, что сам Айенгар полностью соответствует образу гуру, очерченному им в своих многочисленных публикациях и выступлениях. И если в основе портрета идеального гуру лежат, с одной стороны, многовековые традиции, а с другой – образцы поведения его гуру Кришнамаচারьи, то несложно выделить и новые черты, которые неизбежно приобретает это понятие у Айенгара в современных реалиях.

О трансформации понятия «гуру» у Айенгара

Анализ работ Айенгара заставляет признать в качестве его важной заслуги глубокую и всестороннюю разработку понятия «гуру». Такой тщательный подход к изучению интересующих его вопросов в целом присущ его учению, основные тезисы которого характеризуются четкостью и логичностью изложения. Несмотря на сильное влияние общемировых тенденций глобализации во всех областях знания, в подходе Айенгара к понятию «гуру» выявляется упорное тяготение к его традиционной трактовке, фрагментарно представленной в древних текстах. Так, ряд признаков, присущих современному гуру, отмечаемых исследователем восточной философии Ю. А. Уйминой [9, с. 245], совершенно не вписывается во взгляды Айенгара. В частности, Айенгар в своих работах не стремится отходить от дихотомии

«этическое – аморальное», «истинное – ложное», он явно не разделяет понятия духовности и религиозности.

Вместе с тем общемировая ориентация на толерантное отношение ко всем религиям хотя и не вносит явные коррективы в трактовки гуру, находит у Айенгара выражение во взглядах на вопросы, касающиеся божественного начала духовного наставника. В частности, он склонен называть Бога согласно вероисповеданию ученика. Для западных последователей его увещание в необходимости почитания Бога звучит: «Делайте пранаяму как посвящение Господу Христу» [13, с. 68]. В данном контексте можно также вспомнить сравнение его гуру Кришнамачарьи с западным ученым Эйнштейном, ибо эпитеты «отец йоги» и «отец ядерной физики» равно подразумевают наличие божественного дара как для верующих Востока, так и Запада.

Также следует отметить вопрос преемственности учения, которого Айенгар хотя и придерживается, но одновременно не умаляет и заслуг ученика в продвижении в практике. Демонстрируя этот принцип на собственном примере, он говорит, что «его гуру посеял в нем семя йоги, но что вся работа принадлежит ему» [Там же, с. 20]. Несомненно, размытость условия непрерывности линии передачи учения обусловлена сложными отношениями Айенгара со своим гуру. Интересно, что Айенгар даже делит области мастерства с Кришнамачарьей, называя последнего мастером пранаямы, а себя – мастером асаны [14, с.11].

Наконец, отличительной особенностью понятия «гуру» у Айенгара является отступление от человеческого образа духовного наставника, когда это понятие либо используется в метафорах (к примеру, боль или звук для объяснения отдельных вопросов своего учения), либо полностью способно заменить фигуру учителя, ведущего к постижению божественного, как это происходит при отождествлении йоги и гуру. Здесь отражается как безграничная преданность практике йоги, которой он посвятил всю жизнь, так и формирование аксиоматической ориентации для последователей учения.

Итак, несмотря на частичную трансформацию понятия «гуру» в своих работах, которую можно даже назвать вынужденной, Айенгар старается сохранить изначально вложенный в это понятие смысл, а его многочисленные обращения к теме гуру служат цели предотвращения обесценивания идеалов древности.

Отметим, что даже незначительная модификация понятия «гуру» у Айенгара заставляет нас ожидать дальнейшего углубления этого процесса, особенно если принять во внимание масштабные изменения во всех сферах жизни общества, обусловленные влиянием пандемии 2020 года. Смогут ли online-учителя породить поколение online-гуру? Утратит ли свое эпистемологическое значение неявное знание по отношению к явному знанию? Наконец, сохранит ли вообще виртуализированное общество потребность в гуру? Эти и многие другие вопросы нам предстоит решить.

Библиографические ссылки

1. Айенгар Б. К. С. Аштадала-йогамала : в 2 т. / пер. с англ. К. А. Бакунина ; под ред. С. В. Пахомова. СПб. : Наука, 2016. Т. 1. 413 с.
2. Там же. Т. 2. 489 с.
3. Айенгар Б. К. С. Дерево йоги. Ежедневная практика : пер. с англ. М. : Альпина нон-фикшн, 2020. 238 с.
4. Айенгар Б. К. С. Искусство йоги : пер. с англ. Сыктывкар : Флинта, 2015. 128 с.
5. Айенгар Б. К. С. Свет жизни: йога. Путешествие к цельности, внутреннему спокойствию и наивысшей свободе : пер. с англ. М. : Альпина нон-фикшн, 2017. 139 с.
6. Великий йог Тибета Миларепа / пер. с англ. О. Т. Тумановой. Самара : АГНИ, 1994. 439 с.
7. Лысенко В. Г. Гуру // Индийская философия : энциклопедия / отв. ред. М. Т. Степанянц. М. : Восточ. лит., 2009. С. 321 – 322.
8. Пахомов С. В. Индуизм: йога, тантра, кришнаизм. СПб. : Амфора, 2002. 172 с.
9. Уймина Ю. А. Образ неоиндуистского гуру в современной российской культуре // Мистико-эзотерические движения в теории и практике: мистицизм и эзотеризм в России и других странах постсоветского пространства : сб. материалов Девятой всерос. науч. конф. с междунар. участием. СПб., 2018. С. 242 – 251.
10. Упанишады / пер. с санскр. А. Я. Сыркина. М. : Наука, 1992. Кн. 2. 339 с.
11. Форрест А. Форрест-йога: танец с драконами. Революционные практики исцеления тела и духа. М. : София, 2012. 256 с.
12. Iyengar B. K. S. Astadala Yogamala. New Delhi : Allied Publishers, 2017. V. 390 с.
13. Sparks of Divinity: The Teachings of B.K.S. Iyengar from 1959 to 1975. Paris : Institut the Yoga B.K.S. Iyenger, 2012. 322 p.
14. 3 Gurus, 48 Questions [Электронный ресурс] / Matching interviews with Sri T. K. V. Desikachar, Sri B. K. S. Iyengar & Sri K. Pattabhi Jois. Interview by R. Alexander Medin // Namarupa (Fall 2004). URL: https://web.archive.org/web/20130307101611/http://www.namarupa.org/magazine/nr03/downloads>NamaRupa_03_02.pdf (дата обращения: 03.12.2020).
15. Stukin S. «Yogis gather around the guru» [Электронный ресурс] // Los Angeles Times. 10 oct. 2005. URL: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-2005-oct-10-he-iyengar10-story.html> (дата обращения: 03.12.2020).

THE CONCEPT OF «GURU» IN THE TEACHINGS OF B. K. S. IYENGAR

The article is devoted to the study of the concept of guru in the work of the founder of the modern direction of yoga B.K.S. Iyengar. The author reveals various aspects of this concept in the views of the yoga teacher, caused by the influence of different factors of his unique life path. In the course of the study, a hermeneutic and comparative analysis of the works of a yoga teacher was carried out. As a result, the main changes in the meaning of the concept of guru in the teachings of Iyengar are revealed in comparison with those described in ancient Indian texts. In the course of the study, a hermeneutic and comparative analysis of the works of a yoga teacher was carried out. As a result, the main changes in the meaning of the concept of guru in the teachings of Iyengar are revealed in comparison with those described in ancient Indian texts. The directions of transformation of the concept of guru, translated by such a socially significant person as Iyengar, allow us to make conclusions about the trends of influence on the world community of the spiritual heritage of India.

Keywords: Indian philosophy, Iyengar, guru, upanishads, yoga.

УДК 294

А. С. Тимощук

**МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБЩЕСТВО СОЗНАНИЯ КРИШНЫ
В ПОСТХАРИЗМАТИЧЕСКОЙ ФАЗЕ РАЗВИТИЯ: ГИБРИДИЗАЦИЯ
ВЕСТЕРНИЗАЦИИ И ИНДУИЗАЦИИ**

Международное общество сознания Кришны вопреки своей консервативности и даже фанатичности также находится в процессе культурной трансформации и трансгрессии своих культовых, герменевтических, социальных, гендерных ограничений. Ранее исследователи отмечали интенсивность вербовки в этом НРД; фиксировали социально-психологические причины присоединения или взаимодействия между членами и потенциальными новобранцами. Конверсия, идеология, структура движения и внешние социальные связи – всё это подверглось трансформации. Подобный оппортунизм подтверждает гипотезы о рутинизации харизмы (М. Вебер) и постхаризматической стадии религии (П. Бергер) в развитии движения Харе Кришна.

Ключевые слова: конверсия, модернизация, НРД, МОСК, ИСККОН, постхаризма.

Международное общество сознания Кришны (International society for Krishna consciousness, ISKCON, ИСККОН, МОСК, ОСК) – это новое религиозное движение, появившееся на Западе как результат многосторонних глобализационных процессов – вестернизации и ориентализации, т. е. планетарного обмена знаниями, технологиями, практиками, духовными учениями. Хотя с индологической точки зрения кришнаизм существует более двух тысяч лет (в сектах вайканас, панчаратринов, сантов, альваров, бхагаватов, бхакт и т. п.), свой международный миссионерский потенциал бенгальский вишнуизм Чайтаньи (гаудия-вайшнавизм) смог развить в результате взаимодействия с исламом и христианством в Новое время и его американизации во второй половине XX в. [1].

Цивилизационное движение от центра к периферии означало, прежде всего, утверждение метрополии в качестве оси политической, производственной, торговой и духовной жизни. Греко-римский мир, европейская ойкумена, США последовательно доказывали свои притязания центра через технологии, индустриализацию и распространение своей культуры. Однако если *hard power* носит количественный и контролируемый характер (военная тактика, толщина брони, скорострельность, дальность полёта заряда), то перипетии *soft power* подчас трудно спрогнозировать. Поэтому во время войны во Вьетнаме (1964 – 1975), в этой отчаянной борьбе с коммунисти-

ческой угрозой в Азии, которой предшествовали поражения в Китае и Корее, США неожиданно получили тайного врага, разлагавшего молодёжь изнутри. Движение хиппи объединялось вокруг антивоенных ценностей, идеалов ахимсы, либертарианского христианства и восточных психотехник. Хиппи срывали планы по призыву через организацию протестов, активно противодействовали идеологически и контркультурно, предлагая богемную жизнь, основанную на творчестве, свободной любви и употреблении психоактивных веществ, расширяющих границы обыденного сознания. Отрицая конsumerизм и военную патриотическую риторику, хиппи объединялись в общины органического земледелия, где выращивали фрукты, овощи и марихуану. Бхактиведанта Свами Прабхупада, прибывший в США из Индии в 1965 г. с целью распространения учения традиционного гаудия-вайшнавизма, нашёл в хиппи благодарную среду для проповеди. И хотя строгие религиозные запреты отпугивали большинство из последователей, наиболее рьяные из них сформировали ядро миссионерского движения, охватившего западные страны. За короткое время «Харе Кришна» стал мемом благодаря экзотическому внешнему виду и культовым практикам мантра-йоги. Прабхупаде даже удалось побывать в СССР и инициировать Анатолия Пиняева, ставшего пропагандистом кришнаизма в городах Советского Союза.

Однако после смерти в 1977 г. основателя движения ИСККОН всту-

пило в затяжной кризис на разных уровнях – организационном, стратегическом и идейном. Вместе с тем уход Прабхупады, как это ни парадоксально, стал благом для его детища по нескольким причинам. Самое главное, это был тест на выживание, благодаря которому организация приобрела устойчивый иммунитет. Она больше не зависит от одного лидера и может себе позволить глокализацию харизмы. Продолжилась вестернизация движения, а это означало выравнивание гендерной диспропорции в управлении, духовной деятельности и отказ от неудобных высказываний Прабхупады по отношению к политике, личности Гитлера или женской психологии. Один из либералов, создатель западного «ордена» ИСККОН «Krishna West» Хридаянанда Госвами предлагает контекстуализировать эти пропозиции и отказаться от их абсолютизации: радикальные суждения Прабхупады лишь воспроизводят правые голоса индийской элиты того времени и не имеют никакого отношения к духовному посланию гуру [2].

Конечно, продолжение вестернизации ИСККОН не могло не породить нарастающего глубокого раскола между консерваторами и либералами. Однако внешне ИСККОН не выглядит упаднически. Действующее руководство МОСК анонсирует и реализует амбициозные проекты в виде грандиозного ведического планетария в Маяпуре (Бенгалия), распространения миллиона книг в юбилейный год и открытия новых центров по всему миру.

Что касается вызовов ИСККОН, то они носят системный постхаризматический характер. Помимо распрей единству религиозной организации угрожают индустриализация, институализация (формализация), выхолащивание учения через психологические тренинги [3; 4].

Проблема исследования заключается в теоретическом осмыслении модернизации традиции. Раньше про кришнаитов знали все: блаженные мужики в длинных оранжевых балахонах и экзальтированные девушки в ситцевых отрезах с оттиском пейсли – такая экзотика в 1990-х гг. вызывала удивление. Лозунги их также дышали трансцендентным запалом: «выйти из океана самсары», «мы – самая древняя религия», «Христос и Кришна суть одно». Сегодня их стратегия и тактика поменялись. Движение вступило в глубокую постхаризматическую стадию, что означает снижение прозелитизма, заботу о себе, уход в массовую тематику (здоровье, финансовое благополучие, психологию личностного роста, отношения мужчины и женщины). Поэтому их меньше видно и слышно, общество интериоризировалось, оно существует больше в себе и для себя [3].

Методы исследования: наблюдение, экспертная оценка, опрос, генетический и факторный анализ.

Полученные результаты и их интерпретация. Советско-православная стратегия борьбы с кришнаитами через перекодировку религии и приклеивание ярлыков «Кришна – чёрный», «Сектантский новодел» потерпела неудачу

и придала только им ореол гонимых. Прогресс светской жизни постиндустриального общества сделал больше для вытеснения религиозной группы на задворки социальной жизни, чем вся советская и более поздняя антисектантская борьба с ними. Последний факт позволяет рассматривать борьбу с сектами как разновидность идеологической герильи, сколько беспощадной, столько же и бессмысленной.

ИСККОН с самого своего создания было зависимо от своего харизматического лидера, создателя организации, гуру Бхактиведанта Свами Прабхупада, который за несколько лет, начиная с 1965 г., реализовал достаточно успешный международный религиозный стартап. После того как Прабхупада скончался в 1977 г., ИСККОН перешло в фазу кризиса, длившуюся более 10 лет. Распад СССР и Восточного блока позволил организации вернуть динамику развития за счёт эйфории новых адептов, которая, однако, перешла в неизбежную постхаризматическую фазу, что означает диверсификацию лидерства и стратегий движения.

Невозможно недооценить роль личности в истории религиозной организации. Биография «под знаком харизмата» означает сохранение ожиданий, что все проблемы пробуксовывания духовной организации будут решены с появлением искреннего и сильного, идейного и самоотверженного гуру. Вероятно, в постхаризматический период появление таких духовных лидеров можно ожидать не в гло-

бальном масштабе, а в региональном. Само ожидание мессии очень характерно для религиозных организаций и даже естественно. Вместе с тем оно содержит в себе ловушку, так как нормально функционировать организация не может, она колеблется между взлётами и падениями. Появляется лидер – приходят последователи, появляются ресурсы, ставятся и достигаются цели, реализуются проекты. Когда же очередной лидер теряет свой авторитет, становится консервативным критиком, то и организация «сдувается». Для того чтобы этого не происходило, религиозная организация должна перейти на приходской, бюрократический тип существования, что, конечно, сильно контрастирует с живой религией общины и её гуру-харизмата.

ИСККОН как харизматическая организация зависит от мифологических нарративов, что создаёт в итоге отрицательный эффект дилетантизма и непрофессионализма. В организации регулярно циркулируют псевдомедицинские, паранаучные, конспирологические и иные дискурсы. Новые и новые «сказочники» вдохновляют последователей на самые разные проекты – «сельскохозяйственные общины», «Психология 3000», «Школа лидерства» и т. п. Зачастую руководители этих проектов заняты самоутверждением и использованием доверчивой паствы, которая рано или поздно разочаровывается в новой обетованной земле.

Плюрализация идентичностей переносит акцент с давнего концепту-

ального противоречия: религиоведение справедливо записывает кришнаитов в неоориентализм, а те не хотят расставаться с претензией на передачу вечной универсальной ведийской культуры (санатана дхарма). Распределение современных лидеров кришнаитов между разными концептуализациями организации и определяет разнообразие стратегий развития ИСККОН. Одни гуру, такие как Бхакти Ананта Кришна Госвами, Бхакти Ратнакара Амбариш Свами, Бхакти Бхагаватамрита Кешава Свами, видят будущее во внутреннем литургическом развитии и распространении книг; другие, такие как Бхакти Вигьяна Госвами, Бхактиведанта Садху Свами, Чайтанья Чандра Чаран, Бхакти Расаяна Сагар Свами Махарадж, выступают за развитие образовательных программ.

Выводы. Можно зафиксировать различные стратегии развития ОСК в глобальной семиосфере – религиозную и внерелигиозную. Полилог этих стратегий и идентификаций влияет на набор программ миссионерской деятельности и социального служения, устанавливает границы желаемого и возможного в условиях глобализации [5]. На ранних этапах стратегии концептуализации и конструирования

гаудия-вайшнавизма задавались материнской культурой, брахманизмом и взаимодействием с многочисленными сектами шиваизма, шактизма и тантризма. По мере коммуникации с авраамическими религиями, исламом и христианством традиция гаудия оформилась как миссионерская, глобалистская, с ситуативными границами самоидентификации [6].

Нельзя не отметить инклюзивные преобразования ОСК: уравнивание женщин, межрелигиозное взаимодействие, бодипозитив и телонейтральность. Инклюзивный рост организации стал возможен благодаря таким аддитивным технологиям, как светская занятость, взаимодействие с наукой и религиоведением, получение университетского образования.

ИСККОН в XXI в. стало мультикультурной организацией благодаря международному распространению и информационному обществу. Из всех стандартов только два объединяют все поликультурные общины: признание Прабхупады духовным лидером и Кришны – Богом. Остальные позиции (гендерные роли, положение женщины, духовные стандарты, пищевые запреты) варьируются в зависимости от страны и общины.

Библиографические ссылки

1. Тимощук А. С. Вайшнавизм: стратегии конструирования и концептуализации // Народы и религии Евразии. 2018. № 1 (14). С. 72 – 80.
2. Тимощук А. С. Диалектический персонализм Хридаянанда Госвами // Академическое исследование и концептуализация религии в XXI веке: традиции и новые вызовы : сб. материалов Третьего конгр. рос. исслед. религии,

7 – 10 окт. 2016 г., Владимир : в 6 т. / Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. Владимир : Аркаим, 2016. Т. 6. С. 266 – 276.

3. Тимощук А. С. Российское Общество сознания Кришны в начале XXI в.: поиски идентичности // Восток на Западе : материалы науч. конф., посвящ. Году Индии в России. Владимир : Изд-во ВлГУ, 2009. С. 6 – 14.

4. Тимощук А. С. Индуизация Общества сознания Кришны // II Международная конференция «Религия в истории народов России и Центральной Азии». Барнаул, 2014. С. 351 – 353.

5. Rochford B. Recruitment Strategies, Ideology, and Organization in the Hare Krishna Movement // Social Problems, Volume 29, Issue 4, 1 April 1982. P. 399 – 410.

6. Тимощук А. С. Общество Сознания Кришны и индуизм // III Международная научно-практическая конференция «Религии России: проблемы социального служения и патриотического воспитания», 2 – 5 окт. 2013 г., Нижний Новгород ; Религии России: проблемы социального служения и патриотического воспитания : коллектив. моногр. / под ред. О. К. Шиманской. Н. Новгород : Изд-во Нижегород. гос. лингвист. ун-та им. Н. А. Добролюбова, 2014. С. 443 – 444.

A. S. Timoshchuk

**INTERNATIONAL SOCIETY FOR KRISHNA CONSCIOUSNESS
IN THE POST-CHARISMATIC DEVELOPMENT PHASE: HYBRIDITY
OF WESTERNIZATION AND HINDUIZATION**

The International Society for Krishna consciousness (ISKCON), despite its conservatism and even fanaticism, is also in the process of cultural transformation and transgression of its cult, hermeneutic, social, gender restrictions. Previously, researchers noted the intensity of recruitment in this NRM; recorded socio-psychological reasons for joining or interacting between members and potential recruits. Conversion, ideology, movement structure, and external social connections have all been transformed. Such opportunism confirms the hypothesis about the routinization of charisma (M. Weber) and the post-charismatic stage of religion (P. Berger) in the development of the Hare Krishna movement.

Keywords: conversion, modernization, NRM, ISKCON, post-charisma.

**ДЕКЛАРАЦИЯ 1927 ГОДА И ДВИЖЕНИЕ «НЕПОМИНАЮЩИХ»
В ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ**

Движение «непоминающих» возникло в Православной церкви как форма религиозного протеста верующих – иерархов, священников и мирян – на репрессивную политику советской власти. Советская власть продолжила гонения против верующих, несмотря на Декларацию 1927 года о лояльности верующих государству. Это создавало угрозу появления раскола внутри Церкви. Позиции митрополита Сергия (Страгородского) и епископа Афанасия (Сахарова), одного из лидеров религиозного протеста, существенно различались.

Ключевые слова: Православная церковь, Декларация 1927 года, антирелигиозная политика, церковное движение.

18 августа 1927 года в газете «Известия» была опубликована «Декларация митрополита Сергия (Страгородского)». На самом деле авторство этого документа принадлежало не ему и даже не собранному им Синоду, а совсем другой организации, уполномоченной бороться с Церковью. Хотя текст датирован 29 июля, он вышел в официальном рупоре советской пропаганды со значительным опозданием: изданный в виде листовки 5-тысячным тиражом документ был отвергнут большинством православных приходов. Правительство было вынуждено опубликовать Декларацию в своей газете. Этот факт сразу обозначил непростую судьбу подписанного митрополитом Сергием текста в истории Русской Православной Церкви. «Именно она («декларация») на долгие годы стала той «лакмусовой бумажкой», с помощью которой многие современники (да и исследователи) пытались определить

значение совершенного вл. Сергием в русской церковной истории XX столетия» [7, с. 172].

Несмотря на то, что «Послание (декларация) Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия и временного при нем Патриаршего Священного Синода об отношении Православной Российской Церкви к существующей гражданской власти» (таково полное официальное название документа) было в известной степени продолжением курса патриарха Тихона, оно стало краеугольным камнем во внутрицерковных разногласиях: о канонических границах власти заместителя местоблюстителя, об отношении к Советскому государству и советской власти [8, с. 100].

Непосредственным предшественником Декларации 1927 года принято считать «Послание Святейшего Патриарха Тихона об отношении к существующей государственной власти», подпи-

санное им 7 апреля 1925 года в день своей кончины и позже опубликованное в советской прессе. Документ получил неправомерное название «предсмертного завещания». Об авторстве этого текста в современной историографии написано много и считается, что подлинным сочинителем был сотрудник (или начальник) 6-го отдела ОГПУ [7, с. 114]. Однако принципиальными считаются те вопросы, которые несомненно волновали патриарха: ходатайство о регистрации Временного Патриаршего Синода из 7 иерархов до созыва Поместного Собора [1, с. 510].

Разумеется, в своей Декларации митрополиту Сергию (Страгородскому) уже пришлось пойти на значительно большие уступки советской власти. В «Завещании» «прослеживалось стремление избежать политически ангажированных заявлений», отказ от церковного суда по политическим мотивам. Документ 1925 года говорит о признании политической системы – власти рабочих и крестьян, а митрополит Сергей вынужден был говорить уже о «гражданской родине, Советском Союзе» [7, с. 163].

Несмотря на значительное сходство двух текстов, Декларация, по меткому определению С. Л. Фирсова, «не соответствовала психологическому настрою большинства верующего народа в СССР». И это большинство, а тем более пассионарии из числа образовавшегося движения «непоминающих», не могли простить этот поступок заместителю местоблюстителя.

Одной из групп движения «непоминающих», как было отмечено, была «даниловская оппозиция», которая появилась еще при патриархе Тихоне около 1922 года. Ее возглавил архиепископ Волоколамский Феодор (Поздеевский), авторитетный иерарх. Епископ Афанасий (Сахаров), как уже упоминалось, тесно общался с ним и его окружением. Поводом для критики патриарха Тихона стали, по их мнению, компромиссы с советской властью, проводившей антицерковную политику. О владыке Феодоре говорили: «Строгий монах, человек бескомпромиссной твердости, он считал, что Церкви незачем вступать в диалог с атеистическим государством» [5, с. 101]. После кончины патриарха часть «даниловцев» и их духовный лидер архиепископ Феодор (Поздеевский) отказались признать законными местоблюстительские полномочия митрополита Петра (Полянского). Но, по некоторым данным, епископ Афанасий не разделял такую жесткую позицию. Декларацию митрополита Сергия «даниловцы» восприняли как капитуляцию перед безбожной властью. Однако архиепископ Феодор не ушел в раскол, но перестал возносить имя заместителя местоблюстителя за богослужением. Впрочем, «даниловцы» и их лидер продолжали убеждать митрополита Сергия (Страгородского) отказаться от сотрудничества с безбожниками.

Уже в середине 1920-х годов ОГПУ провело массовые аресты «даниловцев» в Москве и других городах.

Движение, объединявшее более 30 архиереев, по крайней мере, организационно, было разгромлено. Однако именно «параллельный Синод» из «даниловцев» явился тем закладным камнем, на котором стала утверждаться Катакомбная Церковь.

Несмотря на тесные отношения с архиепископом Феодором (Поздеевским), владыка Афанасий по своим взглядам был ближе к митрополиту Кириллу (Смирнову), с которым его связывала духовная дружба. В первую очередь святитель Афанасий Ковровский подписал известное послание соловецких епископов митрополиту Сергию (Страгородскому) с критикой его Декларации. Он не разделял в полной мере критическое отношение к патриарху Тихону и признавал канонические права местоблюстителя Петра (Полянского). Эти существенные отличия его церковной позиции от «даниловцев» станут ясны позднее – на основании материалов допросов НКВД в 1943 году:

«Вопрос: А как вы отнеслись к митрополиту Сергию в связи с его декларацией о лояльном отношении к Советской власти?

Ответ: Как известно, патриарх Тихон перед смертью завещал престол патриарха, или, вернее, местоблюстителя православной церкви, митрополитам Агафангелу, Кириллу Смирнову и Петру Крутицкому. Поскольку на погребении Тихона был только Петр Крутицкий, он и принял эту должность местоблюстителя православной церкви. Я, как и другие архиереи, считал

законной церковную власть Петра Крутицкого. В декабре 1925 года митрополита Петра арестовали, и он оставил своим заместителем митрополита Сергия Страгородского. Эту власть Сергия я признал законной. В 1927 году, когда митрополиты Петр и Кирилл, как и я, находились в заключении, митрополит Сергей выступил с декларацией о лояльном отношении духовенства к Советской власти, а после этого в 1930 году я узнал, что Сергей, превысив свои полномочия, объявил себя митрополитом Московским и Коломенским (епархии, которыми мог управлять только патриарх) и заявил, что он не обязан отчитываться в своих действиях перед митрополитом Петром Крутицким. Вернее, он объявил себя главой православной церкви. Я не признал законной власть митрополита Сергия и, возвратившись из ссылки в 1933 году, я написал Сергию о своем отходе от него и о том, что я под его руководством управлять епархией не буду» [2, л. 9].

Анализ документа показывает лояльное отношение владыки Афанасия к патриарху Тихону и митрополиту Петру, что существенно отличало его позицию от позиции «даниловцев». На этом основании некоторые исследователи считают, что владыка Афанасий в большей степени в эти годы был близок группе «мечевцев», духовным лидером которых был московский священник Сергей Мечев [9, с. 245]. К ним также относились епископ Серпуховской Арсений (Жадановский), епископ Дмитровский Се-

рафим (Звездинский) и еще 3 – 4 архиерея.

Однако нельзя считать, что движение «непоминающих» было однородным: как правило, члены церковной оппозиции корректировали свои взгляды в зависимости от обстоятельств. Например, епископ Афанасий с июня 1927 по февраль 1930 г. отбывал свой срок на Соловках и не знал об отделении митрополита Кирилла от заместителя местоблюстителя, потому что ковровский узник просто не имел связи с Казанским архипастырем [4, с. 127]. И только встретившись с ним на пересылке в Красноярске, он принял решение отойти от митрополита Сергия. Когда в 1933 году епископ Афанасий вернулся во Владимир, он отказался засвидетельствовать владимирскому архиерею свою лояльность «сергиевцам» и не принял на себя обязанности ковровского vikария. Надо согласиться с мнением, что многие архиереи фактически уходили за штат, устранились от церковной жизни, «оставаясь в рамках легальности» [9, с. 245].

Группа «мечевцев», в которую принято включать епископа Афанасия, имела не менее двух направлений. В доносе в ОГПУ одну группу характеризуют как «страдающую неискренностью и двойственностью в отношении митрополита Сергия, которого частью признают, частью не признают, одни его распоряжения исполняют, другие не исполняют». Среди «мечевцев» были также последователи митрополита Кирилла, которые «пытались поста-

вить вопрос о м. Сергии чисто в область церковного спора» [4, с. 111]. К ней, скорее всего, принадлежал ковровский святитель.

О связях с «мечевцами» и тайных хиротониях священников для церковного подполья говорит интересный факт: в середине 1930-х гг. вместе с некоторыми другими духовными детьми о. Сергия Мечева – братьями маросейской общины (Константином Апушкиным, Валерием Поведским, Борисом Васильевым) – был тайно рукоположен в священный сан Р. В. Ольдекоп. Первые трое были ставленниками митрополита Мануила (Лемешевского), но Ольдекоп принял посвящение от рук владыки Афанасия [3]. Таким образом, владыка Афанасий стоял у истоков практики рукоположения катакомбных священников для подпольных общин, что особенно значимо – подпольных общин Москвы.

Безусловно, появление Декларации 1927 года оказало значительное влияние на радикализацию церковного подполья, формирование церковной оппозиции курсу заместителя местоблюстителя. Но документ, еще раз обратим внимание, появился в переломную эпоху – НЭП («либеральная политика» в СССР), еще не был окончательно свернут, коллективизация еще не началась. Некоторый оптимизм митрополиту Сергию (Страгородскому), внимательно следившему за всеми переменами в стране, могло внушать одно важное обстоятельство – в 1927 году был снят со всех постов и позднее

отправлен в ссылку главный организатор уничтожения Православной церкви – Л. Д. Троцкий. Для митрополита политический крах Троцкого и его курса был очевиден: с 1926 года во всех партийных изданиях началась его травля как «оппортуниста». Примечательно, что ни один из оппонентов заместителя местоблюстителя не проявлял интереса к этой важной информации.

Определяющую роль в отношении к позиции митрополита Сергия (Страгородского) играло мнение авторитетных архиереев, в первую очередь митрополитов Кирилла (Смирнова) и Петра (Полянского). Точка зрения на церковные проблемы епископа Афанасия формировалась под влиянием митрополита Кирилла, которого он поддерживал. Суть этой позиции сводилась к следующему: заместитель местоблюстителя превысил свои полномочия в управлении Церковью. Именно это, как было показано выше, утверждал на допросах в ОГПУ – НКВД владыка Афанасий (Сахаров). Однако, читая материалы его следственных дел, воспоминания современников, почти невозможно согласиться с его показаниями о «церковном подполье» (владыка старался уйти от преследования ОГПУ): «Сторонником нелегальной Православной Церкви я никогда не являлся. Что касается Патриарха Сергия, то я не согласен был с ним лишь в том, что он нарушением церковных правил присвоил права митрополита Петра» [2, л. 43].

Участие и организация епископом Афанасием тайных богослужений во Владимире, рукоположение священников для «катакомбного служения», тесные контакты с «даниловцами» и «мечевцами», распространение «соловецкого послания» – все это говорило об обратном. Он был одним из лидеров нелегальной церковной организации. Разумеется, не только признание этого факта грозило смертной казнью для него и его окружения, которое автоматически переходило в разряд сообщников для органов ОГПУ – НКВД, но и отказ от признания Декларации 1927 года по «политическим мотивам» был достаточным поводом для усугубления своего положения во время следствия.

Существенным поводом охлаждения епископа Афанасия и других «непоминающих» к митрополиту Сергию были причины, о которых на допросах в органах не говорили. Это стало известно после публикации отчетов осведомителя ОГПУ, в которых он дает объяснение разногласий группы митрополита Кирилла (Смирнова) и епископа Афанасия (Сахарова): «Вовсе не во внешних проявлениях деятельности – декларация и пр. – эти вопросы. Мы во главу угла ставим внутреннюю суть, организацию беззаконного «синода» и подмену тем евангельской идеи душепаствырствования идеей чиновничества церковного». Когда появилось Высшее церковное управление (ВЦУ), митрополит Кирилл высказался: «Туда пойдут те, кому дороги

номера входящие и исходящие, а нам они не нужны, будем учиться не бумагописанию, а посту, молитве, богомыслию и окормлению душ по Христу. Вот эта-то разница мирозерцания митрополита Кирилла и Сергиева иерарха и является той основной причиной – пропастью, которая нас разделяет, и лишь перемена митрополитом Сергием направления в сторону отмены бумажного «синода» может привести его к идее душепаствырства, а затем и к примирению с нами» [4, с. 111].

Епископ Афанасий, судя по его отношению к сергиевским епископам (отказ от сотрудничества), не мог не разделять данных взглядов, тем более что это отношение к политике митрополита Сергия было уже «общим местом» для церковной оппозиции.

В 1930-е годы святитель Афанасий приобретает все навыки церковного подпольщика, пройдя скорбный путь исповедника. Главные знания были просты: не называть никаких новых имен на следствии (это видно по его показаниям), не признавать политических обвинений (настаивать исключительно на церковных разногласиях с советской властью и лояльными ей епископами), использовать условные прозвища в переписке, шифруя подлинными именами. Так, например, митрополита Кирилла в своих письмах он называет «дедушкой», осведомителя священника Николая Дулова – «Колей» и т. п. [Там же, с. 113].

С середины 1930-х годов политические репрессии в СССР усиливаются. Начинается «ежовщина», положившая начало массового применения пыток на этапе дознания в органах НКВД, вынесения приговоров о «высшей мере социальной защиты». Люди, близко знавшие епископа Афанасия в те годы, обращали внимание на то, что до 1937-го года священнослужителям в тюрьмах и лагерях еще разрешали носить духовную одежду и длинные волосы, приличествующие их сану. При наркоме Н. И. Ежове тюремный режим ужесточается: ограничивается переписка, продовольственные посылки, отнимаются личные вещи заключенных. Из письма епископа Афанасия (Сахарова) наркому внутренних дел от 2 марта 1939 года: «О религиозной свободе не приходится и говорить» [6, с. 157].

Как это ни удивительно, но от расстрела святителя Афанасия спас арест в 1936 году. Он был обвинен в создании «по поручению Ватикана» структур подпольной Истинно-православной церкви и получил по тем временам довольно щадящий срок – пять лет лагерей с отбыванием на Беломорканале.

В 1937 году НКВД обвиняет «церковников» в пособничестве фашистам и массово приговаривает к расстрелам. Так погибли архиепископ Феодор (Поздеевский) и большинство «даниловцев» и «мечевцев», арестованных в этот год.

Библиографические ссылки

1. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917 – 1943 гг. / сост. М. Е. Губонин. М. : Изд-во ПСТБИ, 1994.
2. Архив Владимирской Епархии. Фонд епископа Афанасия (Сахарова). Оп. 3.1. Д. 8.
3. Архив протоиерея Хижего М. Л., секретаря Комиссии по канонизации месточтимых святых Владимирской епархии (1995 – 1998) // Интервью О. А. Кавелиной. Магнитофонная запись.
4. Мазырин А., свящ. Высшие иерархи о преемстве власти в Русской Православной Церкви в 1920 – 1930-х годах. М., 2006.
5. Последнее следственное дело архиепископа Феодора (Поздеевского). М., 2004.
6. Сергия (Ежикова), инокиня. Святитель Афанасий (Сахаров), исповедник и песнописец. Сергиев Посад, 2003.
7. Фирсов С. В. Время в судьбе: Святейший Сергей, Патриарх Московский и всея Руси: К вопросу о генезисе «сергианства» в русской церковной традиции XX века. СПб., 1999.
8. Хижий М. Л., Диесперов В. Б. Возникновение движения «непоминающих» в 1927 – 1945 гг. в Православной Церкви // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Социальные и гуманитарные науки. 2017. № 4 (16). С. 96 – 101.
9. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 2005.

M. L. Khizhiy

THE DECLARATION OF 1927 AND THE MOVEMENT «NOT MENTIONING IN PRAYERS» IN THE ORTHODOX CHURCH

The movement of «not mentionning in prayers» appeared in the Orthodox Church as a form of religious protest of the faithful – bishops, priests and laity on the repressive policy of the Soviet power. The Soviet government continued to persecute believers, despite the Declaration of 1927 on the loyalty of believers to the state. This threatened to create a schism within the Church. The position of Metropolitan Sergius (Stragorodsky) and Bishop Athanasius (Sakharov), one of the leaders of the religious protest, differed significantly.

Keywords: Orthodox Church, Declaration of 1927, anti-religious policy, Church movement.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ЖИРКОВА Марина Анатольевна – кандидат филологических наук
доцент Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина,
г. Санкт-Петербург
manp@mail.ru

ЖУКОВА Любовь Евгеньевна – кандидат экономических наук
главный государственный налоговый инспектор Межрайонной инспекции
Федеральной налоговой службы по крупнейшим налогоплательщикам № 6,
г. Москва
zhukowa@yandex.ru

ЛЕВИНА Наталия Николаевна – кандидат филологических наук
доцент Национального исследовательского Мордовского государственного
университета им. Н. П. Огарева, г. Саранск
LEV.NataliyaN@yandex.ru

ЛЯПАНОВ Артем Владимирович – кандидат исторических наук
доцент кафедры истории России Владимирского государственного университета
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых,
г. Владимир
Lyapanov@mail.ru

МАРКОВ Александр Викторович – доктор филологических наук
профессор кафедры кино и современного искусства Российского
государственного гуманитарного университета, г. Москва
markovius@gmail.com

МИТРОФАНОВ Виктор Владимирович – доктор исторических наук
профессор кафедры теории и истории государства и права
Университета при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС, г. Санкт-Петербург
victor-n1962@mail.ru

СУРОВЦЕВА Екатерина Владимировна – кандидат филологических наук
профессор Российской академии естествознания, старший научный сотрудник
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, г. Москва
surovceva-ekaterina@yandex.ru

ТИМОЩУК Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент
профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических наук
Владимирского юридического института ФСИН России, г. Владимир

a@timos.elcom.ru

ТРЯХОВ Илья Сергеевич – кандидат исторических наук
доцент кафедры истории России Владимирского государственного университета
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых,
г. Владимир

ilja.tryahoff@yandex.ru

ХИЖИЙ Максим Леонидович – кандидат философских наук
доцент кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного
университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых,
г. Владимир

maxim-priest@mail.ru